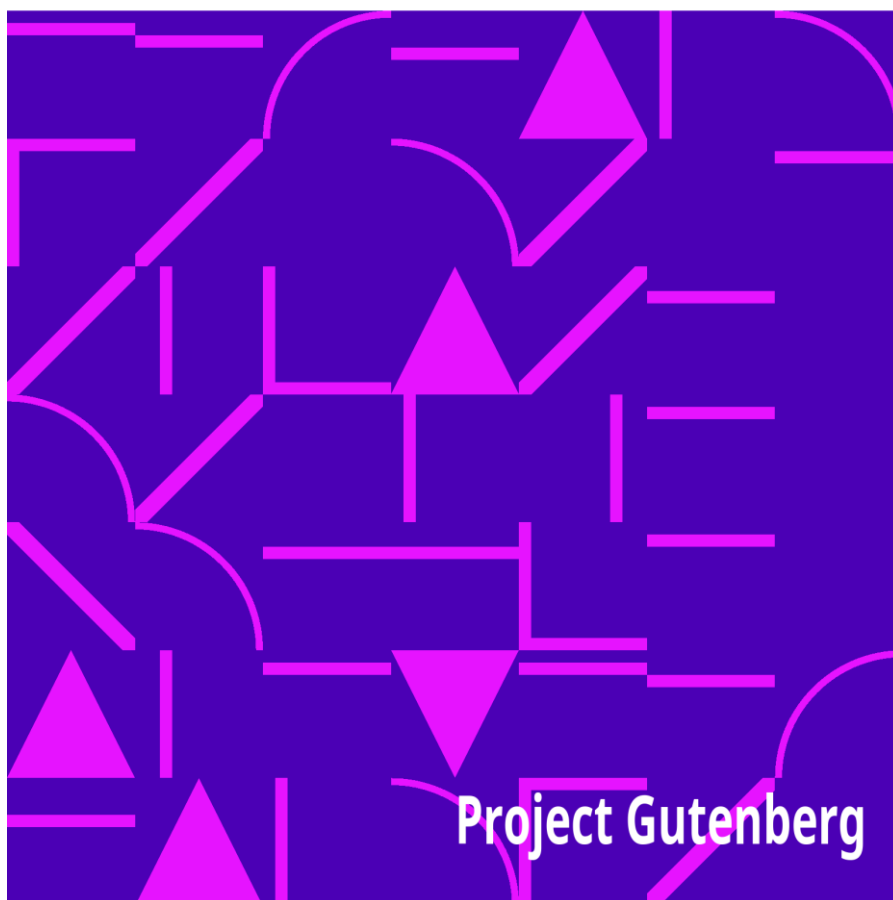

Образование в Англии в Средние века. Диссертация, утвержденная для получения степени доктора наук в Лондонском университете

Альберт Уильям Парри

Education in England in the Middle Ages

Albert William Parry

The Project Gutenberg eBook of Education in England in the Middle Ages (Образование в Англии в средние века).

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Образование в Англии в Средние века

Автор: Альберт Уильям Парри

Дата выхода: 28 июня 2011 [eBook #36553]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://www.archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK EDUCATION IN ENGLAND IN THE MIDDLE AGES ***

*Электронный текст подготовлен группой онлайн корректуры
(<http://www.pgdp.net>)
из изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive
(<http://www.archive.org>)*

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <http://www.archive.org/details/educationinengla00parriala>

ОБРАЗОВАНИЕ В АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ОБРАЗОВАНИЕ В АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ДИССЕРТАЦИЯ, УТВЕРЖДЕННАЯ НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК В ЛОНДОНСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

А. В. ПАРРИ, М.А., Д.С.
ДИРЕКТОР УЧЕБНОГО КОЛЛЕДЖА, КАРМАРТЕН

Лондон: W. B. CLIVE
University Tutorial Press L^d.
High St., New Oxford St., W.C.
1920

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель этой книги - дать представление о том, как в нашей стране было организовано образование в период от введения христианства до кануна Реформации. Перед ее написанием я попытался изучить все имеющиеся данные с целью выявления факторов, способствовавших развитию образования в стране в рассматриваемый период.

В то время как эта работа находилась в процессе, покойный А. Ф. Лич опубликовал свою книгу *"Школы средневековой Англии"*. Его книга, однако, существенно отличается от моей, его цель другая, выводы, к которым он приходит, другие; кроме того, поскольку он не цитирует авторитеты для утверждений, которые он делает, я не нашел его работу непосредственно полезной. Эта критика не относится к его *"Образовательным хартиям"* - сборнику документов, представляющему неоценимую ценность для всех студентов, изучающих историю английского образования.

Я постарался в каждом случае признать свои обязательства перед другими авторами. Кроме того, в приложении я привожу список авторитетов, с которыми я консультировался, и других книг, которые я изучал для целей данного исследования. Тем не менее, поскольку значительная часть этой книги была написана во время моей военной службы (1914-9 гг.) и, следовательно, я зависел от заметок, которые я составлял в разное время и в разных местах,

вполне вероятно, что в ней могут быть некоторые упущения и неточности. Моей защитой должны служить особые обстоятельства последних лет.

Позвольте мне воспользоваться этой возможностью и выразить свою признательность профессору Фостеру Уотсону, доктору философии. Как один из его бывших студентов, я обязан стимулом и поддержкой, которые я получил от него, моему интересу к вопросам, связанным с историей образования. Я также хочу с благодарностью отозваться о книге мистера Дж. Э. Г. де Монморанси *"Государственное вмешательство в английское образование"*. Мистер де Монморанси был первым автором, который дал связный отчет о развитии английского образования, и вполне уместно, что те, кто берется за подобную задачу, должны осознать свои обязательства перед тем, кто первым "проложил тропу".

Я также должен поблагодарить мистера Г. Сент-Квинтина и мистера С. Э. Гоггина за то, что они избавили меня от неприятной работы по исправлению гранков, а преподобного доктора Хьюза - за любезную подготовку указателя.

A. W. P.

Кармартен,
Январь 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Введение	1
 КНИГА I.- АНГЛО-САКСОНСКИЙ ПЕРИОД.	
I. Деятельность монастырей	3
II. Образование при светском духовенстве	17
III. Возрождение образования	31
 КНИГА II. ЦЕРКОВЬ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЕМ.	
Вступление	44
I. Образовательная деятельность монастырей	55
II. Некоторые спорные термины	63
III. Организация образования светским духовенством	76
IV. Монополия на содержание школ	92
V. Назначение и пребывание в должности магистров	104
VI. Воспитание дворянских сыновей	117
 КНИГА III.- ОБРАЗОВАНИЕ, ВЫШЕДШЕЕ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ ЦЕРКВИ.	

I. Социальные и экономические изменения	124
II. Возвышение университетов	132
III. Гильдии и добровольные ассоциации	144
IV. Песнопения	157
V. Монашество и образование в позднее Средневековье	170
VI. Возникновение великих государственных школ	188
VII. Университетские колледжи, коллегии и коллегиальные церкви в позднее Средневековье	202
VIII. Учебный план и метод	216
IX. Прогресс образования	232
Приложение	245
Указатель	256

ВВЕДЕНИЕ.

История образования в Средние века тесно переплетается с историей Церкви. Профессор Фостер Уотсон с одобрением цитирует изречение кардинала Ньюмена: "Нет в Европе человека, который бы смело выступал против Церкви, но обязан Церкви тем, что вообще может говорить"[1].

В развитии английской системы образования в рассматриваемый нами период можно проследить три этапа.

Первый этап охватывает период от введения христианства до Нормандского завоевания. Введение христианства стало средством, с помощью которого образование стало возможным для этой страны, и поэтому естественно, что предоставление возможностей для образования было воспринято как часть функции церкви. В этой связи важно осознать отношение государства к церкви в англосаксонские времена. Как отмечает профессор Медлей,[2] Церковь и государство в этот период были во многом идентичны. Епископы были советниками королей *ex-officio* и заседали в местных судах, не только осуществляя юрисдикцию в делах, затрагивающих духовенство, но и занимаясь вопросами, касающимися нравственности мирян. В более реальном смысле, чем в любое другое последующее время, Англиканская церковь в англосаксонский период была церковью английской нации. В это время деятельность Церкви была, по сути, деятельностью государства, а работа, которая велась в сфере образования, могла восприниматься безразлично, как работа Церкви или государства.

Второй этап датируется Нормандским завоеванием, которое положило конец этому тождеству церкви и государства. Вильгельм I, движимый желанием провести определенные реформы в церкви по образцу тех, которые он наблюдал за границей, отделил церковные суды от гражданских и изданным им ордонансом разрешил церковным властям

использовать светскую власть для исполнения своих приговоров. С этого времени и вплоть до Реформации церковь и государство в нашей стране были разделены.

Такое разделение церкви и государства привело к тому, что ряд обязанностей, помимо сугубо духовных, молчаливо рассматривался как часть функций церкви. В число этих обязанностей вошло и предоставление образовательных учреждений, и оставляло за церковью право принимать такие меры по организации, поддержанию и контролю образования, которые она считала необходимыми.

Третий этап наступил, когда общественное сознание общества (точнее, части общества) впервые осознало, что образование не является делом только церковных властей. Первое проявление этого в Англии произошло, когда учителя начали осознавать, что они выполняют функцию, отличную от особых функций священства, и, соответственно, объединились в организацию для защиты своих общих интересов, положив тем самым начало движению, которое в конечном итоге привело к созданию университетов. Позднее различные экономические события привели к определенным социальным изменениям, которые не только сделали образование объектом большего желания, но и привели к тому, что богатые купцы, гильдии и гражданские общины, а также церковники приняли участие в работе по созданию дополнительных возможностей для образования людей.

Для удобства можно выделить следующие три этапа

I. Англосаксонский период.

II. Образование под церковным контролем.

III. Выход образования из-под церковного контроля.

КНИГА I.

АНГЛО-САКСОНСКИЙ ПЕРИОД.

ГЛАВА I.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ.

Введение христианства в этой стране после саксонского вторжения было осуществлено двумя независимыми организациями - римской миссией под руководством Августина, прибывшей в Танет в 597 году, и шотландскими миссионерами, которые в ответ на приглашение Освальда, короля Нортумбрии, поселились на острове Линдисфарн в 635 году.

Очевидно, что главной задачей этих миссионеров было обращение народа, исповедовавшего языческую религию, в христианскую веру. Выполнение этой главной задачи, однако, включало в себя две дополнительные задачи, одна из которых была моральной, а другая - социальной. Мрачную картину морального состояния поселенцев в

этой стране в V веке нарисовал Монталембер. Опираясь на "Жермены до христианства" Озанама, он спрашивает: "Что можно было ожидать в плане морали от людей, привыкших вызывать и поклоняться Водену, богу резни, Фрейе, Венере Северной, богине чувственности, и всем тем кровавым и непристойным богам, из которых один имел своей эмблемой обнаженный меч, а другой - молот, которым он разбивал головы своим врагам?" Он продолжает: "Бессмертие, которое было обещано им в их Вальгалле, но которое они обрели за новые дни резни и ночи разврата, проведенные в глубоком питье из черепов своих жертв. И в этом мире их жизнь слишком часто превращалась в затяжную оргию резни, насилий и разврата"[3] Вот в чем заключалась нравственная задача, которая стояла перед христианскими миссионерами. Они должны были заменить существующие национальные идеалы идеалами христианства - идеалами высочайшего стандарта личной морали. Социальная задача, которую взяли на себя миссионеры, заключалась в том, чтобы поднять страну из состояния варварства в состояние цивилизации. Говоря о результатах внедрения христианства, Грин пишет: "Новая Англия была принята в старшее содружество наций. Цивилизация, искусство, письменность, которые бежали перед мечом английского завоевания, вернулись вместе с христианской верой"[4].

Какие средства могли использовать миссионеры для достижения поставленных целей? Очевидно, что для удовлетворения потребностей новообращенных в новую веру необходимо постоянное преподавание и обучение, и столь же очевидно, что для продолжения трудов первых миссионеров необходимо было создать местное служение. Учение, следовательно, занимает важнейшее место, и именно на образовательный аспект труда этих миссионеров, а не на религиозный или церковный, направлено сейчас наше внимание. Возможно, нам стоит напомнить, что эти миссионеры прибыли в эту страну, говоря на латинском языке, что богослужения в Церкви велись на этом языке, и что существовавшие книги также были написаны на латыни. Необходимо прояснить этот момент, чтобы показать, что школы для обучения на этом языке были необходимы с самого начала.

Важно также помнить, как отмечает Монталембер, что обращение Англии происходило с помощью монахов, сначала бенедиктинских, присланных из Рима, а затем кельтских[5]. Мы можем выдвинуть общую гипотезу, которая будет доказана в ходе работы над диссертацией: образовательные учреждения, созданные в этой стране, были вызваны подражанием тем, которые действовали в других странах. Христианские миссионеры в Англии, например, не создавали систему образования. Они перенимали то, что видели в родительских монастырях, из которых пришли, и при этом естественным образом адаптировали систему к особым потребностям страны. Из этого общего принципа можно найти некоторые исключения; они будут отмечены в соответствующем месте.

Принимая эту гипотезу, прежде чем мы сможем перейти к рассмотрению специальной работы монастырей в этой стране в области образования, необходимо кратко рассмотреть значение монашества и степень, в которой монастыри ранее связывали себя с образовательной деятельностью.

Возникновение христианского монашества объясняется отчасти моральными условиями, преобладавшими в первые века христианской эры, а отчасти мистическими и аскетическими наклонностями, проявлявшимися в некоторых людях. Хотя общепринятый взгляд на моральное состояние римского общества во времена ранней Церкви[6] может быть преувеличен, а описание, данное Диллом[7], более точно отражает положение вещей, которое действительно преобладало, но даже этот измененный рассказ изображает социальное состояние, в котором нравственные идеалы - за исключением редких случаев - едва ли существовали. Поддаваться похотям тела казалось почти неотделимым от жизни в

этом мире. Апостолы и отцы Церкви неоднократно считали необходимым предостеречь членов Церкви от грубых грехов. Множество соблазнов, низкий моральный уровень, отсутствие какого-либо общественного осуждения нарушений морального кодекса способствовали росту убеждения, что телесное умерщвление и энергичный аскетизм должны практиковать те, кто хочет быть настоящими, а не просто номинальными христианами. Эффективное достижение такого идеала вело к отказу от участия в общественной жизни, от жизни в общении с другими людьми, к жизни в уединении, чтобы путем суровой дисциплины тела и жизни, полностью отданной молитве, созерцанию и медитации, душа могла войти в более тесное общение с Богом.

Этот идеал уединения был не совсем новым. В пустынях Египта в первые века благочестивые евреи предавались уединенной и строгой жизни в целомудрии и молитве, сочетая систему религиозного созерцания с суровым режимом физической дисциплины. Здесь был пример, готовый для подражания со стороны восторженных христиан. Отказавшись от жизни в миру, которая во многих случаях означала распутство и порок, новообращенный, для которого христианская религия стала реальностью, стремился найти в уединенной жизни отшельника возможность для созерцания, которое он считал обязательным для спасения своей души.

Репутация святости и аскетизма, завоеванная одними отшельниками, побуждала других желающих вести подобную жизнь строить свои кельи в непосредственной близости от них. Постепенно возник обычай строить ограду вокруг небольшой группы келий и признавать одного человека духовным главой группы. Были согласованы определенные правила, а также общая орагатория. Первые правила для общины такого типа были разработаны Пахомием, который основал коэнобическую общину в Табенне в 320 году н.э.

Для нашей цели важно отметить, что Пахомий считал необходимым уделять внимание образованию воспитанников общины. Для тех, кто пренебрег ранним обучением, должны были проводиться занятия, и никому не разрешалось оставаться в общине, кто не научился читать и не был знаком, по крайней мере, с Псалтирью и Новым Заветом[8].

Третий этап в развитии монашества связан с именем святого Василия Кесарийского. Вместо того чтобы основать свой монастырь в каком-нибудь отдаленном районе, он построил его недалеко от города и принимал в него не только одиночек, убившихся в опасности одинокой жизни, но и бедных, угнетенных, бездомных и тех, кто по разным причинам устал от жизни во внешнем мире и искал приюта для своих оставшихся дней. Василий принимал не только мужчин, но и женщин, и детей: успех его был настолько велик, что в итоге он основал в разных центрах несколько промышленных коэнобитских общин.

Принятие Василием детей, естественно, поставило вопрос об их воспитании. Эти дети относились к одному или другому из двух классов: к одному классу относились те, кого, подобно младенцу Самуилу, родители с раннего возраста отдавали в монастырскую жизнь; к другому классу относились те, кто впоследствии должен был вернуться в мир. Святой Василий организовал школы для первого из этих классов; дети должны были приниматься в них в возрасте пяти-шести лет; были прописаны подробности относительно способа их обучения; были установлены общие правила дисциплины.[9] При определенных обстоятельствах в эти школы могли приниматься и дети, не предназначенные для монашеской жизни.[10] Помимо обучения элементам грамматики и риторики и фактам из истории Писания, Василий предусматривал ряд ремесел, которые должны были изучаться и практиковаться, как только дети были в состоянии извлечь из этого пользу. Среди рекомендованных ремесел были ткачество, шитье, архитектура, работа с деревом, медная работа и сельское хозяйство[11].

Кассиан был первым, кто перенес правила восточных монахов в Европу. Он основал два монастыря в окрестностях Марселя - для мужчин и женщин соответственно. В 420 году он написал книгу *De Institutis Renuntiatio*, в которой записал правила, которые должны соблюдаться в основанных им учреждениях. Свод правил, изложенный здесь, был законом монашества в Галлии, пока не уступил место предписаниям Бенедикта. В юности Кассиан изучал произведения греческой науки, но в более поздние годы он проявлял большое недоверие к языческой литературе и решительно выступал против ее изучения. Он считал, что очарование такой литературы отвлекает душу, и желал, чтобы даже память о классических произведениях была искоренена из его сознания. В основе правления Кассиана лежала концепция, согласно которой монастырь был школой, в которой доминирующей и управляющей мыслью была будущая стадия существования.

Далее следует упомянуть Кассиодора (479?-575) - великого итальянского государственного деятеля, ставшего монахом, который много сделал для развития образования среди церковников и превращения монастыря в центр литературной деятельности. Он основал монастырь в Виварии в Бруттии, в котором разместились его римская библиотека с великолепным собранием рукописей, и куда он сам удалился в возрасте шестидесяти лет. В оставшиеся годы жизни он посвятил себя литературному труду; из его многочисленных трудов наиболее важными являются *"Institutiones Divinarum et Saecularium Lectionum"*. Более важной работой Кассиодора, чем его труды, была организация монастырского скриптория. Он послужил образцом для целого ряда бенедиктинских монастырей, которые появились впоследствии. Таким образом, Кассиодору следует приписать честь осознания того, что умножение рукописей является признанным занятием монашеской жизни. Следовательно, он оказал величайшее благодеяние человеческому роду. По выражению Ходжкина, существовал двухтысячелетний запас литературы, священной и светской, труды древнееврейских пророков, греческих философов, латинских риторов, которые погибали из-за отсутствия людей с досугом и способностями к их расшифровке. Если бы не труды монахов, можно предположить, что эти сокровища были бы безвозвратно потеряны для мира"[12].

Число монастырских учреждений быстро росло. Постепенно стали проявляться пороки, возникающие из-за отсутствия определенного контроля и свода правил, сдерживающих индивидуализирующие тенденции. Святому Бенедикту Нурсийскому принадлежит заслуга более адекватной организации монастырской жизни. Помимо законов целомудрия, бедности и послушания, требуемых от исповедующего монаха, он признал важность труда не только для самообеспечения, но и как долг перед Богом. Свод правил, составленный им для использования в монастырях, находившихся под его опекой, был признан отвечающим большой потребности религиозных общин того времени, в результате чего бенедиктинские правила стали почти универсальными для всех монашеских учреждений.

Одно из этих правил, оказавшее глубокое влияние на развитие образования, называется "О ежедневном ручном труде"[13].

"Безделье - враг души: поэтому братья должны в определенное время заниматься ручным трудом, а в определенные часы - святым чтением. Между Пасхой и октябрьскими календами пусть они занимаются чтением с четвертого часа до шестого часа..... От календ октября до начала Великого поста пусть занимаются чтением до второго часа. Во время Великого поста пусть занимаются чтением с утра до конца третьего часа, а в эти дни поста пусть берут в библиотеке по одной книге и читают их до конца. Эти книги должны выдаваться в начале Великого поста".

Важность этого правила обусловлена тем, что в то время как монахов становилось очень много, книг было очень мало. Поэтому для того, чтобы иметь необходимое количество копий, нужно было обучать письму; чтобы монахи могли читать книги, можно предположить, что в некоторых случаях нужно было обучать и чтению. Кроме того, считалось, что копирование рукописей соответствует предписаниям бенедиктинских правил, касающимся ручного труда. Поэтому, где бы ни появлялся бенедиктинский монастырь, там множились книги, и постепенно формировалась библиотека. С годами труды бенедиктинцев в интеллектуальном мире увеличивались. Мабильон замечает: "Почти в одиночку орден святого Бенедикта в течение нескольких лет поддерживал и сохранял письменность в Европе. В наших монастырях часто не было других мастеров, и часто соборные школы черпали свои знания из одного и того же источника"[14].

Цель этого отступления - показать, что к тому времени, когда монахи приступили к своей миссии в этой стране, идея монашества уже прочно утвердилась на континенте. Монашеские дома состояли из общин мужчин или женщин, которые, оставив внешний мир позади себя, посвящали свою жизнь поклонению и прославлению Бога. Они концентрировали свое внимание на грядущем мире и, насколько это было возможно, старались предвосхитить его на нынешнем этапе существования. Труд, физический или умственный, был одной из их особых обязанностей. Ограничиваясь интеллектуальным трудом, отметим, что одним поручалось обучение детей, которых приводили к ним, и тех членов общины, которые еще нуждались в образовании; другим - работа в скриптории; третьим - обучение пению и подготовка к музыкальной части монастырских служб; четвертые, по мере своих возможностей, продолжали учиться и по хроникам, которые они писали, давали потомкам возможность восстановить историю своих дней.

Теперь наша проблема стала более узкой: существуют ли какие-либо доказательства того, что образовательная организация монастырей в этой стране соответствовала образовательной деятельности континентальных монастырей? К счастью, для нашей цели полный утвердительный ответ можно получить из трудов преподобного Беды.

То, что при монастырях было принято создавать школы, - факт, который можно легко продемонстрировать. Беда пишет, что "в возрасте семи лет он был отдан на воспитание преподобному аббату Бенедикту, а затем Сеолфриду; и все оставшееся время своей жизни в этом монастыре я полностью изучению Священного Писания, и среди соблюдения регулярной дисциплины и ежедневной заботы о пении в церкви я всегда с удовольствием учился, преподавал и писал".[15] Один только этот отрывок практически подтверждает тот факт, что образовательная деятельность, описанная как существующая в континентальных монастырях, была также нормальной частью монастырей, которые были основаны в этой стране. Чтобы не утверждали, что монастырь в Уэрмуте был исключительным, можно процитировать постановление Собора в Кловшу. На этом соборе было постановлено, что "аббаты и аббатисы должны заботиться о том, чтобы чтение Священного Писания изучалось повсеместно". Опять же следует помнить, что копии Священного Писания существовали только на латинском языке и что для чтения Писания было необходимым условием, чтобы умение читать по-латыни было приобретено ранее. Кроме того, на том же соборе было принято постановление, что мальчики "повсюду в школах должны быть вынуждены посвящать себя любви к священному обучению"[16].

Деятельность монастырей, связанная с высшим образованием, также засвидетельствована Бедой. Ирландские монастыри, в частности, приобрели репутацию в этом отношении. Многие английские юноши всех социальных слоев перебирались в Ирландию, привлеченные туда широкой известностью монастырей, с целью расширения своего

образования.[17] Беда пишет, что ученые ходили от кельи к келье, набираясь знаний у монастырских учителей.[18] Примечательно, что в этих монастырях пища, книги и обучение предоставлялись свободно и охотно. В своем монастыре в Линдисфарне Айдан обучал, среди прочих, двенадцать мальчиков из английской нации: некоторые из них прославились в более поздние годы, *например* Василий, ставший епископом Линдисфарна, и Эата, ставший настоятелем Мелроуза. Вкратце можно сказать, что почти все ученые люди этого периода были либо монахами, либо были тесно связаны с монастырями. Среди них можно упомянуть Айдана, Беду, Уилфрида, Теодора, Адриана, Бенедикта Бископа, Альдхельма и Августина.

Создание библиотек и работа скриптория занимали в новообразованных английских монастырях такое же высокое место, как и в тех монастырях, которые послужили для них образцом. Бенедикт Бископ - отец английской культуры[19], основатель монастырей-близнецов Уэрмута и Джарроу, особенно известен своими трудами по созданию библиотек. В общей сложности он шесть раз посещал Рим, и каждый раз, возвращаясь, привозил с собой в эту страну книги. О своем четвертом путешествии Беда отмечает, что он "привез с собой очень большое количество книг всех видов"[20] Шестое путешествие Бископа в Рим было почти полностью посвящено приобретению дополнений к его коллекции книг, которая включала как классическую, так и церковную литературу.[21] В некоторых случаях монастыри организовывали взаимный обмен книгами. [22] В качестве примера деятельности скриптория можно привести знаменитую библиотеку Йорка, которая состояла из расшифровок пергаментов, собранных Бископом. Сеолфрид, ставший аббатом Джарроу, а впоследствии возглавивший монастырь Уэрмут, проявлял значительный интерес к скрипторию. Монталембер приводит слова о том, что Сеолфрид сделал две полные копии Библии по версии святого Иеронима, в качестве опровержения "глупой клеветы", которая представляет Церковь как запретившую чтение и изучение Священного Писания.[23] Сохранение той англосаксонской литературы, которая осталась, несомненно, связано с деятельностью некоторых монастырских переписчиков. Поэмы Каэдмона были написаны прежде всего в монастыре Уитби; так и нортумбрийский поэт Сайнульф обязан сохранностью своих произведений скрипторию монастыря, в который он в конце концов поступил.

Обучение пению, естественно, занимало важное место в образовательной деятельности монастырей. Беда описывает себя как ответственного за "ежедневную заботу о пении в Церкви"[24]. Иоанн, аббат монастыря Святого Мартина и прецептор собора Святого Петра в Риме, один из самых известных учителей музыки того времени, приехал в эту страну на некоторое время по приглашению Бископа и по просьбе папы Агаты. Аббат Джон обучал монахов не только пению, но и чтению вслух. Его усилия не ограничивались только Уэрмутом; знатоки музыки из "почти всех" религиозных домов приходили к нему за дальнейшим обучением, и таким образом влияние его учения широко распространилось[25].

Когда мы переходим к вопросу о том, чему учили в монастырях, то обнаруживаем, что ученых учили читать Священное Писание на латыни и быть знакомыми со службами в монастыре, а также что письмо и пение также были предметом обучения. Две работы Беды, вероятно, являются школьными учебниками: "Librum de orthographia, alfabeti ordine distinctum" и "Librum de metrica arte, et huic adjectum alium de schematibus sine tropis libellum, hoc est de figuris modisque locutionum, quibus scriptura sancta contexta est".

Хотя, возможно, не совсем справедливо считать Беду типичным продуктом английских монастырей того времени, все же можно справедливо отметить, что все образование Беды было получено в этих монастырях. Даже если мы будем считать его самым образованным из английских монахов, его пример все равно будет служить демонстрацией степени

образованности, которую можно было получить в монастырях этого периода. Сэндис пишет: "Его мастерство в латинском стихосложении проявляется в элегиях, посвященных королеве Этельфриде, и в гекзаметрах, посвященных святыне святого Катберта. О его греческом образовании свидетельствуют его трактаты и ссылки на греческую рукопись Деяний, которые можно найти в его *Liber Retractionum*. Из латинских авторов он чаще всего цитирует Цицерона, Вергилия и Горация, а также (несомненно, из вторых рук) Луцилия и Варро"[26].

Помимо образования в техническом смысле этого слова, которое давали монахи, они также отвечали за реформы, которые в более широком смысле этого слова также носили просветительский характер. Таким образом, высшие идеалы жизни, распространенные в монастыре, внедрялись в стране в целом. Эпоха была беспокойной и беспорядочной, в которой не господствовали ни моральные, ни этические обязательства и где только сила была права.[27] Монахи основали в стране своего принятия ряд общин, в которых главными принципами были милосердие, целомудрие и послушание. Идеалы, господствовавшие в этих монастырях, отражались на социальных обычаях их окрестностей. Сильный индивидуализм тевтонов сменился характерным для монаха отношением повиновения признанным авторитетам; дикие качества, как правило, уступали примерам самоотречения, самоконтроля и заботы о других.

Монастыри также сыграли важную роль в экономическом развитии страны. Временами и в некоторых местностях экономическое положение людей, похоже, опускалось до низкого уровня. Беда рассказывает, что "очень часто сорок или пятьдесят человек, измученные нуждой, отправлялись вместе к какому-нибудь обрыву или на берег моря и там, рука об руку, погибали от падения или были поглощены волнами"[28] С самых ранних времен промышленная деятельность была характерна для монастырской жизни. Говоря о святом Василии, его биограф рассказывает, что "благодаря труду его монахов над широкими пустынными местами безнадежное бесплодие сменилось золотыми урожаями и обильными виноградниками"[29] Ручной труд был обычным занятием в английских монастырях[30] Строители монастырей также обязательно привносили в страну новые искусства. Так, Бенедикт Бископ привез из Франции каменщиков и стекольщиков.[31] Лампады и сосуды для использования в церкви были изготовлены, а ремеслу обучили нортумбрийцев.[32] Вся мебель и облачения, "которые Бенедикт не мог приобрести дома, он позаботился купить за границей". "Хотя рабство в это время не осуждалось Церковью,[35] однако Церковь поощряла чувство, что рабство не согласуется с достоинством человеческой души, и монастыри использовали свое влияние, чтобы противостоять этому обычаю. Айдан использовал некоторые из денежных даров, полученных им для монастырей, для выкупа рабов.[36] Вильфрид даровал свободу рабам на земле, которая была дарована основанному им монастырю.[37]

Следует помнить, что в этой стране монастыри изначально были не просто общинами мужчин или женщин, посвятивших себя созерцательной жизни, но по сути являлись центрами миссионерской деятельности. Беда рассказывает нам о монахах, которые ходили по окрестностям и деревням, чтобы проповедовать, крестить и посещать больных[38]. Об Айдане и его компании "стриженных монахов" и мирян мы узнаем, что они путешествовали по стране, пытаясь обратить в христианство тех, кто еще не был обращен, и побуждая тех, кто уже принял веру, к милостыне и добрым делам.[39] Подобным образом Чад, один из учеников Айдана, проповедовал Евангелие "в городах, на открытой местности, в коттеджах, деревнях и замках"[40] Короче говоря, в тот период, о котором мы сейчас говорим, монастыри служили духовными форпостами, откуда посланники отправлялись распространять весть христианской веры.

Интересно отметить, что монастыри были полностью демократичны в своем выборе членов. Монахи проповедовали, что "христиане - братья, будь то высокие или низкие, знатные или незнатные, господа или рабы. Богатый не лучше нуждающегося. Так же смело раб может называть Бога-отца своим царем. Мы все одинаковы перед Богом, если только кто-то не превосходит другого в добрых делах"[41]. Итак, в то время как, с одной стороны, короли, такие как Сеолвульф и Ини, становились монахами, с другой - выкупленные рабы принимались в монастыри и, если они оказывались способными извлечь пользу из обучения, продвигались к священству.[42] За этим последовали определенные незапланированные последствия. С развитием цивилизации воинственные качества, благодаря которым тевтонские захватчики первоначально завоевывали территории, должны были дополниться интеллектуальными способностями, необходимыми для законодательства и управления. Такие способности можно было найти только в рядах духовенства. В результате священники на практике стали министрами короны; имена Дунстана и Ланфранка можно легко привести в качестве примера. Общее исследование Беды, не считая конкретных примеров, подтверждает предположение о том, что Катберт, Теодор, Уилфрид и Айдан, среди прочих, также оказывали значительное влияние на королей. В качестве второго незапланированного эффекта можно упомянуть тот факт, что, поскольку в монастыри принимали мальчиков, проявивших призвание и способности, независимо от их социального положения, и давали им лучшее образование, на которое были способны монастыри, получалось так, что монастырь был практически единственным путем, через который продвижение становилось возможным для способных и компетентных людей, которым мешали обстоятельства их рождения. Выходя за рамки нашего периода, мы можем сослаться на случай Николаса Брейксписа, который, будучи отроком-служкой в Сент-Олбансе, поднялся до должности папы.

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИ СВЕТСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ.

В предыдущей главе мы утверждали, что евангелизация Англии была в основном делом рук монахов. Хотя это утверждение верно, мы не должны упускать из виду тот факт, что работа светского духовенства постепенно развивалась бок о бок с работой регулярного духовенства и в конце концов вытеснила ее. Следовательно, далее нам необходимо исследовать работу по образованию, которую они проводили.

В качестве вступления мы можем отметить, что метод работы светского духовенства и его организация очень похожи на методы работы регулярного духовенства, а иногда и вовсе не отличимы. Как Августин со своей группой монахов поселился в столице королевства Кент и построил там монастырь, в котором епископ разделял общинную жизнь со своими монахами и который служил центром, из которого направлялись их труды, так и светский епископ со своими спутниками поселился в главном городе другого королевства, где в итоге была построена церковь и налажена общинная жизнь. Так, в 604 году Меллит был посвящен в епископы и отправлен проповедовать к восточным саксам. Новая вера была принята как королем восточных саксов, так и его народом. Впоследствии в Лондоне - столице

королевства - была построена церковь, посвященная святому Павлу. Эта церковь, не будучи монастырской, как церковь Христа в Кентерберии, относится к той категории церквей, которые называются коллегиальными.

Для удобства можно указать на основные различия между монастырями и коллегиальными церквями. Монастырь состоял из общины мужчин или женщин под управлением аббата или настоятельницы. Члены монастыря давали определенные обеты и были обязаны жить в соответствии с правилами того ордена, к которому принадлежал монастырь. Коллегиальная церковь состояла из нескольких священнослужителей, образующих единое тело, живущих под надзором декана или проректора и ответственных перед епископом. Истоки таких церквей восходят к святому Августину Гиппонскому, который организовал совместную жизнь духовенства под его руководством в своего рода общине, хотя и без наложения монашеских обетов. Дальнейшее развитие произошло около 750 года, когда Хродеганг, епископ Меца, составил определенные правила для использования духовенством, которое жило с ним. Духовенство, жившее по этим правилам, называлось "канониками". Правило Хродеганга было введено в Англии, но не получило всеобщего признания;^[43] и, следовательно, термин "каноник" в этой стране первоначально означал не более чем человека, который был членом коллегии духовенства, служил церкви совместно и имел общее право на ее доходы.

Здесь также можно отметить, что когда официальное место епископа или его трон (кафедра) помещался в церкви, она становилась соборной. Иногда соборная церковь была монашеской, иногда коллегиальной; в каждом случае церковь называлась кафедральной. С точки зрения развития образования, как будет показано в дальнейшем, различие между коллегиальной и монашеской соборной церковью очень важно, но это различие не всегда можно четко провести, потому что в первые века христианства в Англии соборная церковь иногда находилась во владении регулярного духовенства, а иногда - в руках светского духовенства. Так, церковь Христа в Кентерберии изначально была монашеской, но, как говорят, попала в руки светских людей во время архиепископата Сеолнота (837-870), после чего снова вернулась к монахам и оставалась монашеской вплоть до Реформации. Так и Глостерский собор изначально был монастырским, затем Оффа передал его светскому духовенству, после чего он снова стал монастырским.

Независимо от того, была ли соборная церковь епархии монастырской или нет, епископ епархии был главой светского духовенства и подчинялся ему; с другой стороны, монахи подчинялись непосредственно своему аббату, от него - главе своего ордена, а в конечном счете - папе^[44].

В этой главе мы предлагаем ограничиться трудами по воспитанию епископа и светского духовенства, хотя, как мы уже указывали ранее, не всегда можно четко провести линию разграничения между работой, которая была определено монашеской, и той, которая может быть определено отнесена к светскому духовенству.

Проблемы образования, с которыми приходилось сталкиваться епископу и его группе светских священников, были схожи с теми, которые приходилось решать монахам-миссионерам. Латынь, язык Церкви, нужно было учить тем, кто не знал его и хотел быть приобщенным к Церкви в официальном качестве. Знание музыки было необходимо тем, кто хотел лично участвовать в церковном богослужении. Кроме того, новообращенных необходимо было более полно обучать принципам христианства; дети верующих нуждались в обучении; необходимо было принять меры для более углубленного обучения тех, кто желал его получить. Для этих целей необходимо было основать школы, которые и стали первоначальными школами Англии.

Мы уже приняли в качестве гипотезы, что школы этой страны не были новым открытием, а были созданы по образцу тех, которые существовали в других странах. Следовательно, наша первая задача - выяснить, где были найдены эти модели.

Мистер Лич в своей книге *"Школы средневековой Англии"* утверждает, что "истинными образцами и источником школ Англии являются не церковные школы, а школы язычества, школы Афин и Александрии, Рима, Лиона, Вьенны". На самом деле это были те самые "языческие" или "языческие", или, другими словами, греко-римские учреждения, в которых Гораций и Ювенал, Иероним и Святой Августин учились расширению гекзаметров и аккредитованным методам построения речи и аргументации"[45].

Это утверждение требует изучения. Школы, на которые ссылается мистер Лич, возникли около 50 года до н. э. и были обязаны своими отличительными чертами влиянию греческой мысли на римскую деятельность. Обычно выделяют три класса этих школ:

(1) Школы литераторов. В этих школах обучали только чтению, письму и счету; они никогда не пользовались большим уважением, а их учителя, которые обычно были рабами, часто получали плохое вознаграждение.

(2) Школы грамматиков. Первоначально в этих школах изучали только грамматику, *то есть* слова и их отношения; но концепция грамматики развивалась так, что в нее стали включать изучение латинской и греческой литературы, а также ряд предметов, охватывающих математику, музыку и элементарную диалектику. В конечном итоге эти школы можно было найти почти в каждом городе империи, и, как правило, они поддерживались либо за счет государственных средств, либо за счет пожертвований.

(3) Школы реторосов. Это были самые важные школы; поступление в них было возможно только после принятия "тоги вирилиса". Здесь ученики тщательно и детально изучали все вопросы, касающиеся успеха в ораторском искусстве - искусстве, которым в то время должны были овладеть все, кто намеревался посвятить себя общественной жизни. Но ораторское искусство, как тогда понимали, означало гораздо больше, чем искусство декламации. Оно включало в себя владение существующей литературой, знакомство со знанием вещей в той мере, в какой это знание было доступно в то время, и хороший словарный запас. К этому следует добавить умение играть на человеческих эмоциях в сочетании с изяществом манеры и эффективностью подачи.

В поддержку нашего утверждения о том, что мистер Лич ошибается, считая греко-римские школы образцами наших английских школ, которые, как признает сам мистер Лич, обязаны своим существованием в первую очередь труду христианских миссионеров, можно привести следующие причины.

(1) В языческих школах не задумывались о нравственном аспекте обучения. Литература, на которой воспитывался школьник, была создана в атмосфере язычества и изобиловала мифологическими аллюзиями.[46] Ученого учили, что идеальный век лежит в прошлом, а не в будущем, как учит христианство. Великие деяния, вызывавшие его восхищение, ассоциировались с римскими героями, которые читали судьбу своих походов в полете птиц или внутренностях жертв на алтаре.

(2) Как отмечает профессор Вудворд, "неизменным законом является то, что принятые идеалы взрослого поколения определяют его образовательные цели"[47] В период расцвета школ, о которых упоминает мистер Лич, был распространен скептицизм в религиозных вопросах. Теренций Варро утверждал, что антропоморфные боги - это всего лишь

олицетворения сил природы. Лукреций выступал против бессмертия души. Цицерон, величайший мыслитель того времени, едва скрывал свой скептицизм. Более того, было общепризнано, что религия утратила контроль над нравственной жизнью человека. Таким образом, очевидно, что идеалы христианства и идеалы греко-римских школ были в корне противоположны. Ни в каком существенном отношении школы язычества не могли служить образцом для школ христианства.

(3) Отношение христиан первых веков к классической литературе служит еще одной иллюстрацией отношения христиан к языческим школам. Классическая литература была неприятна ранним христианам, потому что общее толкование жизни, раскрываемое в этих книгах, было враждебно христианскому взгляду. Красота и очарование стиля изложения мало или совсем не привлекали людей, столкнувшихся с отвратительной реальностью нынешней разнузданности, даже если преобладающий образ жизни мог быть прикрыт элегантностью и изяществом изложения.

В качестве альтернативной гипотезы мы предполагаем, что школы, основанные епископами в Англии, были созданы по образцу школ христианства, а не язычества. Чтобы обосновать эту гипотезу, необходимо кратко рассмотреть происхождение и характер этих раннехристианских школ.

Зародыш по сути христианских школ можно проследить в обычае великих апостолов собирать вокруг себя своих учеников и претендентов на священство для обучения и дисциплины.^[48] Постепенно сформировались три типа школ:...

(1) Школы для катехуменов. Предполагается, что христианские катехумены должны были пройти определенную форму обучения до принятия их в Церковь. Эти занятия проводились либо на паперти церкви, либо в другой части здания, и контролировались мастером, назначенным для этой цели. Первая из таких школ, о существовании которой у нас есть хоть какие-то свидетельства, была основана святым Марком в Александрии^[49].

(2) Катехизические школы. Этот тип школ также зародился в Александрии и возник в результате интеллектуальной деятельности, которая сделала этот город столь важным центром в течение первого и второго веков христианской эры. Пантаен, обращенный стоический философ, возглавивший школу в Александрии в 170 г. н. э., ввел в учебный план широкий спектр исследований и использовал свои старые знания для иллюстрации и защиты своей новой веры.^[50] Пантаена сменили два самых известных Отца ранней Церкви - Климент, который ранее был его помощником, и Ориген, который принял руководство катехизической школой в возрасте восемнадцати лет.^[51]

(3) Епископские школы. Происхождение этих школ можно проследить по тому факту, что обстоятельства вынудили Оригена покинуть Александрию в 231 году. Впоследствии, по приглашению двух епископов, он открыл школу в Кесарии. Она оказалась настолько успешной, что подобные школы были открыты в ряде центров. Преподавание велось либо лично епископами, либо назначенными ими заместителями. В эти школы приходили кандидаты на рукоположение, молодые священнослужители, обучение которых необходимо было продолжить, а также те, кто по тем или иным причинам желал воспользоваться предоставленными им образовательными возможностями.

Необходимо упомянуть и еще об одном типе учебных заведений. Мы уже говорили о заслугах святого Августина Гиппонского в деле создания коллегиальных церквей, и не менее важно отметить его вклад в образовательную организацию Церкви. До своего обращения в христианство святой Августин был учителем риторики и автором ряда трактатов,

посвященных семи гуманитарным искусствам. После посвящения в епископы он основал семинарию для тех, кто готовился к рукоположению. Эта семинария, хотя и планировалась по принципу общины, по сути, была учебным заведением, целью которого было сделать своих членов как можно более эффективными в служении, которое их ожидало.^[52] Заведение оказалось очень успешным. Многие священники, прошедшие там обучение, впоследствии стали известными; сама семинария послужила образцом для подражания различным епископам.^[53] В конце концов, эту идею святого Августина принял папа Лев I.^[54] А примеру, поданному Римом, последовали несколько епископов в Галлии, в частности Сидоний Аполлинарий, епископ Клермонта, святой Иларий, епископ Арля, и Григорий, епископ Тура.

Школы, основанные епископами в Галлии, представляют для нас особый интерес, поскольку первым доступным упоминанием об образовании в этой стране является сообщение Беда о том, что Сигеберт, "желая подражать тому, что он видел хорошо организованным среди галлов", "учредил школы, в которых люди изучали литературу"^[55].

В Галлии с римских времен (как и в других частях империи) существовали школы греко-римского типа, о которых мы уже говорили. Однако нашествия варваров положили конец этим школам. Когда социальные условия вновь обрели силу, старое положение вещей ушло в прошлое, и христианство стало властью в стране. В последовавшей за этим реконструкции образования епископы сыграли важную роль, и в итоге в Галлии появилось два типа школ: монастырские и епископальные.

В монастырских школах преподавали в основном богословие, но также обучали говорению, чтению и письму на латыни, копированию рукописей, живописи и архитектуре, а также элементарным понятиям астрономии и математики.^[56] Наиболее известными из этих школ были школы в Лаксейе, Суассоне, Лерене и Сен-Вандриле. В последней из названных школ обучалось около трехсот человек.

Епископальные школы были построены по образцу тех, которые заложил святой Августин. В основном они предназначались для тех, кто собирался предложить себя для рукоположения. Учебный план этих школ был более узким и более определенно богословским, чем в монастырских школах. Наиболее известными были школы в Париже, Пуатье, Ле-Мане, Клермоне, Вьенне, Шалон-сюр-Сон и Гапсе. Эти школы, однако, отличались от семинарии святого Августина, по образцу которой они были созданы, поскольку особые обстоятельства того времени делали необходимым, чтобы в связи с ними проводились занятия и для мальчиков, которые были прикреплены в том или ином качестве к соборной церкви. Таким образом, мальчики из хора и другие желающие подготовиться к последующей работе в любом качестве, в котором имеющееся образование впоследствии могло бы им пригодиться, находили в этих классах те возможности, которые они искали.

Наш анализ образовательных учреждений, существовавших в Галлии в VI веке, показал, что в качестве образцов для подражания существовали монастырские и епископальные школы. Кроме того, школы развивались и при приходских церквях, но мы предлагаем рассмотреть это развитие позже. Мы уже рассмотрели монастырские школы этой страны; теперь наша задача состоит в том, чтобы выяснить, есть ли какие-либо свидетельства того, что в этой стране существовали школы, управляемые самим епископом или его заместителем, аналогичные тем, которые, как мы показали, существовали во Франции.

Наш ответ однозначно утвердительный. Так, в Хексеме существовала школа. Беда рассказывает нам о Херебальде, который был членом школы, которую содержал святой Иоанн Беверлийский, будучи епископом Хексема. "Когда я был в расцвете сил, - говорит

Херебальд, - я жил среди его духовенства[57], занимаясь чтением и пением"[58] Другая школа существовала в Кентербери, и в то время, когда ею руководили архиепископ Теодор и аббат Адриан, она была самой известной из епископальных школ этой страны. Об этих двух знаменитых учителях Беда пишет: "Они собрали толпу учеников, и из них ежедневно текли реки знаний, чтобы орошать сердца слушателей; вместе с книгами Священного Писания они также обучали их искусству церковной поэзии, астрономии и арифметике. Свидетельством тому является то, что и по сей день живут некоторые из их ученых, которые так же хорошо владеют греческим и латинским языками, как и своим собственным, на котором они родились"[59] Именно благодаря трудам этих двух людей Англия на некоторое время заняла ведущее место в школах Запада.[Одним из самых знаменитых ученых Кентерберийской школы был Альдхельм, который может претендовать на звание первого англичанина, успешно занимавшегося классическим образованием, и первого, от кого сохранились какие-либо литературные остатки.[Беда описывает Альдхельма как "удивительного эрудита как в гуманитарных, так и в церковных науках"[62]. Из письма Альдхельма мы узнаем о программе обучения в Кентербери, в которую входили грамматика, геометрия, арифметика, метрика, астрономия и римское право[63].

Третьей знаменитой епископальной школой была Йоркская, о которой мы имеем полное представление в поэме Алкуина "De Pontificibus Sanctae Ecclesiae Eboracensis". Алкуин в самых хвалебных выражениях пишет о работе этой школы и, в особенности, об образовательных трудах архиепископа Альберта, которому Алкуин был лично обязан за полученное им образование.

"Он напоил жаждущие умы у фонтана наук. Одним он сообщал искусство и правила грамматики, другим - потоки риторики; одних он умел упражнять в битвах юриспруденции, других - в песнях Адониса; одни учились у него петь касталийские песни, другие - лирически ступать на вершину Парнаса; Другим он объяснил гармонию небес, ход солнца и луны, пять зон полюса, семь планет, законы хода звезд, движения моря, землетрясения, природу людей, зверей и птиц, и всех, кто населяет лес. Он раскрывал различные качества и комбинации чисел; учил, как с точностью вычислять торжественное возвращение Пасхи, и, прежде всего, объяснял тайны Священного Писания"[64].

Библиотека школы в Йорке была особенно знаменита и включала в себя труды Иеронима, Илария, Амвросия, Августина, Афанасия, Орозия, Григория, Льва, Василия, Фульгенция, Кассиодора, Хризостома, Альдхельма, Беды, Викторина, Боэция, Плиния, Аристотеля, Цицерона, Вергилия и др. Мюллингер так отзывается об этой библиотеке: "Внушительное перечисление сразу же обращает наше внимание на тот факт, что библиотека в Йорке в этот период намного превосходила все библиотеки, которыми владели Англия или Франция в двенадцатом веке, будь то в Крайст-Черч, Кентербери, Сен-Виктор в Париже или в Беке"[65].

Школа в Йорке важна еще и потому, что это первый известный в истории английского образования случай, когда епископской школой руководил не сам епископ, а кто-то из священнослужителей, связанных с епископом. После смерти архиепископа Альберта его преемник, вместо того чтобы лично возглавить школу, возложил эту обязанность на Алкуина. Это был особый случай применения принципа разделения труда, и пример, поданный в Йорке, имел большое значение для последующего развития образования в этой стране.

Поскольку Алкуина принято считать самым выдающимся педагогом первой половины Средневековья и поскольку именно через Алкуина Англия оказала влияние на континентальное образование, можно сделать небольшое отступление от основной цели

этой главы, чтобы показать важность Алкуина. Единственное образование, которое получил Алкуин, было получено в епископской школе в Йорке, и рассмотрение этого факта должно помочь нам понять, что эти школы на практике были университетами того времени. Репутация, которую завоевал Алкуин, должно быть, распространилась за пределы этой страны, потому что Карл Великий, решивший провести реформу образования в подвластных ему владениях, пригласил Алкуина ко двору, чтобы занять должность, аналогичную современной должности министра образования. Эту должность Алкуин занимал четырнадцать лет, и за это время были изданы знаменитые капитулярии 787, 789 и 802 годов.[66] Результатом реформ, проведенных Алкуином, стало привлечение ко двору Карла Великого ученых со всех концов Европы, развитие и оживление дворцовых школ, распространение знаний среди духовенства, стимулирование деятельности монастырских и епископских школ. Было высказано предположение, что реформы, приписываемые Алкуину, мало чем обязаны его личному гению, но были полностью основаны на практике, которую он нашел в Йорке.[67] Если это так, то образовательные учреждения, созданные в этой стране в VIII веке, должны были иметь гораздо большее значение, чем принято считать. Однако имеющиеся свидетельства слишком скудны, чтобы можно было сделать какие-либо определенные заявления по этому вопросу.

Алкуин был объемным писателем, и его работы свидетельствуют об интеллектуальной активности его времени. Среди них послания, стихи, экзегетические труды, догматические труды, литургические труды, биографические труды, исследования и диалоги.[68] Его учебные труды включают работы *"О грамматике"*, *"Об орфографии"*, *"О риторике"*, *"О диалектике"* и др. Они написаны в характерной англосаксонской диалоговой форме. В *"О грамматике"* Алкуин показывает, что истинное счастье следует искать в вещах, свойственных самой душе, а не в тех, что ей чужды; из этих вещей "мудрость - главное украшение". Прогресс в мудрости должен был быть достигнут, если говорить о светских знаниях, посредством "семи восхождений теоретической дисциплины", *то есть* тривиума и квадривиума.

Таким образом, мы привели доказательства того, что епископальные школы существовали в Кентербери, Йорке и Хексеме, и что в этих центрах можно было получить продвинутое образование. Общая гипотеза, которую мы выдвигаем, заключается в том, что кафедральный город каждой епархии постепенно стал признаваться местом получения высшего образования, и что епископ обычно считал своим долгом обеспечить, лично или через заместителя, такое высшее образование, которое позволяли обстоятельства того времени.

Кроме того, в этих центрах должны были быть созданы условия для начального обучения, а также для обучения "специализированному" искусству письма. По мере того как возникал спрос на такое обучение, церковь старалась удовлетворить его, и для этого создавались классы. Так, в письме, написанном около 796 года Алкуином Эанбальду II, архиепископу Йоркскому, он рекомендует назначить отдельных мастеров для обучения тех, кто *"qui libros legant, qui cantilenae inserviant, qui scribendi studio deputentur"*[69].

С распространением христианства в этой стране возникла приходская система. Для этого саксонское *"tun"* было принято за единицу церковной организации, и она стала называться "приходом", то есть определенной территорией, находящейся под духовным надзором приходского священника. Мы снова должны напомнить, что латынь была языком Церкви, и чтобы участвовать в богослужениях, совершаемых Церковью, петь псалмы, правильно понимать ее доктрины или вообще стать "церковным человеком" в любом смысле этого слова, знание латыни было обязательным. Естественно, возник обычай, что приходской священник должен содержать "школу грамматики", или, как мы бы назвали это сегодня,

проводить занятия по латыни для тех, кто желает выучить этот язык. Со временем этот обычай стал обязательным и вошел в церковный закон. Так, на Вайсонском соборе, состоявшемся в 529 году, было постановлено, что каждый священник, возглавляющий приход, должен также иметь в своем доме класс для молодых людей, чтобы подготовить их к священному служению. Эти молодые люди должны были также заниматься обучением маленьких детей. Епископ при посещении прихода наводил справки о том, исполняется ли этот закон[70].

Постановление Вейсона было повторено последующими постановлениями Церкви, в частности Турским, и создание грамматических школ, в которых должен преподавать приходской священник, стало определенной частью церковной системы[71]. Это требование повторялось время от времени. Так, Теодульф Орлеанский, соадъютор Алкуина в проведении образовательных реформ в королевстве Карла Великого, в 797 году издал письмо к своему духовенству, в котором напомнил, что "Presbyteri per villas et vicos scholas habeant, et si quilibet fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis commendare vult, eos suscipere et docere non renuant." [72]

Существовали ли такие церковно-приходские грамматические школы в Англии? Прямых доказательств очень мало. В письме, которое Алкуин написал Оффе, королю Мерсии, около 792 года, он рекомендует ему школьного учителя; [73] этот учитель, однако, похоже, не обладает сильным моральным обликом, поскольку Алкуин предупреждает Оффу, чтобы тот "не бродил без дела и не становился рабом пьянства, но снабдил его учеными и требовал, чтобы он прилежно их учил". Затем в другом письме, написанном Алкуином и отнесенном к 797 году, епископу Хексхэма советуют обратить внимание на образование мальчиков и юношей. В этом письме говорится, что "великое дело благотворительности - накормить бедняков пищей для тела, но еще большее - наполнить душу духовным обучением".

Помимо этих свидетельств, в Domesday Book есть несколько упоминаний, которые подтверждают идею церковно-приходских школ, и которые мы впоследствии рассмотрим. Все, что мы можем сделать здесь, - это предположить, что, подобно тому как Церковь в этой стране следовала общей практике Церкви в создании школ при монастырях и соборных церквях, она также следовала обычаям и предписаниям Церкви в создании школ при приходских церквях.

ГЛАВА III.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ.

Датские вторжения на время приостановили замечательный прогресс в области образования, которого добивалась эта страна. Начиная с начала девятого века, эпоха датских разведывательных походов завершается 855 годом, эпоха методичного грабежа - 876 годом. В результате их различных переселений большая часть английского побережья была разорена и опустошена. Города и церковные здания были разграблены и сожжены. "Церковь с ее цивилизирующим и космополитическим влиянием на некоторое время была вытеснена из больших районов, которые на мгновение попали в руки язычников" [74].

После долгой и ожесточенной борьбы с захватчиками Альфред, западносаксонский король, сдержал их и заставил заключить с ним мир. Впоследствии, в десятом веке, благодаря последовательным усилиям сына, дочери и внука Альфреда, территория, ранее уступленная, была возвращена.

Из разрухи и запустения, к которым привели датчане, король Альфред стремился поднять свою страну. Ни один государь не мог в большей степени осознать ценность образования, чем Альфред. О его общем отношении свидетельствует предисловие, которое он написал к своему переводу *"Пастырской заботы"* Григория Великого. В нем он упоминает о репутации, которой в свое время пользовалась эта страна благодаря мудрости и образованности своего духовенства. Затем он переходит к , показывая, что наступивший упадок был настолько велик, что образованность практически исчезла из страны. Он стремился ознакомить свой народ с содержанием некоторых главных религиозных книг, а поскольку знание латыни к тому времени практически угасло в стране, он хотел перевести их "на их родной язык". Не ограничившись простым выражением желания, чтобы это было сделано, он попытался стимулировать усилия других своим примером. Чтобы в будущем образование могло добиться большего прогресса, он предложил, чтобы каждый английский ребенок, родившийся в свободном состоянии и имеющий средства или способности, в юности "был отдан в руки учителей... до тех пор, пока они не будут хорошо знать английскую письменность". Те, кто проявлял интерес к письму, должны были затем перейти к изучению латыни.

Интересно рассмотреть, как и где должны были быть обеспечены эти образовательные преимущества. Сам Альфред писал: "Учеба настолько отступила от английского народа, что по эту сторону Хамбера мало кто мог понять службу на английском языке или даже перевести письмо с латыни на английский. Да и за Хамбером, как я полагаю, их было немного. Их было так мало, что я не могу вспомнить ни одного человека к югу от Темзы, когда я только принял королевство". Альфред предполагает, что "теперь мы должны получать их извне, если хотим их иметь". К сожалению, нет никаких достоверных свидетельств, которые помогли бы нам предложить ответ на эту проблему.

Образовательная деятельность Альфреда подробно описана в *"Жизни Альфреда"* Ассера.^[75] Подлинность этой жизни, однако, была поставлена под сомнение, и хотя Стивенсон приводит веские аргументы в ее пользу, доказательства против настолько сильны, что трудно признать ее претензии на то, чтобы считаться тем, чем она исповедуется. Тем не менее, даже если это произведение не относится к девятому веку, есть неоспоримые доказательства его существования в десятом столетии. Поэтому мы можем рассматривать это произведение как изложение просветительских идей, которые традиция, во всяком случае, считала гармоничными с характером короля Альфреда. Из этого псевдо-Ассера мы узнаем, что Альфред впервые научился читать по-англосаксонски с помощью мастера, который, скорее всего, был одним из священников, связанных с двором. Стремление Альфреда выучить латынь было трудновыполнимым из-за нехватки учителей по этому предмету. Для обучения своих детей Альфред решил, что они, а также молодые дворяне и некоторые перспективные юноши низшего происхождения должны обучаться у мастеров, которые должны учить своих учеников читать как на латыни, так и на саксонском языке. Таким образом, король основал при своем дворе дворцовую школу, подобную той, что была основана Карлом Великим.

Хотя все подробности, приведенные Ассером, не могут быть признаны достоверными, общее утверждение о том, что Альфред сыграл важную роль в стимулировании образовательной деятельности своей страны, не вызывает сомнений. Его усилия следует рассматривать как начало национальной заботы об образовании, поскольку Альфред, хотя и был набожным и

религиозным королем, руководствовался не желанием пополнить ряды священства, а стремлением сделать своих подданных способными более эффективно исполнять долг перед государством. Этого, по его мнению, можно добиться с помощью образования. Если это утверждение справедливо, то Альфред был первым англичанином, признавшим социологическую значимость образования.

К сожалению, нет никаких свидетельств того, что усилия Альфреда, направленные на улучшение образования в своей стране, увенчались каким-либо успехом. Привлечение из-за границы достаточного количества способных и увлеченных священников было бы сопряжено с практическими трудностями; светское духовенство этой страны едва ли оправдало возложенное на него доверие. По мнению вдумчивого наблюдателя того времени, поставленная цель могла быть достигнута только через восстановление монашества. Мы узнаем, что Эдгар в юности дал обет восстановить как можно больше монастырей,[76] но "пока Дунстан и Ательвольд не возродили обучение в монастырской жизни, ни один английский священник не мог ни написать письмо на латыни, ни понять его"[77] Поэтому мы должны обратиться к этим "трем факелам" Церкви - Дунстану, Освальду и Ательвольду, чтобы узнать, как возрождался интерес к образованию.

Нам повезло, что мы располагаем двумя биографиями Дунстана, которые были практически современными работами, поскольку одна была написана в течение шестнадцати, а другая - в течение двадцати трех лет после его смерти. "Обе они посвящены его преемникам, которые хорошо его знали, будучи его коллегами и его собственными учениками". Дунстан родился в Гластонбери в 925 году, и старые монастырские здания в полуразрушенном состоянии все еще существовали там в то время. В то время их арендовали несколько ирландских ученых, приехавших в Гластонбери, чтобы посетить гробницу Патрика Младшего.[78] К этим клеркам Дунстан был отправлен в раннем возрасте для обучения. Он быстро продвигался вперед и не только овладел грамматикой, но и показал превосходство в других областях знаний.[79] В результате он подверг себя обвинению в том, что "изучал суетные стихи и пустяковые истории древнего язычества, чтобы стать магом"[80].

Еще в юности Дунстан был представлен ко двору короля Ательстана Альдхельмом, архиепископом Кентерберийским, который, по словам Аделарда, одного из биографов Дунстана, приходился ему дядей. Тяжелая болезнь и зависть некоторых вельмож привели к тому, что Дунстан удалился от двора. По совету Альфея Лысого, епископа Винчестерского, он принял монашеский постриг[81] и в 946 году стал аббатом Гластонбери. Он делал все возможное для роста и значимости монастыря, и интересно, что при нем Гластонбери стал скорее школой, чем монастырем; "слова "scholasticus" и "discipulus" звучат более естественно, чем "monachus"."[82] Занимая различные епископские должности, Дунстан стал архиепископом Кентерберийским в 959 году, и тогда он мог взять на себя задачу восстановления монашеского уклада в стране и, следовательно, стимулирования ее образовательной деятельности.

Обращаясь к соратникам Дунстана в его реформаторской деятельности, отметим, что Ательвольд (ставший аббатом Абингдона в 953 году и епископом Винчестера в 965 году) был одним из его учеников. Он достиг "щедрого мастерства в искусстве грамматики и медовой сладости стиха; он был знаком не только с Библией, но и с католическими и самыми известными авторами"[83] Освальд, другой коллега Дунстана, некоторое время был обитателем монастыря во Флери.

Мы хотим подчеркнуть, что люди того времени, имевшие право судить, придерживались мнения, что единственным эффективным методом проведения реформы в сфере

образования в стране было возведение монастырей, призванных стать центрами интеллектуальной деятельности. С этой целью они использовали все возможные средства, чтобы построить или восстановить монастыри в разных частях страны и поставить над ними людей, которые были не только духовно настроены, но и обладали знаниями и способностями. Мы узнаем, что во время правления Эдгара и его сыновей было возведено сорок мужских и восемь женских монастырей.[84] Мужчины, возглавлявшие эти учреждения, лично преподавали в школах. Так, мы узнаем о Дунстане, возглавлявшем школу в Гластонбери[85], и об Этельвольде, который "не гнушался никогда объяснять маленьким мальчикам трудности Доната и Присциана"[86].

Также предпринимались усилия по поддержанию контактов с иностранными монастырями, особенно с Гентским, Корбейльским и Флерийским. К этим монастырям обращались с просьбой прислать в английские монастыри людей с образованием, а также за советом по управлению монастырями.[87] В 968 году аббат Рэмси послал во Флери мастера для управления школами, поскольку "изучение письма и использование школ почти угасло в Англии"[88] Мастером, присланным в ответ на это обращение, был Аббо, которого описывают как хорошо разбирающегося в тривиуме и квадравиуме.[89] Аббо провел два года в Рэмси и написал книгу *Quaestiones Grammaticales* для проверки знаний, полученных монахами его монастыря.[90] Среди учеников Аббо был анонимный автор *Vita S. Oswaldi* (работа, которая показывает, что автор был человеком культурным и образованным), а также Биртферт, который написал комментарии к математическим трактатам Беды и показал знание латинских авторов.[91]

В 817 году Аахенский собор постановил, что никто не должен приниматься в монастырские школы, если он не предназначен для монашеской жизни. Не похоже, что это различие соблюдалось в Англии в саксонский период, и кажется вероятным, что английские монастыри продолжали принимать учеников независимо от того, намеревались ли они в конечном итоге поступить в монастырь. Так, мы узнаем, что ученики Дунстана в Гластонбери были всех возрастов, от маленького мальчика[92] до человека, уже принявшего сан священника.[93] Затем, об учениках Вульфстана, мы узнаем, что среди них были и молодые, и старые, и что многие из них впоследствии стали светскими священниками.[94] Опять же, на картине, нарисованной Аэлфриком, изображающей монастырскую школу того периода[95], можно заметить, что среди учеников были не только исповедующие монахи, но и другие, занимавшиеся светскими делами. Мы также читаем, что мальчикам, посещавшим школу в аббатстве Рэмси, разрешалось выходить за пределы монастыря для игр и отдыха[96].

Мы можем подвести итог образовательной деятельности Дунстана и его товарищей, отметив, что в восстановленных монастырях зародилась новая раса ученых, некоторые из которых были недостойны быть причисленными к ученикам Алкуина и Беды. Одним из таких учеников был Элфрик,[97] в свое время аббат Эйншема, который представляет особый интерес как автор некоторых учебных и других работ: англо-латинской грамматики, глоссария и перевода различных отрывков из латинских писателей на англо-саксонский язык под названием "*Гомилии*". Грамматика Элфрика представляет особый интерес с точки зрения изучения принципов преподавания, поскольку свидетельствует о том, что автор стремился преподнести свой предмет ученикам таким образом, чтобы облегчить их обучение. "Я прекрасно понимаю, - пишет он, - что многие будут упрекать меня за то, что я готов посвятить свое время такому занятию, как превращение *искусства грамматики* в английский язык. Но я предназначаю этот учебник для маленьких мальчиков, которые ничего не знают, а не для

их старших. Я знаю, что слова можно трактовать по-разному, но, чтобы не создавать трудностей, я придерживаюсь самого простого значения"[98].

Из "*Коллоквиума*" Элфрика мы можем узнать кое-что о работе монастырской школы. *Коллоквиум* состоит из диалога между мастером и разными мальчиками и был задуман как сборник упражнений по первой латыни. Аэлфрик сопровождает латинскую прозу англосаксонским подстрочным переводом. Диалог открывается просьбой мальчиков о том, чтобы мастер научил их говорить правильно. Речь, конечно же, идет о способности свободно разговаривать на латинском языке. Кстати, следующий вопрос проливает свет на способ, с помощью которого в то время было принято стимулировать мальчиков к выполнению школьных заданий.

Учитель: "Вас будут пороть, пока вы учитесь?"

Мальчик: "Мы бы предпочли быть выпоротыми, пока учимся, чем оставаться невеждами; но мы знаем, что вы будете добры к нам и не станете пороть нас, если не будете вынуждены".

Затем, ближе к концу "*Коллоквиума*", происходит разговор между Мастером и исповедующим монахом.

М. - "Тебя пороли сегодня?"

Б. - "Нет, потому что я был очень осторожен".

М. - "А как насчет других?"

Б. - "Почему вы меня об этом спрашиваете? Я не смею раскрывать вам наши секреты. Каждый знает, пороли его или нет".

Из мальчиков в предполагаемой школе один был исповедующим монахом, другие - пахарями, пастухами, охотниками, рыбаками, лоточниками, торговцами, сапожниками, солеварами и пекарями. Каждому из них рассказывается о повседневной жизни, и таким образом вводится обширный словарный запас. В одном из отрывков подразумевается, что обучение в школе не ограничивалось "свободными" классами. Так, после того как пахарь рассказал о своей дневной работе, диалог продолжается: - "O magnus labor".

М. - "O magnus labor est".

А. - "Etiam, magnus labor est, quia non sum liber."

Затем мальчики по очереди спорят, какое занятие наиболее полезно, и для решения вопроса вызывается советник. Завершается "*Коллоквиум*" добрым советом: "Все вы, хорошие дети и умные ученые, ваш учитель увещевает вас соблюдать заповеди Божьи и вести себя везде правильно. Ходите тихо, когда слышите церковные колокола, входите в церковь и кланяйтесь святому алтарю, стойте тихо и пойте в унисон, просите прощения за свои грехи и снова уходите без игры в монастырь или в школу"[99].

До сих пор мы описывали монашеское возрождение, произошедшее при Дунстане. Однако Дунстан совершенно ясно осознавал, что одни монастыри не дадут достаточных возможностей для возрождения образования в Англии. Хотя было возведено около пятидесяти монастырей, это число могло удовлетворить потребности лишь сравнительно небольшой части общества. Кроме того, ни одно монастырское учреждение к северу от Хамбера (за сомнительным исключением Рипона) не избежало разрушений, причиненных датчанами. В этих условиях Дунстан решил побудить приходских священников к осознанию

своего долга в деле образования. В предыдущей главе[100] мы отметили, что около 797 года Теодульф Орлеанский провозгласил некоторые каноны на епархиальном синоде; эти каноны Дунстан принял и добился их введения в действие в этой стране. Они гласят:[101]

10. И мы предписываем, чтобы ни один священник не принимал чужого ученого без разрешения того, кого он раньше нанимал.

11. И мы повелеваем, чтобы каждый священник в дополнение к знаниям прилежно учился ремеслу.

12. И мы повелеваем, чтобы ни один ученый священник не позорил полуученого, но исправлял его, если он знает лучше.

13. И чтобы каждый христианин ревностно приучал своих детей к христианству и учил их Pater Noster и Символу веры.

22. И мы предписываем, чтобы каждый человек учился так, чтобы он знал Pater Noster и Символ веры, если он хочет лежать в освященной могиле или быть достойным дома; потому что тот не является истинным христианином, кто не выучит их, и тот, кто знает их, не может принять другого человека при крещении, не из рук епископа, прежде чем он выучит их.

21. И мы предписываем священникам усердно учить молодежь и обучать их ремеслам, чтобы они могли иметь церковную поддержку.

Невозможно оценить, в какой степени соблюдались эти каноны. Однако стоит отметить, что существуют свидетельства того, что в первой половине X века для мальчиков из хорошей семьи было обычным делом получать образование у священника. Так, Одо, который был архиепископом Кентерберийским в 942-959 годах, был обучен "неким религиозным человеком, когда был мальчиком в доме тана Ательхельма"[102]. Племянник Одо, Освальд, также обучался у священника по имени Фритегод, который, как говорят, "был сведущ во всех знаниях того времени в Англии, как светских, так и божественных"[103].

Говоря об образовании в англосаксонские времена, необходимо использовать хотя бы малейшие свидетельства существования образовательной деятельности. Безусловно, "Книга Судного дня" является величайшим авторитетом в области социального положения Англии в этот период, и нам необходимо обратиться к этому труду, чтобы выяснить, содержит ли он какие-либо упоминания, которые каким-либо образом связаны с образованием.

Как рассказывает профессор Виноградов, в "Обзоре" мы получаем много информации о владении церквями .[104] "Они являются необходимым элементом организации каждого населенного пункта. Приходская церковь - это "tun kirke" древнеанглийских времен, и за ней по праву закреплено владение в размере шкуры или двух виргатов". Приходской священник получал разное вознаграждение, частично десятину, частично глебу, частично "церковный скот". Именно в связи с последним платежом мы можем проследить связь между церквями и образованием. В 376 году нашей эры Грациан издал указ, который был применен в Британии, о том, что учителя должны получать зарплату в "аннонах", то есть мерах кукурузы. Теперь "церковная подать" была разновидностью налога, налагаемого на дома или здания для оплаты священника.[105] Есть два отрывка, цитируемые Виноградовым, которые, кажется, связывают эту выплату "церковной подати" с "аннонами", которые, возможно, первоначально предназначались для оплаты работы священников в качестве учителей школ. На странице 441 он пишет: - "Каждый соцман, обладающий церковной скуфьей, имел возможность получить ее в качестве платы за работу священника в школе.

"Каждый сокмен, владеющий шкурой, должен платить одну повозку с кукурузой, называемую анноной, в свою приходскую церковь, и есть положение о случае невыполнения этой обязанности, как в Вустершире". А на странице 418 мы читаем, что "шир дал показания, что церковь Першора должна иметь церковную ренту с 300 шкур, то есть по одному грузу кукурузы с каждой шкуры, в которой поселился франклин".

Не стоит придавать особого значения этим выдержкам. Они интересны тем, что указывают на возможность того, что часть вознаграждения приходского священника была платой за его услуги в качестве учителя.

В самой Книге Сумерек можно найти три упоминания об образовании: - 1.

1. Церковь Уилтона в Уилтшире была наделена правом преподавания[106].
2. Земли в Оксфордшире были переданы королем Эдуардом Исповедником Вестминстерскому аббатству для обучения и содержания послушника[107].
3. Алуид, молодая женщина, владела половиной шкуры земельных владений в Окли (Бакс) для обучения дочери графа Годрика[108].

Взятые сами по себе, эти случаи не так уж и много значат, но если рассматривать их в связи с постановлениями и обычаями Церкви и канонами, обнародованными в правление короля Эдгара, они подтверждают утверждение о том, что в различных приходах этой страны действительно существовало положение об образовании.

Обращаясь к коллежским церквям, как соборного, так и не соборного достоинства, отметим, что никаких свидетельств их схоластической деятельности нет вплоть до датского завоевания. Затем мы узнаем, что, когда Канут посещал известный монастырь или боро, он посылал туда "за свой счет мальчиков, чтобы их обучали для духовного или монашеского ордена"[109] Это утверждение сделано современником короля и, следовательно, заслуживает доверия. Его повторил аббат Самсон, писавший примерно столетие спустя. Самсон, однако, преувеличивает и утверждает, что Канут был "настолько большим любителем религии", что учредил государственные школы[110] в городах и округах, "возложив расходы на общественный кошелек"[111].

Трудно сказать, что означают эти заявления. Они могут означать, что Канут давал дополнительные пожертвования конкретным церквям при условии, что будет содержаться дополнительный священник, который будет отвечать за обучение мальчиков, или что пожертвования давались монастырям при подразумеваемом понимании, что они даются для покрытия расходов на содержание мальчиков, предназначенных для монашеской профессии. Кроме того, вполне вероятно, что к этому времени уже сложился обычай требовать плату с мальчиков, посещавших занятия священников; в таком случае эти заявления означают, что Канут просто выделил определенные гранты конкретной церкви, чтобы освободить тех, кого он назначил, от дальнейших расходов.

Имеющиеся сведения об основании коллежской церкви Святого Креста в Уолтеме и ее повторном основании графом Гарольдом[112] позволяют нам понять организацию коллежских церквей того периода и характер обеспечения образования. Изначально в нем было только два клерка; граф Гарольд за счет дополнительных пожертвований позволил добавить еще одиннадцать клерков. Подобно тому, как монастыри отправлялись в Флери и другие известные монастыри за руководством в управлении своими монастырями, так и некоторые коллегиальные церкви, похоже, отправлялись за границу за руководством в управлении своими учреждениями. Так, мы узнаем, что в Уолтхэм некий "мастер Ателард"

прибыл из Утрехта, чтобы "установить в Уолтхэмской церкви законы, уставы и обычаи как в церковных, так и в светских делах тех церквей, в которых он получил образование"[113] Церковь, похоже, была организована по образцу монашеской общины; несколько клириков жили вместе по определенным правилам; дисциплина строго соблюдалась. Над клерками был поставлен декан, описанный как "религиозный человек, прославленный своим характером и известный своей литературной образованностью". Школьный учитель был, очевидно, самым важным чиновником; его власть, похоже, равнялась власти декана; он обучал чтению, сочинению прозы и стихов, а также пению[114]. Мы узнаем, что мальчики хора "ходили, стояли, читали и пели, как братья по религии, и все, что нужно было петь на ступенях хора или в самом хоре, они пели и распевали наизусть, по одному, по двое или больше вместе, без помощи книги. Один мальчик никогда не смотрел на другого, когда они занимали свои места на клиросе, разве что в сторону, да и то очень редко, и они никогда не говорили друг другу ни слова; они никогда не ходили по клиросу..... И, идя в процессии из школы, они идут на клирос, а выйдя с клироса, идут в школу"[115].

В Domesday Book зарегистрировано от тридцати до сорока церквей светских каноников, большинство из которых были основаны во времена правления Эдуарда Исповедника. Среди них до завоевания были коллегиальные церкви Всех Святых в Уорике, Беверли Минстер и Сент-Мартинс-ле-Гранд в Лондоне. В каждой из этих церквей один из священников исполнял обязанности школьного учителя, и мы предполагаем, что везде, где была основана коллегиальная церковь, было принято делегировать задачу обучения латыни и музыке определенным лицам. Мы знаем, что в Уорике и Беверли был отдельный мастер по пению, и, следовательно, мы можем сделать вывод, что, где это было возможно, для этих предметов были предусмотрены отдельные преподаватели.

Однако следует признать, что прямых свидетельств общего образования в англосаксонский период немного, и поэтому мы во многом вынуждены строить догадки. Мы можем с уверенностью утверждать, что некоторые монастыри были центрами интеллектуальной деятельности и что систематическое образование давалось в некоторых коллегиальных церквях. Также чрезвычайно вероятно, что приходской священник имел обыкновение обучать латыни тех, кто этого желал, но, насколько нам известно, утверждать что-либо большее, чем вероятность, в этой связи невозможно.

КНИГА II.

ЦЕРКОВЬ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЕМ.

ВВЕДЕНИЕ.

Второй этап, который мы предлагаем проследить в связи с эволюцией образования, - это тот, на котором ответственность за предоставление образовательных учреждений, организацию образования, контроль и признание учителей негласно рассматривалась государством как одна из функций, которую должна была взять на себя церковь.

Рассмотрение этого вопроса предполагает, в качестве необходимого предварительного условия, обращение к политическим идеям Церкви в Средние века. Трудно обнаружить какие-либо идеи, которые можно было бы считать политическими по своему характеру, в связи с трудами тех священников-миссионеров, которые отвечали за введение христианства в Англии. Отделение от политического тела, а не желание участвовать в его деятельности, было отличительной чертой тех монахов, которые составили ядро католической церкви этой страны. Однако с течением времени в этом отношении наметились перемены. Церковь стала превращаться в большой социальный и квазиполитический институт, и вопрос о соотношении церковной и светской власти приобретал все большее значение. Различные факторы способствовали такому результату. Не последнюю роль в этом сыграло развитие феодального строя, с которым в значительной степени связано развитие мирской власти и ранга Церкви, поскольку великие церковники были не только первыми лицами Церкви, но и великими феодалами.

Под феодальным строем понимается система правления, господствовавшая в Западной Европе в средневековые времена. Хотя проблемы, связанные с ее происхождением и развитием, еще не могут считаться окончательно решенными, однако по основным пунктам мнения практически едины; те разногласия, которые еще существуют, касаются в основном мелких деталей. Мы можем резюмировать основные черты феодализма в его более полных формах, сказав, что "государство больше не зависит от своих граждан, как граждан, в выполнении общественных обязанностей, но оно зависит от некоторых немногих в выполнении определенных обязанностей, которые они должны как вассалы короля, а те, в свою очередь, зависят от своих вассалов за услуги, которые позволят им выполнить свои собственные обязательства перед королем." Иными словами, отдельный гражданин практически не осознавал своих обязанностей перед государством; его кругозор ограничивался обязанностями перед своим владыкой.

Можно проследить происхождение феодальной системы от двух практик, известных римскому праву. Одной из них был "прекарий". При этой форме мелкий землевладелец, опасаясь последствий неупорядоченного состояния времени, уступал свою землю какому-нибудь влиятельному землевладельцу, чье положение было достаточно прочным, чтобы вызывать уважение. Эту землю он получал обратно уже не как владелец, а как арендатор. Другая практика - "патроциниум" - имела схожий характер. Бедный свободный человек, желая получить защиту, которую он не мог обеспечить иным способом, примыкал к дому крупного лорда, а в обмен на полученную защиту оказывал богатому человеку такие услуги, которые мог выполнять свободный человек.

Во время франкского вторжения в Галлию эти обычаи были в действии, и поскольку они соответствовали в своих основных чертах обычаям франков, германские и римские обычаи слились один с другим и в своей новой форме были переняты захватчиками. Усилиями Карла Великого было укреплено соединение особой обязанности военной службы как условия землевладения. Увеличение размеров франкской империи, в результате чего приходилось совершать походы на большие расстояния, привело к изменению существующей практики. Особое значение имел его указ о том, что вассалы должны выходить на поле под командованием своих сеньоров; в результате каждый сеньор стремился собрать как можно больше вассалов. Так постепенно врожденный долг гражданина защищать свою страну "превратился из общественной обязанности в частный договор". Феодальная система получила дальнейшее развитие, когда другие функции государства перешли в руки частных лиц. Большое значение в этой связи имело приобретение права "юрисдикции", благодаря которому отправление правосудия выходило из-под власти государства в отношении лиц,

проживающих в пределах вотчины. Таким образом, постепенно сложилось так, что вся реальная власть ушла от государства и сосредоточилась в руках отдельных лордов, в результате чего патриотизм и общее национальное чувство почти полностью исчезли.

Однако с самого момента своего возникновения феодальная система содержала в себе факторы, повлиявшие на ее упадок и падение. Единственной силой, удерживающей фьеф, были личные способности сменяющих друг друга поколений лордов, а также их успех в поддержании порядка и безопасности и в принуждении отдаленных лендлордов признать их верховенство. Но вассалы всегда были готовы отказаться от своей верности и отстаивать суверенные права, если представлялась возможность, а соседние великие бароны не гнушались подговаривать вассалов соперника сменить своего сеньора. Когда феодальная система закрепилась, такие вещи могли происходить реже, но в целом преобладал закон выживания сильнейшего.

Рано или поздно феодальная система должна была привести к периоду анархии. В нашей стране этот период наступил после смерти Генриха I, когда феодальная партия отказалась соблюдать клятвы, которые покойный король заставил их принести своей дочери Матильде. Питербороское продолжение "Английской хроники" описывает этот период анархии "словами, с которыми по своей беременной простоте не может соперничать ни одно современное описание"^[117]. "Они наполнили землю замками, а замки - дьяволами. Они брали всех, кто, по их мнению, имел какое-либо имущество, мужчин и женщин, и мучили их невыразимыми пытками: многие тысячи они умертвили от голода... и они ограбили и сожгли все деревни, так что вы можете за день пути не найти ни одного человека, живущего в деревне, ни одной обработанной земли. Ни кукурузы, ни мяса, ни сыра не было в стране. Епископы постоянно проклинали их, но им не было до этого никакого дела..... Люди открыто говорили, что Христос и Его святые спят. Так и мы можем смело сказать, что страдали девятнадцать лет за свои грехи".

Помимо практических и ощутимых последствий феодальной системы, средневековая теоретическая мысль о политике выдвигала аргументы в пользу того, что церковь не только отличается от государства, но и в некоторых существенных отношениях превосходит его. Отправной точкой такого теоретизирования стал догмат о двух властях - духовной и временной: власть священства проистекает от Царя царей, а власть государства - от способности применять силу.

Екклезиасты утверждали, что из этих двух властей большее достоинство принадлежит духовной. Это вытекало непосредственно из взглядов ранней Церкви на относительную важность земной жизни и жизни грядущей. Спасение душ было важнее, чем регулирование физической жизни; следовательно, те, в чьи обязанности входило спасение душ, были не только более достойны чести, чем те, кто просто стремился контролировать мирскую деятельность, но и обладали властью более высокого и ответственного характера. Притязания Церкви на право контроля и исправления поведения и мотивов светских правителей еще больше укрепляли ее авторитет. Для священноначалия князя не только были мирянами, но и из всех мирян они были классом, наиболее склонным к греху и, следовательно, наиболее нуждающимся в церковном порицании. Среди обязанностей королей, на которых настоятельно настаивали, были "уважение и защита Церкви и ее служителей". Хинкмар, Григорий VII и Иннокентий III занимают видное место среди тех, кого можно привести в качестве протагонистов притязаний на церковное главенство.

Оружием, имевшим огромное значение для обеспечения выполнения церковных требований, было отлучение от церкви и анафема. Считалось, что это соответствует

смертной казни Моисеева закона, применению меча Духа. Если же страх отлучения оказывался недостаточным для того, чтобы добиться от неохотно идущего монарха уважения к желаниям Церкви, то прибегали к власти низложения. Основанием для этого служила заявленная Церковью власть освобождать своих членов от принесенных ими клятв верности. Эта власть имела особое значение в феодальном обществе, когда тенденция к отказу от верности существовала постоянно, а возможности и предлоги отсутствовали.

Нормандское завоевание не только усилило развитие феодальной системы в этой стране, но и во многом способствовало признанию отдельной власти церкви. В результате завоевания управление страной перешло под контроль людей, которые были "лучшими управленцами, более острыми, беспринципными, менее пьяными и ссорящимися, лучше обученными, более выносливыми, более бережливыми, более сочувствующими общеевропейским движениям, более авантюрными, более темпераментными..... Результатом неизбежно стали лучшая организация, более быстрый прогресс, большие поборы и притеснения в церкви и государстве"[118] Кроме того, вторжение претендовало на религиозный характер и имело своей целью возвращение наследия, которое было "отнято лживым узурпатором".

Действующие архиепископы, епископы и аббаты бежали или были лишены своих постов, а их места были заняты, как правило, но не всегда, людьми иностранного происхождения. Эти люди были не только церковниками, но и феодалами, а временные владения, которыми они владели в силу своего сана, были не только значительны сами по себе, но и, в силу различных причин, постоянно увеличивались. Таким образом, духовенство обладало все большими полномочиями и дополнительными интересами, отдельными от остальных соотечественников и независимыми от них. Все более заметной становилась тенденция к тому, чтобы Церковь осознавала свои мирские полномочия, ревностно относилась к своим привилегиям и настаивала на своих правах.

Этот анализ отношений Церкви и государства, как они развивались после Нормандского завоевания, необходим для того, чтобы мы могли осознать ту роль, которую играла Церковь в сфере образования. Церковь воспринималась не как духовная организация, существующая лишь для того, чтобы способствовать более тесному общению между Богом и человеком, а скорее как партнер государства, под контролем которого находилась вся та национальная деятельность, которую можно было бы назвать "духовной" в том особом смысле, в котором этот термин употреблялся в то время. Таким образом, центральная власть государства была всего лишь организацией, контролирующей деятельность, которая была определено временной. С точки зрения, распространенной с XI по XIII век, образование было по сути "духовным" и, следовательно, относилось к тем видам деятельности, за которые отвечала только Церковь.

Далее мы рассмотрим социально-экономическое состояние страны в тот период, когда феодальная система была преобладающей. Это необходимо, потому что опыт показывает, что существует тесная связь между социально-экономическим состоянием страны и ее системой образования, фактически, невозможно правильно понять организацию образования в стране в отрыве от ее социального развития.

Манориальная система может рассматриваться как социальный аналог феодальной формы правления. Когда манориальная система впервые появляется на сцене истории, становится ясно, что в ее конституцию входят два элемента: сеньориальный и общинный; сеньор и группа зависимых лиц, обладающих общими правами. Происхождение манора - проблема, которая до сих пор остается неясной. Вопрос заключается в том, существовало ли подневольное население, работавшее на начальника, который был абсолютным владельцем земли, "с незапамятных времен", или же на определенном этапе развития свободной

общины владыке удалось занять господствующее положение и навязать ей свою волю. Были выдвинуты две теории. Теория марки^[119] утверждает, что определенный район, отделенный от районов аналогичного характера, находился в общем владении, и что манориальная система возникла, когда по каким-то причинам власть лорда стала признанной. Другая теория - это теория, изложенная Сибомом в его *"Английской деревенской общине"*, где прослеживается связь между ранней английской деревней и римской виллой, и делается вывод, что английские деревни были подневольными и манориальными с самых ранних дней англосаксонского периода.

Не пытаясь высказать свое мнение относительно этих двух гипотез, мы можем взять за отправную точку *"Domesday Book"*. Из этой книги мы узнаем, что на большей части территории Англии холопы, коттеджи или бордеры, а также рабы составляли все население страны, не считая правящих классов. После нормандского завоевания мы можем проследить быстрый рост числа свободных арендаторов, вызванный целым рядом обстоятельств, главными из которых были: (1) обмен холопами своих услуг на денежные выплаты, (2) огораживание и сдача в аренду части пустующих земель, (3) сдача в аренду части собственных владений лорда. Термин "свободные арендаторы", как показал профессор Эшли, достаточно эластичен, чтобы охватить людей, находящихся в самом разном положении, "от военного арендатора, получившего значительное владение в обмен на службу в поле, до арендатора, получившего за денежную ренту один или два акра демесне или новой расчищенной земли".^[120] Большее число тех, кого называли свободными арендаторами, были, очевидно, холопами-виргинцами или их потомками, которые обменивали свои более обременительные трудовые услуги (два или три дня в неделю) на фиксированную сумму денег и были освобождены от того, что считалось более подневольными "инцидентами" их положения.

На практике манориальная система подразумевала, что свобода передвижения и выбора профессии практически не существовала. Даже для того, чтобы крепостные могли отправить своих детей в школу, необходимо было получить согласие лорда, а во многих случаях до получения такого разрешения взимался штраф. Так, в одном поместье Вулричстон в Уорикшире мы узнаем, что в 1361 году Уолтер Мартин заплатил 5 с. за привилегию отдать своего сына "в школу"; в 1371 году Уильям Поттер заплатил 13 с. 4 д., чтобы его старший сын мог ходить в школу, а Стивен Праут заплатил 3 с. 4 д.; в 1335 году Уильям в Уотере заплатил за лицензию для своего младшего сына Уильяма *"ad sacrum ordinem promovendum"*^[121].

Мы хотим подчеркнуть, что единственным реальным социальным различием в маноре было различие между лордом и его арендаторами. Между этими двумя классами лежала огромная пропасть. В социальном плане они были далеки друг от друга, как полюса. Между самими арендаторами социальное разделение было незначительным. "Даже священник, возглавлявший большинство сельских церквей, принадлежал к тому же социальному классу, что и его прихожане, и во многих случаях был так же беден, как и любой из них, и был достаточно рад получить несколько акров земли и пополнить свой доход, участвуя в общем сельском хозяйстве"^[123].

Переходя от деревень к городам, отметим, что к моменту Нормандского завоевания в Англии насчитывалось всего около восьмидесяти городов, и большинство из них можно было отличить от деревень только по земляным насыпям, которые их окружали. Даже город первого ранга не мог насчитывать более 7-8 тысяч жителей. До второй половины двенадцатого века большинство бюргеров по-прежнему занимались в основном обработкой общих полей, и лишь меньшинство специализировалось на торговле или ремесле^[124].

Меридит выделяет четыре стадии в развитии города, но при этом делает важную оговорку: хотя большинство городов проходило через эти стадии, нельзя утверждать, что какой-то один тип организации преобладал в те или иные полвека. Определенные факторы могли объединиться, чтобы сделать конкретный город очень важным и способствовать его быстрому прогрессу; поэтому стадия развития, достигнутая одним городом в начале двенадцатого века, может быть достигнута другим городом только спустя столетие или более. Этапы развития следующие

(1) Зародыш муниципалитета мало чем отличается от манориальной деревни.

(2) Жители увеличиваются в числе и богатстве и могут приобрести самоуправление. На этом этапе формируется купеческая гильдия.

(3) Купеческая гильдия теряет свое значение; ее законодательную и судебную деятельность берет на себя муниципалитет, в то время как отдельные ремесленные гильдии заботятся об интересах различных ремесел.

(4) Четкое разграничение между городом и деревней разрушается. Появляются капиталистические и наемные классы, центральное правительство ущемляет законодательные полномочия муниципалитета и постепенно отстраняется от исполнительной деятельности ремесленников.

Можно ли проследить связь между социально-экономическим состоянием, которое мы описали как существующее в усадьбах и городах, и образованием? Очевидно, что спрос на образование мог быть минимальным или вообще отсутствовать, поскольку, прежде чем образование станет востребованным, его ценность должна быть осознана. В этот период не могло существовать никакого представления о культурной ценности образования, ценности образования ради него самого. Те, кто занимал официальные должности в качестве судебных приставов или управляющих в манориальных поместьях, могли найти определенную ценность в образовании, но ни требования коммерции, ни удобства социальной жизни не были достаточно настойчивыми, чтобы вызвать желание получить образование.

Основной спрос на образование в это время исходил от тех, кто желал получить ту или иную должность в связи с церковью. Как будет показано в одной из последующих глав, Церковь предоставляла возможности для получения образования по трем причинам: как партнер государства она была ответственна за его предоставление; поскольку она придерживалась мнения, что интеллектуальное обучение необходимо для нравственного совершенствования, ее миссия заключалась в его предоставлении; и для того, чтобы получить достаточное количество адекватно подготовленных клерков, ей было необходимо принять необходимые меры.

Теперь возникает важный вопрос. Кому Церковь предоставляла возможности для получения образования? Дворянам и дворянству? Средним классам? Или рабочим классам? Этот вопрос необходимо рассмотреть, отчасти потому, что он вытекает из нашего анализа социальной структуры, а отчасти из-за мнений, высказанных различными авторами об английском образовании^[125].

Характер образования, получаемого детьми "дворянства и джентри", будет рассмотрен в главе VI; здесь же достаточно сказать, что интеллектуальная часть их образования давалась священником, но за счет родственников тех, кто его получал; следовательно, в обычном

понимании этого термина, церковь не "обеспечивала" образование детей из "дворянского" рода.

Остаются два социальных класса: средний класс и "нищие", как их элегантно называет мистер Лич.[\[126\]](#) Какой из этих двух классов Церковь стремилась воспитать?

Ответ очевиден, если мы рассмотрим социальную структуру того времени. В практических целях[\[127\]](#) средний класс в Англии не существовал до конца четырнадцатого века. Социальные различия между различными классами арендаторов манора были настолько незначительны, что ими можно было пренебречь; один класс имел тенденцию сливаться с другим, так что провести четкую линию разграничения между ними было невозможно. Следовательно, когда задается вопрос о том, для какого социального слоя Церковь предоставляла образовательные учреждения, ответ заключается в том, что такие учреждения предоставлялись независимо от социального положения и были доступны для самых бедных, даже для "нищих", если хотите.

Имеются неопровержимые свидетельства социального положения тех, кто посещал церковные школы в десятом веке. Здесь представлены не только различные классы людей, занятых сельскохозяйственным трудом, такие как пастухи, коровники, свинопасы, но даже представители "несвободного" класса присутствовали в школе, изображение которой дает нам аббат Аэлфрик[\[128\]](#).

Поскольку нам еще не раз придется возвращаться к этой теме из-за распространенного заблуждения, мы можем отложить ее дальнейшее рассмотрение.

ГЛАВА I.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРУДЫ МОНАСТЫРЕЙ.

Место монастырей в образовательной жизни страны станет очевидным из рассмотрения особых обстоятельств того времени. Монашество, как мы уже показали, возникло в основном из чувства неспособности вести христианскую жизнь в атмосфере, во многом окрашенной язычеством, и в которой преобладающие идеалы жизни опустились до очень низкого уровня. Удивительный успех монашества привел к значительному увеличению числа желающих стать членами организованной религиозной общины. Со временем христианство не только стало общепринятой религией западного мира, но и монахи стали считаться элитой среди духовенства. Как класс, светское духовенство этой страны девятого и десятого веков не отличалось тем же рвением, самопожертвованием и пылом, что и ранние миссионеры; очевидно, их привлекали к священнической профессии разные мотивы, и не всегда из чувства призвания. Учеба, судя по всему, не пользовалась среди них большим уважением, и в нашей стране в этот период было бы трудно назвать много светских священников с выдающимися способностями. Вообще говоря, термин "светское духовенство" стал обозначать людей более низких идеалов, менее образованных, менее духовных и менее эффективных, чем обычное духовенство.

Монашеская миссия одиннадцатого и двенадцатого веков, следовательно, значительно отличалась от той, которую взяли на себя бенедиктинские и кельтские монахи в седьмом веке. Изначально целью монахов было внедрение христианства, теперь же их задача - сделать Церковь более эффективной и могущественной. Эффективность и сила могут быть приобретены Церковью различными способами - ее временным богатством, ее политической властью, ее духовным рвением, ее интеллектуальной деятельностью. Здесь мы рассматриваем только последний аспект работы Церкви. В тот период, о котором мы говорим, образование и религия обычно рассматривались как одно и то же; считалось, что прогресс религии связан с распространением образования. "Рвение к письму и религии, - замечает Уильям Мальмсберийский, - остыло за много лет до прихода норманнов"[129].

Здесь, таким образом, обозначена задача, которая стояла перед лидерами Церкви, - возрождение ревности к религии и литературе. Как они должны были подойти к решению этой проблемы? Мы можем с полным правом предположить, что те, кто жил в то время и был в состоянии знать особые обстоятельства того периода, также были в состоянии рассмотреть наилучшую политику, которую следовало бы принять. Метод, который они использовали для продвижения дела "религии и письма", заключался, прежде всего, в создании монастырей. Мы узнаем, что в период с 1066 по 1135 год в этой стране были основаны три монастырских собора, тринадцать важных женских монастырей, одиннадцать важных мужских монастырей, семнадцать приорств Ключников и шестьдесят келий для иностранных домов[130].

Одним из главных последствий Нормандского завоевания для Англии с церковной точки зрения стала замена норманнских епископов и аббатов на английских. Из двадцати одного аббата, присутствовавшего на Лондонском соборе 1075 года, тринадцать были англичанами; из них только трое занимали свой пост при Вильгельме Руфусе.[131] Из числа образованных норманнов, занявших важные посты в Англии, можно упомянуть Ланфранка и Ансельма, последовательно архиепископов Кентерберийских, Гундульфа, епископа Рочестерского, Павла, аббата св. Олбанс, Уотер, аббат Ившема, Гилберт Криспин, аббат Вестминстера, Эрнульф, приор Крайстчерча, Кентербери, и Турстан, аббат Гластонбери, все они были связаны со школой при монастыре Бек. Можно также привести примеры церковников, приехавших в эту страну из школ Руана, Ключни, Мон-Сен-Мишеля, Байе и Лаона[132].

Эти назначения тем более значительны, что церковь в Нормандии в это время находилась в очень цветущем состоянии и отличалась своей образованностью;[133] поэтому норманнское завоевание, помимо всего прочего, означало, что на главные церковные должности в Англии назначались люди образованные и способные.

Здесь следует упомянуть о реформах, проведенных в Ключни - бенедиктинском монастыре - во второй половине XI века. Ограничившись реформами, связанными с интеллектуальной деятельностью монастыря, отметим, что ручной труд в прямом смысле этого слова практически перестал существовать. Вместо него дополнительное время уделялось учебе и копированию манускриптов[134].

Важность Ключни для образовательного прогресса Англии объясняется тем, что Ланфранк, назначенный Завоевателем на пост архиепископа Кентерберийского, очевидно, изучил обычаи, царившие в этом монастыре[135], и на их основе провел реформы, которые он пытался осуществить в своем собственном соборном монастыре в Кентербери[136], а также пытался внедрить в других монастырях этой страны[137].

Два человека, последовательно занимавшие пост архиепископа Кентерберийского после Завоевания, имеют особое значение как с церковной, так и с образовательной точки зрения.

Ланфранк приобрел репутацию школьного учителя еще до того, как поселился в этой стране. Его первая школа находилась в Авранше, где он привлек много учеников; впоследствии он перешел в монастырь Бек, где открыл школу при монастыре, слава о которой распространилась широко. Ученые, получившие образование в этой школе, впоследствии занимали важнейшие церковные посты как здесь, так и на континенте. Среди них были папа Александр II, а также Иво, который впоследствии прославился в связи со школой в Шартре.

После того как Ланфранк стал архиепископом Кентерберийским, он издал свои "Конституции", серию правил для управления монастырем Крайст-Черч в Кентербери. По большей части эти правила касаются строгой дисциплины, которую хотел поддерживать Ланфранк; в образовательном плане они показывают, что он следовал курсу обучения в монастыре, который был принят со времени собора в Экс-ла-Шапель в 817 году. В программу обучения в школе входили псалмы, письмо, чтение и разговор на латыни.

После смерти Ланфранка Кентерберийский престол оставался вакантным, пока опасная болезнь не заставила Вильгельма Руфуса принять меры. Он заставил Ансельма, сменившего Ланфранка на посту приора Бека, принять эту должность. При Ансельме репутация школы в Беке выросла настолько, что она стала считаться главным центром обучения в Западной Европе. Прямых свидетельств связи Ансельма с образованием в Англии немного, но можно с уверенностью предположить, что человек, чья образованность была столь общепризнанной и чье влияние на европейскую мысль было столь велико, непременно отразился бы на состоянии образования в этой стране и способствовал бы его большей популярности.

Деятельность монастырей в области образования в XI и XII веках может быть рассмотрена трех направлениях: (1) роль, которую они играли в связи с возрождением обучения, (2) их связь со школами и (3) их вклад в производство книг.

I.- Возрождение обучения.

Вызвать повышенный интерес к учебе считалось первоочередной задачей монастырских реформ.^[138] Это мнение было настолько распространено, что стало почти пословицей: *Claustum sine armario castrum sine armamentario*.^[139] Как же должен был быть обеспечен этот интерес к письму? Очевидно, требуя от монахов проводить больше времени в учебе и заставляя их переписывать большее количество книг, которые впоследствии можно будет использовать в монастыре. Первая из этих мер, как мы видели, была важнейшей реформой в Ключи, ставшей образцом для английских реформаторов монашества. Имеется множество свидетельств того, что новые настоятели монастырей считали важным, чтобы их библиотеки были хорошо укомплектованы книгами. В Сент-Олбансе аббат Павел построил скрипторий, в котором наемные писатели переписывали списки, предоставленные ему Ланфранком, и выделил средства на продолжение этой работы.^[140] Следующий аббат, Симон де Горхэм, ввел обычай, согласно которому аббат всегда должен содержать одного писателя в скриптории за свой счет.^[141] В Мальмсбери аббат Годфри уделял особое внимание формированию библиотеки и образованию монахов. При нем монахи, которых раньше считали невеждами, сравнялись, если не превзошли, с монахами любого другого монастыря в стране.^[142] Можно привести и другие примеры: Бат,^[143] Торни,^[144] и Абингдон.^[145]

II.-Обеспечение школ.

Вопрос о содержании школ при монастырях вызывает много споров. Обращаясь сначала к континентальному обычаю, отметим, что, с одной стороны, постановление Собора Экс-ла-Шапель 817 года гласило, что "schola in monasterio non habeatur nisi eorum qui oblati sunt"[146]; а с другой стороны, существует неопровержимый пример школы при монастыре Бек, которую содержали сначала Ланфранк, а затем Ансельм.[147] Кроме того, можно сослаться на общежитие, содержавшееся в Ключни за счет монастыря для клерков знатного происхождения, которые посещали городские школы.[148] Из этих примеров нельзя сделать какой-либо общий вывод о существовании внешних монастырских школ, но они подтверждают, что одно только постановление Совета Экс-ла-Шапель не может считаться достаточным доказательством того, что после IX века монастыри перестали интересоваться обеспечением и содержанием школ.

Обращаясь к этой стране, мы обнаруживаем, что школы для воспитанников монастырей и их будущих членов создавались как само собой разумеющееся. Этот факт настолько общепризнан, что не требует особых доказательств в свою поддержку.[149] Вопрос заключается в следующем: предусматривали ли монастыри в Англии какие-либо условия для обучения внешних учеников? Нас не интересует дальнейший вопрос, почему они должны были интересоваться этой темой; наша единственная задача - выяснить, делали ли они это на самом деле. Подводя итог основным свидетельствам в пользу того, что некоторые монастыри проявляли интерес к организации школ, отметим, что в существовала светская школа, связанная с аббатством в Сент-Олбансе, и что среди известных директоров этой школы были Джеффри Мейнский[150] и Некхэм[151]; келья при монастыре Сент-Олбанс находилась в ведении монаха, который содержал школу[152]; аббат Самсон из Bury St. Edmunds дал пожертвование на оплату мастера светской школы в Бьюри[153] и предоставил общежитие в связи со школой[154]; школы существовали в двух поместьях, принадлежащих аббатству Святого Эдмунда, в которые аббаты назначали мастеров.[155] Школы также поддерживались монастырями в Ившеме, Брутоне и других местах.[156] В тех случаях, когда монашеские ордена занимали место светских каноников, они продолжали работу своих предшественников, например, в Уолтеме, [157] в Хантингдоне, [158] в Кентербери, [159] и в церкви Христа в Твинхэме.[160]

Вывод напрашивается сам собой: монастыри непосредственно обеспечивали школами своих прихожан только в стенах монастырей, а когда появлялась возможность и требовала необходимость, они также брали на себя ответственность за обеспечение школами всех желающих в своих окрестностях. Как видно из назначений в Бури-Сент-Эдмундс, в тех случаях, когда монастыри содержали школы, мастерами в них назначались люди с высокими интеллектуальными способностями. Этого и следовало ожидать при рассмотрении умственных способностей некоторых нормандских аббатов; так, Уорин[161] был магистром Салернского университета,[162] Джон де Селла, его преемник,[163] был магистром Парижского университета и описывается как "в греческом языке почитаемый как Присциан, в стихах как Овидий, в физике как Гален"[164]; А аббат Самсон, герой романа Карлайла *"Прошлое и настоящее"*, в свое время был "magister scholarum" в Бури-Сент-Эдмундс. Edmunds.[165]

III.-Написание книг.

Хотя подробное рассмотрение этой темы могло бы проиллюстрировать интеллектуальную деятельность монастырей, однако такое обсуждение выходит за рамки нашего исследования. Для нашей цели необходимо лишь краткое упоминание, чтобы проиллюстрировать тот факт, что интерес к образовательным вопросам сохранялся в

монастырях, и упомянуть, что мы обязаны монашеским книжникам большей частью материала, который доступен в настоящее время для реконструкции исторического развития этой страны. Среди писателей XI и XII веков можно назвать Уильяма Мальмсберийского, Ордерика Виталиса, Генриха Хантингдонского, Джеффри Монмутского, Флоренса Вустерского, Симеона Даремского, Роджера Уэндовера, Мэтью Вестминстерского и Эадмера Кентерберийского.

ГЛАВА II.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ УСЛОВИЯ.

При работе с любой областью знаний неизбежно возникает путаница в мыслях, если нет общего согласия относительно значения, которое следует придавать используемым терминам. За исключением, пожалуй, экономики, образование больше, чем любая другая наука, страдает от двусмысленного использования терминов. Поэтому на данном этапе целесообразно указать, в каком смысле понимаются некоторые из часто используемых в диссертации терминов. Это особенно необходимо, поскольку термины, которые мы предлагаем рассмотреть, часто используются не в том смысле, в котором, по нашему мнению, они употреблялись в средневековые времена. Для рассмотрения мы выбрали следующие термины: "школа", "свободный", "грамматика", "песня", "письмо" и "чтение".

Школа.

Когда сегодня употребляют термин "школа", обычно подразумевают "школьный дом", *то есть* здание, в котором ведется учебная работа. Однако следует подчеркнуть, что в средневековые времена школьный дом был "случайностью". Специальные здания для учебных целей появились в истории школ сравнительно поздно. Термин "школа" этимологически означает "досуг", и, вероятно, современная идея школы развилась из того факта, что досуг, к которому σχολή имеет особое отношение, - это время, которое посвящалось обсуждению. Второй этап развития достигается, когда термин ограничивается организованной школой. На этом этапе основной идеей школы является идея мастера и его учеников. Мастер мог быть человеком старше семидесяти лет, а его ученики - людьми среднего возраста (как, вероятно, было в школе, которую вел архиепископ Феодор), или мастер мог быть просто юношей, а его ученики - несколькими деревенскими детьми, изучающими буквы, как это было в школах, где обучались юноши, готовящиеся к священству, в доме приходского священника; в каждом случае термин "школа" применялся одинаково и считался одинаково уместным. Место, где проводилась школа, было безразлично. Она могла проводиться под открытым небом, в монастырских обителях, в части коллегиальной церкви или, возможно, в каком-то другом, более подходящем месте. Кроме того, школа может проводиться через регулярные промежутки времени, а может просто собираться время от времени. Вкратце можно сказать, что понятие "школа" было изменчивым и подразумевало лишь то, что учитель и ученики собирались вместе для обучения.

Мы можем отметить, что использование термина "школа" было бы полезным, если бы его можно было ограничить теми случаями, когда возведение школьного здания является определенным и объективным признаком существования школы, и использовать термин "класс" для таких собраний учителя и учеников, которые проводятся иначе. Если бы это предложение было принято, исследования происхождения школ стали бы гораздо более определенными и ценными. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, мы можем рассмотреть заявление Беда о том, что Сигеберт в 631 году "учредил школу, в которой люди изучали литературу"[166]. Что именно означает эта фраза? Если бы речь шла о том, что Сигеберт основал монастырь или церковь, то у нас не должно было бы быть никаких сомнений на этот счет. Нам не удалось найти ни в одном издании трудов Беда какого-либо толкования слова "scola", поскольку различные редакторы считают само собой разумеющимся, что его значение не вызывает споров. Так, Брайт, рассматривая процитированный нами отрывок из Беда, предполагает, что школа существовала в Кентерберии в связи с монастырем SS. Петра и Павла, и что школа, которую епископ Феликс основал по желанию короля Сигеберта, вероятно, была пристроена к примитивному восточно-английскому собору, который был возведен в Данвиче, тогдашнем городе на побережье Саффолка, но теперь уничтоженном морем.[167] Но ни в Кентерберии, ни в Данвиче не было предусмотрено специального здания для школы. Следовательно, фраза Беда, которая является важным отрывком в истории английского образования, означает, что определенным священникам, которые приобрели определенный опыт в искусстве преподавания, была специально поручена обязанность преподавать латинский язык на занятиях, проводимых в церковных зданиях, тем, кто желал их посещать.

В данной работе мы не сочли возможным тщательно разграничить понятия "класс" и "школа". Мы вынуждены довольствоваться указанием на опасность, которая существует при чтении средневекового употребления термина "школа" в том значении, которое обычно применяется к этому термину в настоящее время.

Грамматика.

Термин "грамматика" постепенно вытеснил термин "письмо" в качестве конкретной цели, ради которой основывались школы. Что касается Англии, то впервые слова "scola grammaticae" встречаются в документе второй половины XI в.[168] Этот термин стал более распространенным в XIII в. из-за необходимости отличать грамматические школы от "школ" высших факультетов университетов. "Первое фактическое употребление термина "грамматическая школа" в английском языке относится к 1387 году, когда Иоанн Тревисский, переводя с латыни "Полихронон" Ральфа Хигдена, упоминает "грамматическую школу" в Александрии." [169] Таким образом, к XIV веку фраза "грамматическая школа" вошла в обычную разговорную речь.

Но что именно обозначает этот термин "грамматика"? На цоколях правого отсека больших западных дверей Шартрского собора находятся статуи семи свободных искусств. Об этих статуях доктор Клерваль в своем труде "Шартрский собор и его памятники" пишет: "Les autres cordons repréprédremente, sé Cathédrale et ses Monuments," - пишет доктор Клерваль.

"Другие кордоны представляют семь свободных искусств, из которых развилась душа Вергилия, символизируемые каждой женщиной, изображающей атрибуты каждой науки, и мужчиной, корифеем этих наук, сидящим перед кукольным, с плюмажем, канифолью, биссером, эпонжами, ригелями. Внизу первого кордона с правой стороны - "Музыка" с тремя клубуками в виде марто, а с другой - Пифагор. На втором кордоне по направлению к центру

находится Диалектика, изображающая ящерицу и скипетр, и изображающая Аристотеля; затем Риторика, обескураживающая, и изображающая Цицерона; Геометрия с компасом и изображающая Евклида; Арифметика (с отступлением) с одной книгой, а также Бозций или Пифагор; Астрономия, рассматривающая небо и изображающая буссоль, а также Плотон, изображающий люнет; и, наконец, Грамматика, приподнятая, с вершинами, на которых сидят два молодых экольера, а также Присциан или Донат. Эти изображения любопытных искусств являются наиболее древними по сравнению с клетками Лаона. Они объясняются в Шартре эколатором этой церкви, в частности Тьерри, автором "Гептабуклиона", написанного в 1140 году"[170].

Этот отрывок может помочь нам определить значение, придаваемое грамматике как одному из семи свободных искусств. Из него следует, что все, что не было музыкой, красноречием, логикой, математикой, астрономией, геометрией, было грамматикой, *то есть* почти все гуманитарные науки; или, другими словами, изучение грамматики было синонимом изучения "письма" в том смысле, в каком этот термин понимался тогда.

Однако на практике грамматика не имела такой коннотации. Это было связано с тем, что изучение букв было невозможно до тех пор, пока не была освоена латынь, и поэтому термин "грамматическая школа" применялся для обозначения места, где преподавали "донат" или "прискиан". Донат был римским ритором, написавшим *Ars Grammatica* в середине четвертого века. Его грамматика была самым распространенным учебником по этому предмету. В сокращенном виде, который был общепринятым, она состояла всего из восьми или девяти страниц. Присциан был грамматиком, который процветал в начале части шестого века, и который опубликовал около 526 года свои *Institutiones Grammaticae*, наиболее подробный и систематический трактат по латинской грамматике. На протяжении более тысячи лет труд Присциана считался ведущим и авторитетным учебником по этому предмету.

Следует также отметить, что классическая латинская литература редко использовалась в школьных целях. Это было следствием отношения раннехристианских отцов к этим произведениям. Мы уже отмечали, что эта классическая литература была тесно связана с языческими верованиями и практиками и, следовательно, не считалась подходящей для введения в учебный процесс христианами священниками. Даже в 1518 году устав декана Колета предписывал, что книги для изучения в его школе должны быть произведениями таких "христианских актуариев, как Лактанций Пруденций, Проба, Седулий, Ювенкус и Баптиста Мантуанская".

Этот анализ поможет нам понять, что когда термин "грамматическая школа" используется по отношению к школам средневековой Англии, то обычно имеется в виду класс, в котором давалось начальное обучение "Донату" и умению говорить на латыни. Если же речь шла о продвинутой работе, то изучался Присциан и читались произведения "христианских авторов".

Бесплатно.

Далее мы рассмотрим термин "свободная" - эпитет, который обычно сопровождает выражение "грамматическая школа" и который вызвал определенное количество споров. Особое значение этому термину придал в 1862 году доктор Кеннеди, директор школы Шрусбери, в документе, который он представил в Комиссию по общественным школам и который был ею опубликован. Этот особый смысл заключался в том, что термин "свободный" обозначал "школу, свободную от контроля вышестоящего органа, *например*, капитула,

колледжа, монастыря". В поддержку своего утверждения он приводит следующие аргументы.

(1) "Большинство школ в то время были безвозмездными, и этот факт вряд ли был бы выбран для того, чтобы дать отличительное название этим школам".

(2) "Что бесплатная школа - это на латыни "schola libera", и что слово "liber", по-видимому, ни в какой период не использовалось само по себе для обозначения безвозмездности"[171].

(3) "Что какая бы франшиза или иммунитет ни обозначались этим словом, согласно обычному употреблению, это был бы иммунитет для школы или ее управляющих, а не для учеников".

(4) "Ближайшими аналогиями являются "свободный город", "свободная часовня", которые означают свободу от юрисдикции шерифа и епископа соответственно".

(5) "Что взимание некоторой платы (*например*, вступительного взноса и квартеража) совершенно несовместимо с названием "свободная школа""[172].

С другой стороны, мистер Лич утверждает, что средняя школа того периода взимала плату за обучение и что школы, которые назывались "бесплатными", были теми, в которых плата за обучение не взималась.[173] Он приводит пример Ньюлендской грамматической школы, которая была основана на основании лицензии, выданной по закладной 1445-6 гг. для "честного и разборчивого преста, достаточно образованного в искусстве грамматики, чтобы вести и преподавать грамматическую школу, полубесплатную на вечные времена; то есть брать от скупцов лернинговой грамматики 8 д. в квартал, а от других лернинговых букв и исправлять, 4 д. в квартал, в доме, называемом там Chauntrie House или Scoole House".

Отвечая на предложения доктора Кеннеди, мы хотели бы отметить, что характер контроля, осуществляемого епископами, монастырями или колледжами над школами, настолько незначителен, что практически отсутствует. Следовательно, делать факт такой свободы отличительным эпитетом таких школ вряд ли оправдано. Более того, эти "свободные" школы, как правило, основывались либо лично епископами, либо церковными деятелями, либо лицами, наиболее тесно связанными с существующей церковной системой. Весьма маловероятно, чтобы они сознательно основали учреждение, которое должно было быть "свободным" от связи с Церковью.

Аналогичная критика относится и к утверждению, выдвинутому г-ном Личем. Как отмечает доктор Кеннеди, официальные школы Церкви были безвозмездными с момента их возникновения. Затем, как мы покажем в одной из последующих глав, школы, в которых взималась плата, были, как правило, теми, которые можно отнести к категории "частных приключенческих" школ. Плата за обучение в церковных школах, вероятно, объясняется естественным обычаем, согласно которому мальчики должны были делать подношения своим учителям в определенное время[174], и со временем этот обычай превратился в неписанный закон. Мы хотим подчеркнуть, что официальные школы Церкви всегда были "бесплатными" в том смысле, что не требовали оплаты. Это было настолько общеизвестным и признанным фактом, что не было необходимости применять термин "бесплатная" в качестве отличительного эпитета для проведения различия между одной грамматической школой и другой. Другими словами, мы утверждаем, что все церковные школы были "безвозмездными", независимо от того, назывались они бесплатными или нет.

Поэтому нам необходимо выдвинуть еще одну гипотезу, объясняющую использование этого термина, и мы предполагаем, что термин "свободная" означает "открытая для всех

желающих", *то* есть прием в школу не ограничивался каким-либо определенным социальным классом, или теми, кто готовился к определенной профессии, или теми, кто жил в каком-либо конкретном населенном пункте. Свободная школа, по сути, обозначает государственную школу. В поддержку этого предположения можно привести следующие причины.

(1) Некоторые школы того времени были обязательно ограничены. Так, в монастырские школы допускались только те, кто предназначался для монашеской жизни; в альмонерские школы принимали только тех, кто получал туда допуск, и они не были открыты для всех желающих; некоторые соборные школы также были открыты только для определенных классов лиц[175].

(2) Поскольку общая идея того времени заключалась в том, что каждый приход был самодостаточным и занимался только своими прихожанами, *свободная* школа означала школу, доступную для населения в целом. Каждый город считал каждого не принадлежащего к нему горожанина "иностранцем", и свобода торговли была разрешена только горожанам. Каждый приход нес ответственность за своих бедняков; право на захоронение на церковном дворе имели только настоящие прихожане. Эта же идея распространилась и на вопросы образования. Так, запись в Йоркских епископальных регистрах за июнь 1289 года гласит, что школы в Киноултоне должны были быть открыты только для прихожан, "все остальные клерки и посторонние лица не допускались и ни в коем случае не допускаются в школу"[176].

(3) Термин "общественная" школа постепенно становится заменой термина "свободная" школа. Так, в "Акте о надлежащем исполнении статутах против иезуитов, семинарий, преистов, отступников и т. д." есть конкретное упоминание о "публичных или свободных грамматических школах"[177].

(4) Ордер, выданный в 1446 году Итонскому колледжу, не только предусматривал монополию на преподавание грамматики в радиусе десяти миль, но и конкретно указывал, что школа должна быть открыта "для всех других, кто, когда бы и из каких бы частей ни прибыл в указанный колледж, чтобы свободно обучаться той же науке, зачаткам грамматики"[178]. Следовательно, мы можем рассматривать учреждение "свободных" грамматических школ как этап в политике разрушения барьеров, отделявших приход от прихода и поселок от поселка.

Теперь мы рассмотрим особый случай, чтобы проверить эти различные предположения. Школа, основанная горожанами в Эксетере в XVI веке, была прямо названа в уставе школы "Свободной грамматической школой". Но в том же уставе содержался указ о том, что

"Через месяц после Михайловского дня... каждый, кто будет принят... должен заплатить школьному учителю этой школы за время, которое будет существовать, следующее: каждый ребенок любого свободного жителя этого города - шесть пенсов, каждый ребенок любого жителя этого города, который не является свободным жителем этого города - двенадцать пенсов, и каждый ребенок любого чужака - два шиллинга соответственно"[179].

Таким образом, мы видим, что школа может быть "бесплатной" и при этом взимать плату. С другой стороны, наше утверждение о том, что слово "бесплатная" означает "общественная", *то есть* открытая для всех желающих, подтверждается этим отрывком, который, кстати, также показывает, что идея о том, что школа предназначена только для горожан, постепенно исчезала.

Песня.

Обсуждение термина "песня" стало необходимым из-за тенденции рассматривать песенную школу как начальную школу Средневековья. Эту позицию решительно занял мистер Лич, и ее приняли все авторы, которые на него опираются. По-видимому, единственным доказательством этого мнения является инцидент, возникший в результате недоразумения между мастером грамматики и мастером песни, о котором мистер Лич подробно рассказал в своей *"Истории Уорикской школы"*.^[180] В результате этого спора декан и капитул Коллегиальной церкви приняли решение о конкретном перечислении обязанностей двух мастеров. Магистр грамматики должен был иметь "донатистов" и "ученых в грамматике или искусстве диалектики, если он будет сведущ в этом искусстве", в то время как магистру пения разрешалось "держат и обучать тех, кто учится первым буквам и псалтырю"^[181].

Донатистами", как мы уже показали, называли тех, кто получал самые элементарные уроки латыни. Словосочетание "выучить донат" вошло в разговорную речь как эквивалент овладения элементами знаний по любому предмету. Если бы в Уорике было принято решение, что мастер грамматики должен был учить ученых "Присциану", а мастер песни - "Донату", то можно было бы с полным основанием сделать вывод, что мастер песни был учителем начальной школы. Однако, поскольку латынь была единственным предметом обучения в грамматической школе, а элементы латинской грамматики должны были преподаваться мастером грамматики, кажется, что мистер Лич ошибся, считая певческую школу начальной школой того времени.

Два предмета, которые преподавались в различных школах этого времени, были латынь и музыка, и, по возможности, для этих предметов назначались отдельные мастера. Если попытаться оценить относительную важность этих предметов с социальной точки зрения, то можно навлечь на себя обвинение в снобизме. Латынь и музыка преподавались потому, что они имели огромное значение для церковного богослужения. Так, одним из событий, запечатленных Бедой и явно имевших большое значение, был визит аббата Святого Мартина в Рим с целью обучения пению монахов северо-умбрийских монастырей^[182] и всех остальных, кто желал обратиться туда за обучением. Беда также рассказывает, что когда епископ Путта временно оставался без епископского сана, он посвящал свое время преподаванию музыки^[183].

Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что учитель пения не был учителем начальных классов в средние века. Обязанностью мастера песни, как указано в уставе Ротерхэмского колледжа, было обучение музыкальному искусству и "presertim in plano et fractu cantu secundum omnes modos et formas ejusdem artis."^[184] Песня занимала видное место в учебной программе школ средневековья и, вероятно, оказывала большее облагораживающее влияние на народ, чем принято считать. Упразднение певческих школ было не самым худшим из последствий Реформации в этой стране, и очень важно, что недавняя Королевская комиссия по университетскому образованию в Уэльсе рекомендует принять меры для большего поощрения изучения музыки не только в самом университете, но и в школах княжества.

Здесь также можно упомянуть еще один момент. Очень часто один и тот же мастер отвечал за обучение и грамматике, и песне. Так, в 1385 году один и тот же мастер был назначен "ad informandos pueros tam in cantu quam in gramatica",^[185] в 1440 году мастер был назначен "ad informandos pueros in lectura, cantu et gramatica",^[186] а в 1426 году есть запись о назначении мастера для "scola lectuali et cantuli"^[187].

Чтение.

Нелегко прийти к решению относительно значения термина "школа чтения". Книги, которые читались, вероятно, были богослужебными книгами церкви, и они, конечно же, были написаны на латыни. Возможно ли, что школа чтения - это класс, в котором мальчиков учили только читать по-латыни, в то время как в грамматической школе их учили не только читать по-латыни, но и говорить на ней? Иногда упоминания о школах приводят к выводу, что "школы для чтения" и "грамматические школы" - это разные термины для обозначения одной и той же школы. Так, записи в различных книгах законов о капитулах содержат ссылки на назначение в грамматические школы рядом со ссылками на школы чтения, как будто смысл в каждом случае один и тот же, *например*, в Хаудене в 1394 году мастер был назначен "ad informandum pueros in lectu et cantu", и снова в 1401 году - "in lectura et cantu". Иногда характер ссылки приводит к выводу, что термин "чтение" обозначал более низкий уровень обучения латыни, чем термин "грамматика", *например*, в Норталлертоне мастер был назначен в 1456 году с целью "ad informandos pueros in lectura et gramatica."^[189] Запись о предыдущем назначении в 1440 году гласила, что мастер был ответственен "ad informandos pueros in lectura, cantu et gramatica." Поскольку свидетельства столь скудны, вряд ли можно прийти к определенному выводу, хотя вероятность того, что использование термина "чтение" подразумевает, что работа школы не велась в столь продвинутой степени, как это было, когда в качестве описательного термина использовалась "грамматика", представляется вполне вероятной.

Поскольку тема начального образования была затронута, и очевидно, что начальное обучение должно было быть организовано, мы можем вкратце рассмотреть, как это было сделано. Мы предполагаем, что, как правило, при каждой церкви найдется тот или иной клерк из числа мелких служителей, который будет готов дать такое обучение. С течением времени, как представляется, были разработаны четкие положения о начальном обучении. Так, в Бреконе А Б С преподавал маленьким детям капеллан колледжа^[190]; в коллегиальной церкви Гласни основатель, епископ Гуд Эксетерский, предусмотрел, что звонарь должен получать "40 тыс. ежегодно, а также за обучение местных детей А В С и за звон колоколов"^[191]; в Лонсестоне существовал благотворительный фонд для оплаты труда "пожилого человека, выбранного мэром, чтобы он занимался звоном А В С"^[192].

Письмо.

Можно проследить три различных этапа в значении, которое придавалось этому термину. Изначально это было специализированное ремесло, поскольку только опытный человек мог составлять хартии, которые требовались, и копировать манускрипты, которые так высоко ценились. В саксонские времена в этой стране существовало два разных стиля письма: кентерберийский и линдисфарнский. Римская миссия ввела кентерберийский стиль письма. Характерной чертой этого стиля было то, что были приняты римские унциалы, но с добавлением некоторых местных особенностей. Кентерберийский псалтырь,^[193] который сейчас находится в Британском музее, является примером работы этого стиля. Линдисфарнский стиль оказал большее влияние на наш национальный почерк, поскольку, с некоторыми изменениями полуунциальных характеристик, он был признанным английским стилем до тех пор, пока в конце X века из Галлии не пришла новая манера письма.^[194] Следующий этап в эволюции письма связан с его практическим значением как средства общения и для деловых целей. Теперь оно известно как "искусство подьячего". Мы можем проследить назначение мастеров для обучения письму с этой целью в этой стране с XV века.

Так, из трех мастеров, назначенных в колледж Акастера в 1483 году, один должен был обучать грамматике, второй - пению, "а третий - письму и всему тому, что относится к ремеслу подьячего"[195]. Третий этап в развитии письменности наступает тогда, когда умение писать считается одним из самых ранних школьных заданий и когда письмо считается необходимым для любого интеллектуального прогресса. Эта стадия была достигнута примерно в эпоху Возрождения. Мы остановились на этом моменте, потому что дальнейшее рассмотрение вывело бы нас за рамки нашей задачи.[196] Наша единственная цель - показать, что создание школы письма в каком-либо месте в Средние века не означало создания начальной школы в том смысле, в каком этот термин понимается сегодня. На самом деле первые начальные школы в современном понимании этого слова в Англии появились не ранее создания благотворительных школ в семнадцатом веке. Подготовительные школы, конечно, гораздо старше, но не начальные.

ГЛАВА III.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СВЕТСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ.

В предыдущей главе мы указали на характер работы монастырей в связи с развитием образования в этой стране. Как ни важна была эта работа, она все же не оказывала заметного влияния на страну в целом, поскольку каждый монастырь занимался только теми вопросами, которые затрагивали его собственные интересы или интересы ордена, к которому он принадлежал. Светское духовенство было более тесно связано с обычной жизнью людей, и именно благодаря его деятельности мы можем проследить зарождение организованной системы образования.

Хотя Нормандское завоевание привело к разделению церкви и государства, оно не повлекло за собой никаких изменений в существующей церковной системе, а поскольку образование в этот период было неотделимо от религии, то и в развитии образования не произошло никаких радикальных перемен. Нормандский вклад в религию был тройным: он привел Церковь в этой стране в более тесную связь с Церковью в континентальных странах; он стимулировал деятельность Церкви; он назначил на главные административные посты людей, которые были иностранцами, но во многих случаях были людьми способными и энергичными. В результате этого в сфере образования постепенно возникла определенная и систематическая образовательная организация, и именно в этом факте мы находим отличительный нормандский вклад в образовательный прогресс.

Эта организация состояла из

- (а) Создание школ теологии при соборных церквях.
- (б) Признание канцлера собора главой "департамента образования" епархии.
- (с) Учреждение гимназий и певческих школ при коллегиальных и приходских церквях.

За исключением признания канцлера ответственным главой образовательного аспекта работы Церкви, образовательные механизмы после завоевания по сути не отличались от

механизмов до завоевания. Существовала реальная преемственность образовательных усилий со времен введения христианства. Главное отличие заключается в том, что после Завоевания образовательные мероприятия выглядят более определенными и более эффективно организованными.

Теперь мы рассмотрим по очереди различные части образовательной организации, которые мы перечислили.

(a) Теологические школы.

Как мы уже показали, с древнейших времен Церковь имела обыкновение основывать богословские школы при важнейших центрах, в которых велась церковная работа. С течением времени этот обычай выкристаллизовался в закон. Мы должны подчеркнуть, что эти богословские школы существовали до того, как каноническое право определенно упомянуло о них. Постановления канонического права об образовании просто знаменуют переход от добровольного к обязательному условию. Первое определенное церковное постановление, касающееся богословских школ, датируется 1179 г.^[197] Оно было повторено в 1216 г., когда Иннокентий III на общем соборе постановил, что в каждой митрополичьей церкви должен быть назначен богослов, "чтобы обучать священников и других священной странице и сообщать им особенно то, что признано относящимся к лечению душ"^[198].

Обычай учреждать богословские школы при соборных церквях был характерен для всех стран, в которых Церковь добилась успехов. Особую славу в этом отношении снискала Французская церковь, а репутация ее школ распространилась по всему цивилизованному миру. Среди знаменитых континентальных школ этого периода можно упомянуть Турню при Одо, Шартр при Фульбере и Бернарде Сильвестре, Париж при Вильгельме Шампо и Бек, который прославился при Ланфранке и укрепил свою репутацию при Ансельме. Слава этих школ стала настолько велика, что они привлекали к себе ученых как из этой страны, так и из других частей европейского континента. Джон Солсберийский, который был одним из тех ученых, отправившихся из Англии во Францию с целью получить лучшее образование, доступное в то время, оставил нам в своих трудах ценный рассказ о том, как получалось такое образование. Он рассказывает, что отправился во Францию еще в юности^[199] и учился сначала в Париже у Аделарда и Альберика, затем в Шартре у Ричарда Епископа и Вильгельма Коншского. Впоследствии он вернулся в Париж, чтобы продолжить обучение под руководством Роберта Пуллуса и Симона из Пуасси. Среди других англичан, о которых сохранились сведения, что они отправились во Францию для получения образования, можно упомянуть Адама дю Пти Пона, который впоследствии стал епископом Сент-Асафа, Александра Некхама, знаменитого латиниста, и Самсона, прославленного аббата Сент-Олбанса.

Интересно также отметить, что, как показательно для социального слоя, из которого происходило большинство студентов того времени, они считали необходимым во время пребывания во Франции найти средства для самообеспечения. Так, Иоанн Солсберийский и Адам дю Пти Пон содержали себя за счет обучения частных учеников, а Самсон получал поддержку за счет продажи святой воды - метод, который, похоже, был в то время излюбленным для создания выставочного фонда для бедных ученых^[200].

До сих пор мы показывали, что по вековому обычаю Церкви, а также по прямому постановлению канонического права различные митрополичьи церкви должны были, по крайней мере, содержать богословские школы. Мы также видели, что этот обычай был

широко распространен во Франции. Нам еще предстоит выяснить, преобладала ли эта практика в нашей стране. Здесь необходимо отметить, что доказательства должны быть косвенными и что факт отсутствия доказательств не должен рассматриваться как подтверждение того, что богословские школы не существовали в кафедральных городах. Только когда возникает спор или происходит какой-то особый случай, мы находим упоминания, *например*, о том, что известный церковный деятель получил образование в определенной школе, или что определенный чиновник руководил школой в определенное время, которые помогают нам сделать вывод о существовании теологических школ. Если бы этих инцидентов не было, то мы бы не знали о существовании школы. Опять же, мы знаем, что большое количество духовенства рукополагалось в назначенное время епископами Церкви. Так, в первый год епископата епископа Эксетерского Стэплдона[201] было рукоположено 539 человек, 438 аколитов, 104 иподиакона, 177 диаконов, 169 священников; в епархии Йорка в 1344/5 году было рукоположено 1 222 человека, из которых 421 был аколитом, 204 иподиакона, 326 диаконов и 271 священник.[202] Эти священнослужители должны были получать систематическое образование, и вполне правомерно предположить, что большинство из них получили его в этой стране.

Далее мы можем перейти к рассмотрению имеющихся свидетельств существования богословских школ. Мы знаем, что в Йорке существовала богословская школа, потому что Томас, ставший архиепископом Йоркским в 1108 году, который до этого занимал должность проректора коллежской церкви в Беверли, получил там образование.[203] Мы также знаем, кстати, что существовала богословская школа при соборе Св. Павла, поскольку она упоминается в документе, датированном примерно 1125 г.[204] Точно так же мы знаем, что богословская школа существовала в Линкольне, поскольку викарию одного из приходов Линкольншира было предписано посещать тамошнюю школу для изучения богословия в течение двух лет[205].

Эти свидетельства, которые являются случайными и всего лишь результатом особых обстоятельств, рассматриваемых в сочетании с общим обычаем Церкви и требованиями канонического права, заставляют нас утверждать, что богословские школы существовали в большинстве, даже если не во всех, соборных церквях того периода.

(б) Образовательная функция канцлера.

Ранее мы показали, что епископ епархии первоначально лично отвечал за подготовку тех кандидатов, которых он впоследствии рукополагал. С течением времени и увеличением обязанностей епископата епископу стало невозможно нести личную ответственность за эту работу, поэтому возникла тенденция возлагать ее на одного из членов коллегиального органа, связанного с ним. В случае светского епископа назначался член соборного органа. Это должностное лицо было определено известно как "схоластик", и его признанной обязанностью было чтение богословия с одобренными студентами.

Мы можем проследить существование "схоластика" в связи с английскими соборами с раннего времени. Так, мы узнаем, что когда Турстан, архиепископ Йоркский, посетил Папу в Блуа в 1120 году, его сопровождал "дуэт архидиаконов церкви и схоластов"[206]. Мы также знаем, что "схоласты" существовали в связи с собором Святого Павла в Лондоне, поскольку выражение "magister scholarum" встречается в акте, дата которого относится к 1110 году[207].

Со временем термин "канцлер" был заменен термином "схоластик", вероятно, потому, что школьный учитель был самым высокообразованным членом соборного штата и, следовательно, наиболее подходящим человеком, которому можно было доверить хранение соборной печати и отправку официальных писем соборного органа. Это утверждение определенно подтверждается уставом Йоркской церкви, который датируется 1307 годом, но который, по мнению его редактора, существует как минимум с 1090 года. На странице 6 этого устава говорится, что "*Cancellarius, qui antiquitus magister scholarum dicebatur, magister in theologia esse debet, et juxta ecclesiam actualiter legere.*" Такое же изменение термина можно проследить в лондонском соборе Святого Павла. Один из свидетелей документа, датированного примерно 1205 годом, который называет себя канцлером, - это тот же человек, который, выступая в аналогичном качестве в более ранний период, называл себя "*magister scholarum*"[208].

Мы должны помнить, что эта смена наименования не повлекла за собой существенных изменений в его обязанностях или функциях, которые он выполнял. Как и раньше, от канцлера требовалось, чтобы он был "магистром теологии"[209]. В его обязанности входило преподавать теологию либо самому, либо с помощью подходящего заместителя[210] всем студентам, которые пожелают явиться. Если канцлер становился ленивым (как это обычно бывает, когда люди теряют свои идеалы и нет материального стимула для энергии), то, видимо, в некоторых местах возникал обычай, чтобы другие лица содержали богословские школы для будущих священников за плату, тогда как канцлер должен был принимать студентов в свои классы без взимания какой-либо платы. Церковь решительно выступила против этого обычая взимать плату за обучение, и на синоде, состоявшемся в Вестминстере в 1138 году, постановила, что "если магистры-исследователи других школ будут содержать школы за плату, то церковные власти будут им в этом препятствовать"[211].

Для того чтобы получить пользу от богословской школы, которую вел канцлер, необходимо было, чтобы ученик достаточно хорошо знал латынь. Весьма вероятно, что многие из клерков, которых привлекали в богословскую школу для продолжения обучения, не изучали латынь в той степени, которая была необходима для получения пользы от пройденного курса. Следовательно, возникнет спрос на преподавателей латыни. В экономике принято считать, что если существует спрос на определенный товар, то обязательно возникает попытка удовлетворить этот спрос. Поскольку в кафедральном городе можно было найти ученых, желающих получить образование на латыни, и поскольку там же можно было найти других клерков, считавших себя способными дать такое образование и желавших брать частных учеников, то вполне естественно заключить, что содержание латинских школ для удовлетворения спроса стало обычным делом.

Однако опасность такой практики вскоре стала очевидной. Вполне вероятно, что многие из тех, кто пытался зарабатывать на жизнь, исповедуя преподавание латыни, были неспособны к этому. Для решения этой проблемы возник обычай, согласно которому канцлер выдавал лицензию тем, кого он считал способным выступать в роли учителя.

Это событие имеет первостепенное значение в истории образования, поскольку оно стало первым отдельным признанием профессии учителя в Англии. Кроме того, этот обычай косвенно привел к возникновению университетской системы. Этот обычай сохранился и по сей день, ведь степени по искусству и теологии в наших старейших университетах на самом деле являются всего лишь лицензиями, выданными ректором университета на преподавание этих предметов.

Мы также можем отметить, что необходимость признания квалифицированных преподавателей была настоятельной не только в интересах ученых, но и в интересах самой Церкви, поскольку стало обычным требовать, чтобы священники, возглавлявшие приходы и уличенные в недостаточной образованности во время епископских или архидиаконских визитаций, возвращались в свой кафедральный город для прохождения дальнейшего курса обучения.^[212] Такие священники, конечно, требовали более индивидуального внимания, чем они могли бы получить в обычной богословской школе.

Со временем, очевидно, некоторые канцлеры увидели в выдаче лицензий на преподавание утвержденным учителям возможность взимать плату. Церковь выступила против такой практики. В 1160 году каноническое право предписывало: "За лицензию на преподавание ничего не требовать и ничего не обещать; все, что требовалось, должно быть возвращено, а обещание отпущено"^[213]. Папа Александр III^[214] написал епископу Винчестера, требуя от него "строго запретить на будущее любое требование или обещание чего-либо от кого-либо в вашей епархии"^[215] Это было повторено в 1170 году каноническим правом того же года.

Обязанности канцлера по выдаче лицензий были более жестко определены Четвертым Латеранским собором 1179 года. На этом соборе было принято постановление о том, что канцлер должен выдавать без какой-либо платы лицензию на преподавание каждому и каждому, кто обладает квалификацией учителя. В постановлении говорилось, что "продавец лицензии на преподавание или тот, кто препятствует подходящему человеку преподавать, должен быть лишен своей миссии"^[216].

Канцлер, следовательно, является главой образовательной работы епархии. Он обязан готовить всех клириков, которые хотят предложить себя для рукоположения, контролировать обучение всех священнослужителей, чье образование было признано неполноценным, а также выносить суждения о способностях тех, кто желает работать учителем, и выдавать свидетельства на право преподавания тем, кого он одобряет.

(с) Грамматические школы.

В предыдущей главе мы видели, что с древнейших времен Церковь имела обычай учреждать школы при различных церквях. Как с течением времени богословские школы, которые ранее были обычным явлением, стали предметом прямого церковного постановления, так и содержание грамматических школ также было определенно предписано. Так, в 1215 году Иннокентий III постановил, что при "каждом соборе или другой церкви с достаточными средствами" должны быть назначены магистры, способные преподавать теологию и латынь соответственно.^[217] Эти магистры должны были получать вознаграждение из общего фонда соборной церкви. Если же доходы церкви не позволяли этого сделать, то необходимо было предусмотреть оплату труда грамматиста из средств какой-либо другой церкви города или епархии.^[218] Рискую подвергнуться обвинению в повторении, мы должны повторить, что это постановление не является новым шагом со стороны церкви и не представляет собой декрет о создании школ. Предоставление возможностей для образования в любом населенном пункте практически начинается с момента основания церкви в этом населенном пункте. Значение этого закона двояко: он указывает на взвешенное отношение Церкви к образованию, что еще больше свидетельствует о том, что Церковь осознает важность образования и считает своим долгом обеспечивать его; и, во-вторых, он послужит стимулом для тех епархий или центров, в которых церковные власти не были достаточно внимательны к своей ответственности и обязанностям. Латеранский собор 1179 года не только постановил, что "в каждой соборной церкви компетентный бенефиций должен быть предоставлен

магистру, который должен свободно обучать дьячков той же церкви и бедных ученых", но и определил, что Церковь обязана предоставлять бесплатное образование, "чтобы бедные, которым не могут помочь средства их родителей, не были лишены возможности читать и учиться"[219].

Так как в соответствии с вековым церковным обычаем и каноническим правом школы должны были создаваться при различных церквях, нам предстоит рассмотреть более узкую проблему: в какой степени это требование было соблюдено в нашей стране.

В этой связи мы должны прежде всего отметить сложность поиска необходимых доказательств. Школы были не отдельным учреждением, а неотъемлемой частью работы Церкви. Все, что можно сделать, - это собрать сведения, которые позволят нам сделать вывод о том, что школы существовали при различных церквях. Полные свидетельства обо всей образовательной деятельности Церкви никогда не будут получены. Мы можем лишь надеяться получить репрезентативные свидетельства, а затем утверждать, что они были типичны для общей работы Церкви, и, следовательно, утверждать, что где бы ни находилась церковь, или, во всяком случае, коллегиальная церковь, там можно было найти и мастера грамматики.

Существует множество свидетельств того, что школы существовали в соборных городах Англии практически со дня основания этих соборов.[220] Переходя к коллегиальным и приходским церквям, отметим, что до конца XIII века школы также были обнаружены при церквях в Бури-Сент-Эдмундс,[221] Уолтхэм,[222] Уорик,[223] Понтефрак,[224] Гастингс,[225] Церковь Христа, Хантс,[226] Беверли,[227] Ст. Albans,[228] Thetford,[229] Huntingdon,[230] Dunstable,[231] Reading,[232] Bristol,[233] Derby,[234] Bedford,[235] Northampton,[236] Marlborough,[237] Newark,[238] Southwell,[239] Kinoulton.[240] В дополнение к этим случаям мы совершенно случайно узнаем о шести школах в епархии Линкольна: Бартон, Партни, Гримсби, Хорнкасл, Бостон и Грэнтэм.[241]

Совокупность всех этих свидетельств, смеем думать, подтверждает предположение о том, что Англиканская церковь не пренебрегла обычаями Католической церкви и предусмотрела создание школ при своих церквях.

Важно также помнить, что при различных церквях были учреждены школы пения, а также грамматические школы. Прямого указа на этот счет не существует, но есть множество свидетельств существования таких школ, например, в Лондоне,[242] Йорке,[243] Линкольне,[244] Беверли,[245] и Уорике.[246] Мастер пения утверждался не канцлером, а прецентором, должностным лицом соборного органа, отвечавшим за музыкальную часть богослужений.[247]

До сих пор мы рассматривали в основном положение об образовании в коллегиальных церквях, где определенный человек мог взять на себя преподавание грамматики. Но школы не ограничивались этими церквями. Напротив, практически в каждой приходской церкви священник должен был содержать школу. Это было частью традиционного обычая Церкви, обычая, который, как мы видим, был закреплен Вайсонским собором,[248] канонами Теодульфа[249] и так называемыми канонами короля Эдгара[250].

Переходя к периоду, о котором мы более подробно рассказываем в этой главе, мы находим требование, чтобы приходские священники содержали школу, подтвержденное каноном "ut quisque Presbyter, qui plebem regit, clericum habeat, qui secum cantet, et epistolam et lectionem legat, et qui possit scholas tenere, et admonere suos parochianos, ut filios suos ad fidem

discendam mittant ad Ecclesiam: quos ipse cum omni castitate erudiat."^[251] Вестминстерский собор, состоявшийся в 1200 году, также постановил следующее.

"Священники должны содержать школы в своих городах и свободно обучать маленьких мальчиков".

"Священники должны всегда иметь в своих домах школу школьных учителей, и если какой-нибудь благочестивый человек захочет доверить ему маленьких детей для обучения, он должен принимать их охотно и учить их доброжелательно"^[252].

Таким образом, учение Церкви по этому вопросу было ясным и четким. Далее возникает вопрос, в какой степени приходские священники в этой стране соблюдали предписания Церкви. Рашдалл считает, что "можно с некоторой уверенностью утверждать, что, по крайней мере, в позднее Средневековье в самых маленьких городах и даже в больших деревнях существовали школы, где мальчик мог научиться читать и получить первые зачатки церковной латыни"^[253]. Имеющиеся свидетельства в поддержку утверждения, что в Средние века для приходских священников было принято держать школу, конечно, незначительны, но они ясно показывают, что содержание школ в различных приходах считалось обычной практикой. Так, в *Филобиблоне* мы узнаем о "rectores scholarum ruralium ruicorumque rudium paedagogos."^[254] Роджер Бэкон^[255] говорит нам, что школы существовали повсюду "в каждом городе, замке и бурге. Аббат Самсон, рассказывая о днях своего детства в Диссе в Норфолке, говорит, что посещал школу, которая там находилась,"^[257] а Иоанн Солсберийский повествует, что когда он был мальчиком, то вместе с другими мальчиками ходил к священнику "ut psalmos addiscerem"."^[258] И снова интересный отрывок, подтверждающий наше утверждение, встречается в переписке (обычно датируемой 1119-1135 годами), которая велась между Теобальдом Этампским и анонимным критиком. Автор этого отрывка, как предполагается, нападает на утверждение о нехватке светских клерков. Он призывает: "Разве не везде на земле есть мастера свободных искусств, которых также называют клерками? Ты сам, ничтожество, разве не говорят, что ты обучал как мастер шестьдесят или сто клерков, больше или меньше? Не был ли ты жадным продавцом слов для них и, возможно, нечестиво обманывал их в их невежестве, как обманывал себя? Откуда же, прошу вас, такая нехватка ваших клерков? Ведь, не говоря уже о других частях империи, разве нет почти такого же количества искусных школьных учителей в ... Англии, не только в округах и городах, но даже в провинциальных городках, столько же, сколько сборщиков налогов и магистратов?"^[259]

Остается рассмотреть еще один важный вопрос: когда впервые были построены определенные школьные дома? Мы использовали термин "школа" для описания занятий, которые проводились при церквях, но, как мы уже отмечали, в большинстве случаев это были просто занятия, на которых священник или молодой дьячок обучал мальчиков своему "донату". Эти школы обычно проводились в какой-то части церковного здания. Шекспир упоминает об этом так: - "Как педант, что учит мальчиков "донату".

"Like a pedant that
держит школу в церкви".

Двенадцатая ночь.

Аналогично, в *"Мемориалах Саутвелл Минстера"* по случаю одного из посещений записано, что один из клерков пожаловался, что обучающиеся мальчики так шумят, что мешают проведению служб.^[260] Только когда у школы появляется собственное здание,

можно говорить о ее реальном независимом существовании. Этот вопрос также представляет интерес в связи с противоречивыми претензиями на звание "старейшей государственной школы в Англии", которые выдвигаются. Если мы довольствуемся определением школы как "класса, проводимого в церкви с целью обучения латыни", то вопрос об относительной древности школ сводится к вопросу об относительной древности церквей - вопросу, представляющему сравнительно небольшой интерес с точки зрения истории образования. Мы утверждаем, что находимся на гораздо более твердой почве, когда спрашиваем, когда в Англии было возведено первое здание для конкретных школьных целей. Это вопрос, который еще ждет своего исследования и может быть решен только в том случае, если одна школа представит доказательства в пользу даты своего первого здания, а затем будет ждать, пока ее притязания не будут опровергнуты школой, которая сможет доказать более древнее происхождение. Насколько нам удалось выяснить, самое раннее упоминание об отдельном школьном здании относится к 1150 году, когда аббат Самсон купил каменный дом в Бури-Сент-Эдмундс и отдал его под школу.^[261] Отметим также, что примерно в тот же день Вакелин из Дерби и его жена Года подарили некоторые здания в Дерби "на условиях, что зал будет предназначен для школы клерков, а палаты - для проживания мастера и клерков".^[262] Весьма маловероятно, что это действительно первые случаи.

Школы хористов.

Здесь необходимо упомянуть о школах для хористов. Очевидно, что для адекватного совершения богослужения использование голосов мальчиков было необходимо, и, следовательно, возникла потребность в их обучении и содержании. Общее правило заключалось в том, что латыни мальчиков хора обучал прикрепленный к собору мастер грамматики, а музыке - мастер пения.

Об обязанностях соборного мастера грамматики по отношению к хористам свидетельствуют различные споры, которые возникали. Так, в Беверли в 1312 году мастер грамматики отказался обучать без уплаты гонорара более семи хористов. Декан и капитул изучили "древние обычаи" и сообщили, что мастер грамматики обязан обучать всех хористов бесплатно^[263].

В четырнадцатом веке аналогичный спор произошел в соборе Святого Павла. Здесь также декан и капитул расследовали этот вопрос, но их решение - хотя они и поддерживали утверждение, что хористов обучал соборный грамматический мастер, - заключалось в том, что за эти услуги ему должна была производиться определенная плата из соборных средств. Запись в реестре алмонера гласила.

"Если алмонер не держит клерка для обучения хористов грамматике, школьный мастер собора Святого Павла требует 5/- в год за обучение, хотя он не должен требовать за это ничего, поскольку он содержит для них школу, как утверждал казначей собора Святого Павла перед деканом и капитулом, что можно найти в древних документах"^[264].

Помимо обучения, хористы должны были быть обеспечены жильем, одеждой и питанием. В разное время, по-видимому, были испробованы различные способы решения этой задачи. В некоторых соборах договаривались с человеком, который предоставлял необходимое жилье за определенную плату;^[265] в других обязанность заботиться о благополучии хористов возлагалась на алмонера.^[266] Постепенно в некоторых соборах, например в Уэллсе, хористов стали размещать вместе. В 1459-60 гг. епископ Уэллса Бекингтон составил подробный свод уставов для контроля и управления школой хористов.^[267] Эти уставы, в

частности, предусматривали, что мастер хористов, который должен быть сведущ в грамматике и пении, назначался канцлером. В доме должны были говорить на латыни. Также были даны подробные сведения о питании, дисциплине и финансах.

В наши дни директор школы отвечает не только за преподавание определенных предметов, но также за организацию, дисциплину и управление школой. Интересно отметить, что в Средние века мастера грамматики или пения преподавали вверенные им предметы и не имели других обязанностей. Идея организационных и дисциплинарных функций мастера, по-видимому, возникла из необходимости осуществлять контроль над хористами, но сначала эта обязанность возлагалась на должностное лицо, отличное от того, кто выполнял функции преподавателя. В Йорке, согласно Уставу собора, который датируется 1307 годом, но лишь кодифицирует обычаи, преобладавшие с XI века, было принято поручать управление хористами прецентору.^[268] В других соборах должность ответственного за хористов получила более полное развитие. Так, в Линкольне в 1352 году Ральф из Эргема был назначен "custos choristatum". В предисловии к записи об этом назначении говорится, что его функции заключались в "надзоре за хористами и опеке над общиной хористов"^[269].

Этот обычай назначать надзирателя, в отличие от директора школы, преобладал в школах, кроме школ для хористов, которые время от времени основывались. Так, в Винчестере, Итоне, Акастере и Ротерхэме - и это лишь несколько примеров - ответственным главой учебного заведения был проректор, а мастер грамматики должен был лишь давать уроки по вверенным ему предметам. Эволюция школьного директора как организатора и контролера учебного заведения относится к более позднему периоду истории английского образования. На данный момент мы должны отложить дальнейшее рассмотрение этой темы.

ГЛАВА IV.

МОНОПОЛИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ШКОЛЫ.

Изучая первоисточники, из которых мы черпаем сведения о развитии образования в этой стране, мы находим множество упоминаний о предполагаемых нарушениях монополии на ведение школьного дела, на которую претендовал официальный школьный учитель. Поэтому нам необходимо рассмотреть происхождение и природу этой монополии.

Идея монополии в связи с торговлей и промышленностью восходит к очень раннему периоду истории нашей страны. Проследить происхождение и развитие этой идеи в целом было бы не только ценным, но и интересным вкладом в наши знания о нашем экономическом развитии. Здесь же мы вынуждены ограничиться рассмотрением образовательного аспекта. Самый ранний известный случай притязаний на эту монополию относится к XI веку, и впоследствии он будет описан. Вполне вероятно, что идея монополии на содержание школы на определенной территории имеет гораздо более древнее происхождение, поскольку записи, по необходимости, существуют только тогда, когда какое-то фактическое или угрожающее нарушение монополии потребовало обращения к какому-то авторитету, обладавшему полномочиями принуждать к ее соблюдению.

Естественно, возникает предварительный вопрос: если обучение велось безвозмездно, то зачем нужно было стремиться к обладанию этой монополией, почему бы всем желающим не преподавать в школе, если они того пожелают? Решение этой проблемы может быть найдено из рассмотрения той тенденции к социальной исключительности, которая проявляется повсеместно. Даже сегодня, во времена бесплатного образования, родители, которые едва могут себе это позволить, предпочитают отдавать своих детей в платную школу по социальным причинам, даже несмотря на то, что обучение в государственной бесплатной школе может проводиться более квалифицированными и эффективными учителями, чем в платных школах. По аналогии мы можем восстановить ситуацию в XI и последующих веках. К этому времени знание латыни считалось ценностью, а мальчик, получивший образование, признавался способным проложить себе дорогу в мире. Поэтому можно предположить, что некоторые родители были готовы платить, чтобы получить образование. Где можно было получить это образование? Существовало две возможности. Одна из них заключалась в том, что церковный школьный учитель мог уделять дополнительное внимание платным ученикам или обучать их отдельно, вне официального времени, которое требовали условия его назначения. Другая возможность заключалась в том, что какой-нибудь другой священник мог приехать в окрестности и открыть школу, а для себя взять платных учеников, оставив официальному школьному учителю только тех учеников, которые не могли или не хотели платить за обучение.

Элементарное знание человеческой природы позволяет сделать вывод, что второй вариант не является тем, на который официальный школьный учитель спокойно согласится. Он будет смотреть на новичка как на нарушителя и предпримет все возможные шаги, чтобы не допустить вмешательства в то, что он считает своей монополией на ведение школьного дела в своем районе.

Именно вокруг этого вопроса о монополии на содержание школы в основном и разворачивались образовательные споры Средневековья. Вопрос сложный, потому что (1) эта монополия не была предметом определенного постановления ни церкви, ни государства; она просто развивалась. (2) Орган, с помощью которого можно было бы обеспечить соблюдение монополии, не был определен, и отсутствие какого-либо определенного регулирующего органа, а также официальных заявлений приводило к тому, что многие потенциальные школьные мастера открывали школы в перспективных местностях. Иногда это происходило без какого-либо вмешательства, *например*, в Роттерхэме мальчик, который впоследствии стал епископом Линкольна, был обязан своим ранним образованием школьному учителю, который приехал в этот район, чтобы основать то, что сегодня назвали бы "частной школой"^[270] Иногда этот "частный" школьный учитель даже приветствовался. Так, в Беверли, который впоследствии стал печально известен как место, где происходили захватывающие споры о нарушении монополии на содержание школы, мы узнаем, что "некий ученый пришел туда, желая, поскольку там было полно клерков, держать там школу; и был принят властями церкви с единодушным одобрением"^[271] Таким образом, мы должны заключить, что монополия не всегда строго соблюдалась. Только когда школьный учитель чувствовал себя ущемленным и обладал энергией, принимались меры.

Вопрос о том, в чьей инстанции в конечном итоге может быть решен вопрос о предполагаемом нарушении, не был определен. Следует ли в конечном итоге обращаться к канцлеру епархии, к покровителю школы, к епископу, к архиепископу или к Папе? Должны ли такие дела рассматриваться, прежде всего, в нижестоящем суде, а затем, в случае неудовлетворительного вердикта, подаваться апелляция в вышестоящий суд? Ответить на

эти вопросы нам поможет рассмотрение вопроса о происхождении права на содержание школы.

Первоначально, как мы уже видели, в Церкви существовал неписаный обычай, согласно которому приходской священник должен был содержать школу. Когда же появилась возможность извлечь денежную выгоду из содержания школы, эта обязанность превратилась в привилегию и была официально закреплена, в некоторых случаях в договоре. Иными словами, основывая церковь, меценат наделял ее не только определенными землями и десятиной, но и правом содержать школу. Так, в период между 1076 и 1083 годами Роберт Малет, основавший конвентуальную церковь в Эйе, передал церкви "*scholas ejusdem villae*."[\[272\]](#) Аналогично, когда Ильберт Лейси основал церковь Святого Климента в своем замке, С. 1080, он "*dedicavit ipsam ecclesiam, cum scolis de Kirky et Pontefracti*."[\[273\]](#).

Именно в этой связи мы сталкиваемся с одним из первых споров, связанных с вопросом о монополии. Вопрос заключался в следующем: если в определенном районе основывается новая церковь, не уменьшает ли возведение этой новой церкви образовательные права родительской церкви, а также ее духовные права? Мы можем поставить вопрос иначе, спросив, обладает ли покровитель церкви властью отчуждать монополию на школьное образование, принадлежащую этой церкви.

Роджер, ставший графом Уорика в 1123 году, очевидно, считал, что патрон обладает таким правом. Он передал право на содержание школ в Уорике коллежской церкви Святой Марии, тем самым отняв его у церкви Всех Святых в Уорике, которая владела им ранее. Власти церкви Всех Святых хотели выразить протест против этого отчуждения и сохранить свои права. В какую инстанцию должен был поступить этот протест? Сведений о ходе борьбы не сохранилось, но, очевидно, в конце концов вопрос был передан на рассмотрение королю, поскольку мы узнаем, что Генрих I издал акт, адресованный епископам Вустера и Глостера, Роджеру, графу Уорика, и всем баронам Уорикшира, в котором излагалось повеление короля о том, что церковь Всех Святых в Уорике должна сохранить школы Уорика в том виде, в котором она владела ими в царствование Эдуарда Исповедника[\[274\]](#).

Это решение имеет огромное значение. Оно является признанием государством монополии, которой обладала та или иная церковь, и, кроме того, устанавливает принцип, согласно которому обеспечение этой монополии было делом мирской, а не духовной юрисдикции.

Было ли это решение принято в результате или нет, мы сейчас не можем определить, но факт остается фактом: многие церкви, похоже, сомневались в том, обладают ли они монопольным правом на содержание школ или нет. Чтобы разрешить это сомнение, похоже, обращались к королю, и до сих пор существует ряд документов, свидетельствующих о принятом решении. Так, Генрих I подтвердил монополию на ведение школьного дела в городе Сент-Освальду, Глостер,[\[275\]](#) приору Хантингдона - монополию на Хантингдоншир,[\[276\]](#) приору Данстейбла - монополию на школы в этом городе.[\[277\]](#) Даже в 1446 году было выдано разрешение на монополию ведения школьного дела Итонскому колледжу[\[278\]](#).

Принцип, который, по-видимому, был установлен в этих делах, заключается в том, что при возникновении спора о монопольном праве на содержание школы в определенной местности (помимо простого содержания нелегальной школы) только Корона обладала правом решать этот спор, и что при желании создать официальную школу в любой местности, в дополнение к существующим школам, необходимо было получить согласие Короны.

Такая практика сохранялась на протяжении нескольких столетий. Так, в 1446 году по ходатайству архиепископа Кентерберийского и епископа Лондона Генрих VI постановил, что в Лондоне должно быть пять школ, а именно при церквях Святого Павла, Святого Мартина, Святой Марии-ле-Боу, Святого Дунстана и Святого Антония соответственно[279].

В следующем году королю было направлено еще одно прошение о создании в Лондоне четырех дополнительных грамматических школ, которые должны были быть учреждены при церквях Святого Андрея, Холборн, Святого Петра, Корнхилл, Олл-Холлоуз, а также при госпитале Святого Фомы. Интересны причины, по которым просят об учреждении этих школ: "ибо как город Лондон является общиной сопсours этого Лондона, где находится огромное множество молодых людей, не только рожденных и привезенных в тот же город, но и из многих других мест этого Лондона, некоторые для озера Скольских мастеров в их собственном Контри, чтобы быть там накормленными грамматикой, а также за огромное количество лордов, мерчаунтов и прочего, что в Лондоне делается более обильно, чем во многих других местах этого Рима, для таких богатых существ, которые никогда не могли бы быть приведены в такое благородное состояние, как у них, если бы не имели средств от вышеупомянутых лордов." [280] Поэтому они просят, чтобы в связи с церквями, которые мы перечислили, им было позволено "создать, учредить и учредить человека, достаточно образованного в грамоте, чтобы он держал и осуществлял науку грамоты, и чтобы он там преподавал всем, кто будет слушать." [281] Король согласился с этим прошением, "чтобы оно было исполнено тадвисом Ординария, другим архебишопом Кентерберийским на ближайшее время."

Такая же процедура была принята даже в XVII веке. Из-за спора, возникшего между магистром грамматической школы в Эксетере и городскими властями, последние обратились к епископу, чтобы тот выдал лицензию на должность дополнительного магистра грамматики в городе, как это делалось ранее. Епископ не счел, что особые обстоятельства оправдывают его в принятии шага, которого желали городские власти. Не добившись своего, они обратились к Совету Короны за разрешением основать и содержать дополнительную школу в городе, и в 1631 году просьба была удовлетворена[282].

Рассмотрение этих случаев позволяет нам понять, почему до сравнительно недавнего времени создание школ было возможно только с согласия короны. Так, во времена правления Тюдоров и Стюартов было создано несколько школ, но только по королевскому разрешению. Когда мы перейдем к рассмотрению дела о школах-кантри, мы обнаружим, что было основано несколько школ, но даже в этих случаях требовалось согласие гражданских и церковных властей. Необходимо было получить лицензию на основание школы, а также лицензию in mortmain.

Подтверждение монопольного права на содержание школы определенной церковью практически означало, что патронаж над школой переходил к властям этой церкви. Этот патронаж мог быть передан, но разбирательство в таком случае носило гражданский, а не церковный характер. Это похоже на процедуру, связанную с передачей права патронажа церковного бенефиция в наши дни. Эта процедура является чисто гражданской и находится вне юрисдикции церковных властей. Если существует какой-либо спор относительно законного права патронажа, спор должен быть разрешен в гражданских судах. Одним из самых ранних зафиксированных случаев передачи патронажа над школой является случай со школой в Глостере. Мы видели, что Генрих I. подтвердил церкви Святого Освальда в Глостере право содержать школу в этом городе[283]; в 1137 году Генрих II. подтвердил передачу патронажа над школой от церкви Святого Освальда церкви Святого Освальда. Освальда к каноникам аббатства Ллантони; эта передача была вновь подтверждена королем

Иоанном в 1199 г.[284] О том, что урегулирование спорных прав на патронаж школ было делом светских судов, ясно свидетельствует запрет, изданный судами в 1343 г.[285] Этот документ гласит: "Король регистратору и комиссарам Кентерберийского суда приветствует: поскольку дела, касающиеся патронажа грамматических школ в нашем королевстве Англия, в особенности относятся к нашей короне и достоинству и (поскольку) аббат и монастырь Боле предстанут перед вами в суде христианском, как нам сообщили многие, Уильяма Пипарда, клерка, относительно патронажа грамматических школ Ферендона - мы запрещаем вам рассматривать это заявление в церковном суде, такие заявления принадлежат особенно нам и никому другому в этом королевстве." [286]

Мы процитировали этот документ полностью, потому что г-н де Монморанси использует его для подтверждения своего утверждения о существовании конфликта между церковью и государством в вопросах, касающихся образования. Он также утверждает, что этот же документ свидетельствует о том, что государство "контролировало управление образовательными фондами". Здесь господин де Монморанси ошибается. Когда в наши дни возникает вакансия в каком-либо приходе, патронаж которого не находится в руках самого епископа, вполне возможно, что может возникнуть спор о праве представления. В таком случае епископ, естественно, передаст этот вопрос своим юридическим консультантам. У любой заинтересованной стороны всегда есть возможность приостановить такое разбирательство и позволить Высокому суду разрешить спорный вопрос. Вряд ли можно всерьез утверждать, что подобные действия иллюстрируют столкновение церкви и государства в этой стране.

После того как покровитель назначал мастера в определенную школу, этот мастер обладал монополией на содержание школы в установленном районе до тех пор, пока он занимал должность мастера в этой школе. Никакая другая школа не могла существовать иначе, как с согласия хозяина школы. Если кто-либо пытался открыть школу без такого согласия, директор школы мог принять необходимые меры, чтобы положить конец посягательству на его монополию.

Одно из самых ранних дел такого рода, о котором сохранились записи, датируется 1138 годом. По всей видимости, в некоторых районах Лондона были открыты нелегальные школы. Директор школы Святого Павла доложил об этом епископу Винчестерскому (который исполнял обязанности епископа Лондона во время вакантной должности). Епископ издал распоряжение, в котором вынес приговор об отлучении от церкви всех, кто продолжал держать школу в лондонском городе без разрешения Генри, школьного директора.[287] Другие случаи зафиксированы в книге актов капитула Беверли, [288] один из которых можно взять для примера. Похоже, что в 1304 году Томас из Бромптона был признанным мастером грамматической школы при коллегиальной церкви в Беверли. Попытка открыть школу была предпринята несанкционированно.[289] Директор школы доложил о нарушителе капитулу; капитул постановил, что если нарушение будет продолжаться, то вторгшийся в школу директор будет *ipso facto* отлучен от церкви и что клерк капитула должен будет каждое воскресенье объявлять о факте такого отлучения.

Нет никаких реальных свидетельств того, что существовали какие-либо основания для апелляции на такой приговор об отлучении. Зафиксирован лишь один случай подачи апелляции. Похоже, что в Винчестере возник спор о праве содержания школы, и сторона, недовольная вердиктом, отнесла дело в Рим. До сих пор не удалось проследить результат апелляции[290].

Одно из самых важных дел, в котором якобы имело место нарушение монополии, - это "Дело о школе в Глостере", которое стало считаться главным в этой области. Вкратце факты таковы: настоятель Ллантони, покровитель школ в Глостере, назначил Джона Хэмлина директором школы. Священник по имени Томас Мор, который ранее был "scolemaster atte Herford", открыл в Глостере нелегализованную школу. Хэмлин принял меры против Мора, но вместо того, чтобы привлечь ответчика к духовному суду, как это было принято раньше, он подал иск в Суд общей юрисдикции, и дело рассматривалось перед лордом-главным судьей и двумя другими судьями.

Суд постановил, что содержание школы не является преступлением против общего права Англии. Если преступление и было совершено, то это преступление против церковного права, и, следовательно, средства защиты должны были быть найдены в церковных судах[291].

Значение этого дела заключалось в том, что монополия на содержание школ была частично разрушена. Отныне любой, кто не боялся церковного порицания и отлучения, мог содержать школу, если он того желал. Практический эффект от этого решения был незначительным, поскольку, как мы уже видели,[292] монопольное право на содержание школы было предоставлено Итонскому колледжу тридцать лет спустя.

Проблема, связанная с этим вопросом монополии, возникла в Линкольне в 1407-9 годах. В Линкольне было две признанные школы: общая грамматическая школа, которую посещали дети горожан и в которую раньше хористы ходили для обучения латыни, и школа хористов. Со временем школа хористов перестала ограничиваться изучением музыки и добавила в свою программу латынь. По тем или иным причинам эта школа также привлекала сторонних ученых. Мэр и корпорация, как представители горожан Линкольна, возражали против этого;[293] в конце концов вопрос был решен компромиссом: учителям хористов было разрешено "преподавать грамматику хористам и простолюдинам вместе с ними, а также родственникам каноников и викариев церкви или тем, кто живет за их счет и на благотворительные средства или проживает в их семье", при условии, что каждый семестр будет номинально признаваться право магистра городской грамматической школы[294].

Еще одна проблема возникла в связи с конкурирующими претензиями мастера песни и мастера грамматики. Мастер песни, очевидно, утверждал, что он такой же официальный мастер, как и мастер грамматики, а, вероятно, считал себя столь же компетентным, как и его коллега, чтобы давать уроки латыни. Эта проблема, по-видимому, особенно остро стояла в Уорике, поэтому власти коллегиальной церкви провели тщательное расследование древних обычаев по этому вопросу и в конце концов пришли к выводу, что только латинский мастер имеет право вести занятия по латыни. В качестве уступки они разрешили певчему мастеру проводить занятия с учениками по "первым буквам" и псалтырю[295].

Грамматический мастер был не одинок в своем стремлении обеспечить монополию на ведение школьных занятий по своему предмету; мастер музыки не менее упорно отстаивал свою прерогативу. Так, в 1305 году певческий мастер Линкольнского собора пожаловался соборному капитулу, что приходские дьяки города обучают музыке мальчиков в своих церквях без его разрешения, и обвинил их в содержании "прелюбодейных школ в ущерб свободе материнской церкви". Глава заставил нарушителей поклясться, "держа Святейшее Евангелие, что впредь они не будут содержать в церквях никаких прелюбодейных школ, не будут обучать мальчиков песням и музыке без разрешения школьного директора"[296].

Завершая эту главу, мы могли бы привести цитату из устава грамматической школы Сент-Олбанса, подтвержденного аббатом Сент-Олбанса в 1310 году, в разделе, посвященном

этому вопросу о монополии. В нем говорится, что "магистр на время аннулирует, подавляет, уничтожает и искореняет все школы с прелюбодеями на нашей территории или под нашей юрисдикцией, запрещая... под страхом отлучения любым лицам прибегать к услугам школ или предполагать их содержание без воли и согласия магистра нашей грамматической школы в пределах нашей вышеупомянутой юрисдикции"[297].

Хотя привилегия содержания школ высоко ценилась и стойко защищалась, теперь она канула в Лету. Это произошло не по прямому указу суда или государства, а просто потому, что обучение латыни, которое предлагали эти школы, перестало пользоваться спросом. Два фактора способствовали такому результату: Реформация и все более широкое использование жаргонного языка. Реформация положила конец числу назначений в церкви, для которых знание латыни было необходимой квалификацией, и, следовательно, спрос на грамматические школы уменьшился. Все более широкое использование просторечия привело к тому, что латынь перестала использоваться в качестве языка торговли и средства письменного общения.

ГЛАВА V.

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ В ДОЛЖНОСТИ МАГИСТРА.

Мы переходим к рассмотрению вопросов, связанных с (а) назначением, (б) пребыванием в должности, (в) вознаграждением и (г) судебными функциями школьных мастеров.

(а) Назначение директоров.

Мы можем различать школы в связи с (1) монастырями, (2) коллегиальными церквями, (3) приходами, (4) кантри и гильдиями.

I. Школы при монастырях.

Примечательно, что в монастырях должность школьного директора, похоже, не была определено признана. Так, например, в списке должностных лиц и послушников Эвешема в XIII веке значатся приор, субприор, третий приор и другие "custodes ordinis"; прецентор, сакрист, камергер, кухарка, келарь, инfirmарь, альмонер, смотритель виноградника и сада, мастер ткани, гостевой мастер и питтаннер; но нет ни одного упоминания о "magister scholarum". Нам не удалось обнаружить ни одного случая, когда монах, получавший пенсию на момент распада монастыря, выступал бы в качестве учителя в это время.

Изредка мы встречаем упоминания о "мастере послушников".[298] Сохранился отчет о школе послушников в Дареме.[299] Занятия проводились в "уаст-аллее" монастыря утром и днем. Ученики учились семь лет, в течение которых они получали пищу и одежду. Если они "были способны к клернингу... и имели беременность", их отправляли в университет изучать теологию; в противном случае они оставались за своими книгами в монастыре, пока их не считали готовыми к рукоположению. В школе послушников в Дареме преподавал самый

старший ученый монах в монастыре. В Кентербери школа находилась в ведении "Magister ordinis", а в Абингдоне - "Instructor juvenum".[300] Необходимость обучения послушников была подтверждена Общим бенедиктинским уставом 1334 года, который предусматривал назначение светского священника для преподавания грамматики, если для этой цели не было монаха.

Назначение на схоластические должности в монастыре, естественно, находилось в руках аббата или приора[301].

Есть свидетельства того, что школы для обучения мирян существовали по соседству с большинством, даже если не со всеми, большими монастырями. Так, до XIII века такие школы можно обнаружить в Рединге, Данстейбле, Хантингдоне, Бедфорде, Крайстчерче (Хэнц.), Тетфорде, Дерби, Глостере, Уолтеме, Бури-Сент-Эдмундсе, Колчестере, Лестере, Сайренстере, Льюсе, Батле, Арунделе, Ланкастере, Честерфилде, Брутоне, Винчкомбе, Мальмсбери и других местах, в которых, как известно, существовал монастырь. Во многих из этих случаев мы можем проследить, что назначение "magister scholarum" находилось в руках аббата. Так, в уставе аббатства Бури-Сент-Эдмундс говорится, что...

"Коллизия школ Сент-Эдмундса принадлежит аббату так же, как и коллизия церквей..... Школы в поместье Милденхолл и в Беклс по закону должны быть переданы теми, в чьем ведении находятся поместья. И следует отметить, что когда "ректор-сколарум" должен быть смещен, он должен быть уведомлен об этом человеком, который его назначил, до Витсунтида. С другой стороны, если магистр желает уйти на пенсию, он обязан уведомить об этом того, кто его назначил"[302].

Третьим классом школ (который будет описан в следующей главе), связанных с монастырями, была школа Алмонри. Назначение "грамматического мастера" в этих школах обычно находилось в руках алмонера монастыря, но это назначение должно было быть одобрено канцлером или архидиаконом, который выступал в качестве главы образовательной администрации епархии[303].

II. Школы при коллегиальных церквях.

Более точная информация появляется, когда мы переходим к рассмотрению назначений мастеров школ при коллегиальных церквях. Здесь, как мы уже видели, канцлер (который ранее был директором школы) являлся ответственным руководителем образования в епархии. В его обязанности входило назначать мастера грамматики при соборной церкви и не позволять никакому другому учителю вести школу в городе без его согласия.[304] Иногда канцлер, похоже, не предпринимал никаких шагов для назначения, возможно, потому, что вознаграждение мастера частично поступало из бенефиция канцлера. Сохранилось письмо, написанное канцлеру Йоркского собора в 1344 году, в котором ему сообщалось, что если он не предпримет немедленных действий по назначению мастера, то будет наказан[305].

Общая процедура назначения на должность магистра грамматики в школе при коллежской церкви заключалась в том, что канцлер выбирал человека, которого считал подходящим, и представлял его имя декану и капитулу. Назначение завершалось тем, что декан и глава принимали кандидатуру канцлера на должность[306].

Нам не удалось обнаружить ни одного случая назначения директора песенной школы[307]. Процедура, вероятно, была бы аналогичной, за исключением того, что назначение было бы в руках прецента, а не канцлера[308].

В тех соборных церквях, где служили монахи, "канцлера", разумеется, не было. В таких случаях назначение "magister scholarum" производилось епископом. Так, мы читаем об архиепископе Пекхэме, который во время вакантного места в Норвиче назначил магистра в Норвичскую школу.[309] Первая доступная запись о назначении магистра епископом Норвича датируется 1388 годом; после этой даты в книге актов капитула Норвича зафиксирован непрерывный поток таких назначений. В Кентербери, который также был монастырским собором, назначение директора школы также находилось в руках архиепископа[310].

III. Школы в связи с приходами.

Мы использовали термин "приход" для обозначения тех районов, которые обслуживались викарием или настоятелем, а не коллегией духовенства. Назначения в церковно-приходские школы, если не было принято противоположных мер, производились покровителями самой церкви. В некоторых случаях покровителями были епископы,[311] в других - декан и капитул коллегиальной церкви[312]; в третьих патронаж находился в частных руках, в то время как в других случаях монастырь мог иметь право назначать кандидатов.[313] Мы должны помнить, что при разделении прихода право содержать школу не переходило к новому приходу, а оставалось прерогативой родительской церкви, и, следовательно, патроны новой церкви не обладали правом назначать мастера грамматики для содержания школы при новообразованной церкви[314].

В связи с осуществлением этого права патронажа иногда возникали споры. Казалось бы, канцлер епархии[315] в случае светского собора и "magister scholarum" в случае монастырского собора претендовали на право назначать все школы в своих епархиях. Сохранились записи о действиях, которые предпринимались в различных случаях, чтобы попытаться добиться выполнения этого требования. Мы кратко опишем два таких случая, один из которых был связан с действиями канцлера светской коллегиальной церкви, а другой - с действиями "magister scholarum" в городе, обслуживаемом монашеским собором.

Рассмотрим сначала случай с канцлером светской коллегиальной церкви, отметив, что настоятель и монастырь Святой Екатерины в Линкольне были покровителями церкви Ньюарка. В 1238 году в школе образовалась вакансия. Покровители церкви приняли необходимые меры для заполнения вакансии. Канцлер Саутвелл-Минстера утверждал, что право назначения на должность принадлежит ему "по должности". Обе стороны обратились к Папе Римскому. В результате было объявлено, что право выдвижения кандидатур в школу принадлежит покровителям, а прием на должность мастера, выдвинутого, должен осуществлять канцлер[316].

Переходя к рассмотрению притязаний "magister scholarum" в связи с монастырским собором, отметим, что в книге актов капитула Норвича зафиксирован аналогичный спор. Настоятель и монастырь Коксфорд были покровителями церкви Рудхэм у Коксфорда. Когда в 1240 году образовалась вакансия в руководстве школами, покровители приступили к выполнению необходимых назначений. Магистр школы" подал иск в суд епископа, чтобы помешать этому, поскольку утверждал, что обладает правом назначать по должности. Суд постановил, что право назначать магистра школы принадлежит покровителям церкви.

Здесь следует отметить, что орган, обладающий полномочиями по разрешению споров, связанных с патронажем школ, по-видимому, не был определен. В первом из двух случаев, о которых мы здесь говорим, была использована власть папы, во втором - власть епископа, в то

время как имеются записи о других случаях, в которых был получен запретительный приказ с целью рассмотрения дела в королевском суде[317].

IV. Школы, созданные в связи с шантри, гильдиями и т. д.

Во второй половине Средневековья в этой стране было создано несколько школ на основе дарственных. Эти пожертвования обычно были связаны с основанием гильдий или хантри. Особый интерес для нас представляет то, что в таких случаях принимались меры по назначению необходимых лиц, когда в этом возникала необходимость. Так, ордонансы и статуты, связанные с основанием грамматической школы в Уоттон-андер-Эдж[318], предписывают, что "мастер школы должен был быть представлен леди Беркли при ее жизни, а затем сэром Томасом Беркли и его наследниками мужского пола, которых впоследствии не станет, сэром Джоном Беркли, ее вторым сыном, и его наследниками мужского пола, которых впоследствии не станет, лордом поместья Уоттон." [319] В результате такого более определенного определения права на назначение споры, связанные с осуществлением патроната, больше не возникали[320].

(b) Срок пребывания в должности магистра.

Мы сталкиваемся с трудностями при рассмотрении вопроса о сроке пребывания в должности магистра различных школ из-за скудости свидетельств и их противоречивого характера. Так, в Книге актов капитула Линкольна есть запись о том, что декан и капитул в 1327 году назначили шесть мастеров в столько же школ епархии. 321] В следующем году те же люди были назначены повторно, и это повторное назначение продолжается из года в год до 1335 года, когда уведомления о назначении школьных мастеров прекращаются. Таким образом, похоже, что в епархии Линкольна существовал обычай, согласно которому мастера назначались только на один год, но если их характер и поведение считались удовлетворительными, они назначались вновь.

В епархии Йорка мастера, похоже, назначались на три года. Так, есть запись о том, что в коллежской церкви Беверли в 1306 году мастер был назначен в школу на этот срок[322]; в 1320 году есть запись о подобном назначении.[323] В примечании к назначению, сделанному в 1368 году, прямо говорится, что обычное время пребывания в школах в епархии Йорка составляло три года и что при особых обстоятельствах этот срок мог быть продлен до пяти лет[324].

С течением времени характер владения школой меняется. Первое изменение, которое мы проследили, произошло в 1368 году, когда было заявлено, что назначенному мастеру разрешается сохранять свое назначение до тех пор, пока он не получит другой бенефиций. Причиной этого изменения названа нехватка священников из-за смертности, вызванной чумой. Трехгодичное пребывание в должности вновь вошло в моду в 1426 году,[325] но в 1486 году происходит отступление, поскольку назначенный в том году школьный учитель мог занимать свою должность "durante vitae", если он того пожелает[326].

Еще одно изменение в сроках пребывания в должности произошло в 1575 году, когда директор был назначен на должность "на время пребывания в должности декана и капитула"[327].

В школах, основанных в XVI веке и позже, стало принято составлять уставы и ордонансы для управления школами. В этих школьных уставах было принято упоминать о сроках пребывания

в должности директора. Так, в уставе школы Ньюарка[328] говорится, что мастер при поступлении на должность должен быть проинструктирован следующим образом.

"Sjr, ye be chosen to be maister and preceptour of this scoole and to teche chyltern repaying to the same not only good literature, gramer and other vertuous doctrine but also good maners accordyng to the ordynance of Master Thomas Newark. Поэтому мы подтверждаем, что это - вечный ром на продолжение вашего хорошего поведения и обязанностей в этой школе"[329].

При пожизненном назначении основатель школы Ньюарк принял практику, которая отличалась от общепринятой. Так, Уильям Уайкемский, Уэйнфлет и Колет сделали так, что директора основанных ими школ могли смещаться по своему желанию. Так, Колет сделал так, что должность хозяина школы Святого Павла лишь продлевалась из года в год.

(с) Вознаграждение мастеров.

Мы сталкиваемся с еще одним сложным вопросом, когда переходим к рассмотрению вопроса о вознаграждении мастеров. По этой проблеме существуют противоречивые мнения, поскольку спорным является вопрос о том, было ли образование, которое давали в школах Средневековья, бесплатным. Бесспорно, что первоначальные церковные школы были полностью бесплатными и что школьный учитель получал вознаграждение, участвуя наравне с другими священниками в общем фонде церкви. Переход от бесплатного образования к платному можно отнести к тому времени, когда школьный учитель стал канцлером. Канцлер продолжал получать свою долю дохода от Церкви, но на содержание школьного учителя, которого назначал канцлер, не было выделено никаких средств[330].

Вероятно, именно из-за этого пренебрежения собор 1179 года[331] постановил, что магистру должен быть пожалован бенефиций, чтобы он мог безвозмездно обучать "клириков и школяров" (clericos et scholares pauperes). Этот указ был повторен в 1200 г.[332] и 1215 г.[333] Проследить назначение на sinecurные бенефиции с условием, что занимающий такую бенефицию должен содержать школу, не представляется возможным, поскольку в записи о назначении не было бы указано и условие. Мы можем с уверенностью предположить, что в некоторых случаях так и поступали, поскольку этот обычай сохраняется и по сей день[334].

Со временем хозяин школы получал определенную часть своего вознаграждения от платы, которую он получал от своих учеников. Это происходило от естественного обычая, согласно которому ученики должны были делать какие-то добровольные пожертвования тем, кто их учил. Так, постановление 1200 года, которое предписывало "presbyteri per villas scholas habeant, et gratis parvulos doceant", также практически устанавливало, что добровольные пожертвования со стороны родственников учеников будут разрешены. Нетрудно представить, что этот обычай добровольных пожертвований перерос в обычай обязательных платежей.

Термины, используемые для описания этих добровольных пожертвований, несколько странны, например, "петушиный пенни", "потационный пенни", "ореховые деньги". "Петушинные пенни" были вознаграждением, которое давали школьным директорам в связи с почти повсеместным обычаем петушинных боев, которые проводились в школах в масленичный вторник. Уильям Фитцстефен[335] рассказывает об этой практике, утверждая, что "каждый мальчик в школе приносит своему хозяину боевого петуха, и весь этот полдень отводится на праздник, чтобы посмотреть петушинные бои в школе". Петушинные бои были запрещены в школе Святого Павла статутом Колета от 1518 года, но в Манчестерской

грамматической школе этот обычай, похоже, сохранялся до 1815 года.[336] "Потационные пенни" - это вознаграждение за пир, а "ореховые деньги" - термин, применяемый к подаркам, которые делались школьным учителям на Михайлов день.

В некоторых случаях эти подношения рассматривались как естественная часть вознаграждения школьного учителя. Так, ордонанс грамматической школы Хартлбери предписывает, что "школьный директор должен и может иметь, использовать и брать прибыль от всех петушинных боев и поттеров, которые обычно используются в школах, а также от других даров, которые ему свободно дарят." [337] В других случаях предпринимались попытки покончить с этим обычаем. Так, устав грамматической школы в Ковентри гласит, что "в течение одного года не должно быть ни одного другого или большего количества возлияний... чем одно возлияние" [338].

В дополнение к этим необязательным платежам постепенно стали признаваться и другие платежи, которые со временем стали называться "вступительными деньгами" (потому что оплата производилась при приеме ученика в школу), "четвертаками" (оплата в начале каждого семестра), "разрывными деньгами" (аналогичная оплата в конце семестра). Эти платежи стали распространенными только в XVI веке - период, который выходит за рамки времени, с которым мы имеем дело; следовательно, нам нет необходимости более подробно рассматривать вопрос здесь. Однако можно сослаться на записи о церковном братстве, основанном в Ньюленде Ричардом Гриндуром. [339] В школе, которую должен был преподавать священник братства, он имел право взимать "со сколеров, обучающихся грамоте, 8 д. в квартал, а с других, обучающихся реде, 4 д. в квартал" [340] В качестве примеров других видов оплаты школьных учителей можно привести правила Ипсвичской грамматической школы, где в 1476-7 годах было предписано, что ученики грамматического класса должны платить 10 д., класс псалтыря - 8 д., а класс букваря - 6 д. в квартал. [341] По-видимому, эти условия были снижены для сыновей бурgeois, живущих в Ипсвиче, которые должны были платить "8 д. в квартал... и не выше". [342] Опять же, устав и ордонанс Ботелерской грамматической школы, [343] описанной как *бесплатная* грамматическая школа, предписывает, что "директору школы будет законно брать ... четыре пенни в год, то есть в четверть, следующую за Рождеством, петушинный пенни и в любую из трех других четвертей в году один потационный пенни". [344] В акте 1414 года, в котором записаны пожелания епископа Лэнгли относительно его фонда в Дареме, говорилось, что "*diligenter instruere et docere pauperes qui dem gratis pro Deo, si hoc ipsi vel parentes sui pro amore Dei humiliter petierint, ab illis autem, qui se vel amicos suos scolares voluerunt recipiendo stipendia moderata in aliis scholis grammaticae vel cantus solvi consueta.*" [345]

Обычай выделять средства на содержание школы и ее хозяина, в отличие от содержания учеников, возник в ранний период. Самый ранний случай в этой стране, который удалось проследить, произошел в 1190 г., когда аббат Самсон наделил "школьного учителя, который в это время преподавал в городе Сент-Эдмундс", половиной доходов ректората. [346] Следующий доступный пример - запись в Wells о том, что дом был передан школьному учителю на время вместе с пребендом Бидденхема в качестве пожертвования. [347] Постепенно пожертвования становились все более многочисленными, что будет подробно показано, когда мы будем рассматривать основание канцелярий и других благотворительных учреждений.

(d) Судебные функции школьных директоров.

Постановлением Вильгельма Завоевателя было проведено разделение гражданских и церковных судов. В результате этого те, кто имел право на "пользу духовенства", потребовали, чтобы споры, в которых они участвовали, рассматривались в церковных судах. Возможно, именно в развитие этого принципа было заявлено, что дела, в которых фигурируют ученики определенной школы, должны рассматриваться под юрисдикцией директора этой школы. Имеющихся свидетельств недостаточно, чтобы определить степень распространенности этого обычая, но изучение полномочий, которыми обладали директора школ Солсбери, Кембриджа, Сент-Олбанса и Кентербери, поможет нам определить его общий характер.

Соответствующая юрисдикция канцлера и субдекана Солсбери была определена в 1278 году, когда было установлено, что канцлер "*ad cuius officium pertinet scholas regere*" должен рассматривать все спорные вопросы (за исключением вопросов безнравственности), в которые были вовлечены его ученики, в то время как субдекан должен был осуществлять юрисдикцию по всем вопросам, в которых были заинтересованы священники города[348].

К аналогичному решению пришел епископ Эли в 1276 году, когда попытался определить юрисдикцию "магистра Гломери", канцлера Кембриджского университета, и архидиакона Эли.[349] Судебные полномочия магистра школы Сент-Олбанс были подробно изложены в школьном уставе 1309 года.[350] Интересно отметить, что магистру могла помогать "светская рука, привлекаемая в случае необходимости для особой цели".

Кентерберийский школьный директор обладал значительными полномочиями в вопросах, касающихся его учеников, и есть свидетельства того, что некоторые из этих школьных директоров без колебаний использовали свои полномочия, когда возникала необходимость. В частности, Джон Эверард, "ректор гражданской школы Кантуариенса" в 1311 году, стремился утвердить свой авторитет. Притязания, которые, как он утверждал, он имел, были расследованы специальной комиссией из клириков и мирян, которая вынесла заключение в его пользу. Чтобы помешать ему воспользоваться своей властью, была подана апелляция в Суд королевской скамьи. Директор школы продолжал энергично настаивать на признании своих полномочий, и в конце концов власть, на которую он претендовал, была подтверждена[351].

Мы не можем делать обобщения на основе этих случаев, но несомненно, что некоторые школьные директора обладали особыми полномочиями действовать в качестве судьи в делах, в которые были вовлечены их ученики.

ГЛАВА VI.

ВОСПИТАНИЕ СЫНОВЕЙ ДВОРЯН.

Теперь необходимо рассмотреть характер образования тех, чье социальное положение не позволяло им участвовать в безвозмездном образовании, которое предлагалось церковью и свободно принималось сыновьями и дочерьми "свободных арендаторов", холопов, дачников

или крепостных. Этим образованием, предложенным церковью, могли воспользоваться дети манориальных чиновников, управляющих или бейлифов; но они никогда не были доступны детям из негроидной семьи.

В Средние века в Англии, как и на континенте, юноши из знатных семей отправлялись для получения образования не в школы, а в дома знатных вельмож или духовных лиц. Так, как мы уже видели, Одо, впоследствии архиепископ Кентерберийский, в детстве обучался в доме тана Ательма[352]; следовательно, этот обычай уже прочно укоренился в X веке. Можно привести и другие примеры: Стефан Блуаский, получивший образование при дворе своего дяди Генриха I; Генрих II, живший в доме герцога Роберта Глостерского; Генрих VI, отданный под опеку Ричарда Бошама, графа Уорика. Этому благородному человеку также поручались наследники баронств, находившихся в ведении короны, так что его двор практически стал "академией для молодых дворян".

Фицстефен, биограф Томаса а Бекета, рассказывает, что "дворяне Англии и соседних королевств посылали своих сыновей на службу к канцлеру, которых он обучал благородному воспитанию и обучению; а когда они получали рыцарский пояс, отправлял их с честью обратно к их отцам и родственникам; некоторых он оставлял себе. Сам король, его господин, вверил ему на воспитание своего сына, наследника королевства, которого он держал при себе, со многими сыновьями дворян того же возраста, и их надлежащей свитой и господами и надлежащими слугами в должной чести"[353].

Характер образования, которое давалось в домах знати, определялся идеалом, вытекавшим из особых обстоятельств того времени. Среди факторов, способствовавших формированию этого идеала, видное место занимали (1) феодальная система, (2) крестовые походы, (3) церковь.

(1) Мы уже вкратце рассмотрели происхождение и развитие феодальной системы, поэтому здесь будет достаточно отметить, что Завоевание позволило более прочно укоренить ее в этой стране. Каждый фьеф теперь на практике становился отдельным двором под управлением своего господина, старший сын которого, естественно, мог рассчитывать на преемственность положения, занимаемого его отцом. Именно в этой связи мы видим одну потребность, которую должно было удовлетворить образование молодого дворянина. Необходимо было, чтобы он получил подготовку, которая могла бы помочь ему эффективно исполнять обязанности, которые в обычном ходе вещей он впоследствии должен был занять.

(2) Не вдаваясь в подробности причин, способствовавших крестовым походам, отметим, что они возникли в результате одного из тех всплесков энергии, которые в последующие века нашли свое выражение в таких движениях, как Возрождение образования и Французская революция. Если говорить более определенно, то крестовые походы стали ответом знати на призыв Востока о помощи в борьбе с неверными. Этот ответ был дан тем охотнее, что он находился в гармонии с неугомонной любовью к приключениям и стремлением к славе и известности, которые проявились в этот период.

(3) Важно также отметить, что в это время была широко распространена вера в эффективность покаяния и аскетизма как средства обретения религиозной добродетели. Часто это принимало форму паломничества, а крестовые походы представляли собой "грандиозное паломничество в особо благоприятных и достойных условиях". "Первый крестовый поход был браком войны и религии, освящением Церковью воинского духа, что стало первым шагом в создании рыцарства"[354].

Эти три фактора способствовали росту тех обычаев, которые преобладали среди благородных классов Западной Европы на протяжении большей части Средневековья и к которым обычно применяется термин "рыцарство". Постепенно сформировался определенный идеал качеств, необходимых "совершенному рыцарю". Поэтому в обязанности семей, куда отправляли сыновей дворян для обучения, входило стараться, насколько это возможно, вооружить своих "учеников" знаниями, навыками, привычками и качествами, которыми, согласно обычаю, они должны были обладать до получения рыцарского звания.

В рыцарском идеале можно выделить четыре основных элемента: (1) воинская доблесть, (2) служба и верность, (3) "поклонение женщине", (4) религия.

Рассматривая каждый из этих пунктов по очереди, мы прежде всего отметим, что важность военной подготовки в этот период - тема, которая едва ли нуждается в разработке. Эпоха была по сути своей воинственной; определенная цель крестовых походов могла быть достигнута только с помощью военного мастерства. Поэтому немалая часть обучения будущего рыцаря была посвящена приобретению навыков всадника и владения боевым оружием.

Второй элемент, о котором мы упоминали, - "служба и верность" - можно назвать основополагающим принципом рыцарства. Служба, однако, проистекала из гордости за занимаемое положение; никакая работа не считалась рутинной, если она проистекала из службы, которую оруженосец должен был оказать своему сеньору. Преданность присуща рыцарской идее, она является неотъемлемой частью рыцарского идеала.

О третьем элементе - "поклонении женщинам" - стоит упомянуть лишь вскользь, хотя он сыграл важнейшую роль в формировании характера будущего рыцаря, отточив его манеры, сдерживая грубость выражений и в целом способствуя развитию идеи вежливости, которая сегодня воспринимается как отличительный знак рыцарского мужчины. Здесь можно просто сказать, что доставить удовольствие дамам считалось и главным утешением рыцаря, и основной движущей силой его поступков.

Остальным элементом рыцарского идеала является религия. Церковь занимает важное место; рыцаря воспитывали в духе использования ее таинств, повиновения ее предписаниям и благоговения перед ее служителями. "Крестоносец, госпитальер и рыцари Сантьяго были защитниками Церкви от неверных. Посвящение рыцаря в рыцарство происходило в форме таинства, и защита Церкви была частью его посвящения. Наименее религиозные признавали авторитет религии, и именно обвинение в нечестии, а не в безнравственности, погубило тамплиеров; ведь в те времена нечестие было худшим обвинением, чем безнравственность"[355].

Подводя итог подготовке к рыцарству, можно отметить, что в течение первых семи лет обучения претенденты назывались пажами, варлетами или дамуазами. При своих хозяевах и хозяйках они выполняли самые скромные домашние обязанности и практиковались в выполнении всего, что видели у рыцарей. По достижении четырнадцатилетнего возраста они получали звание оруженосца, и это повышение отмечалось религиозной церемонией. Теперь обучение становилось более строгим и включало в себя способности во всех вопросах, связанных с военным искусством, а также обязанности, связанные с конюшнями и лошадьми, и мастерство в искусстве геральдики.

Интеллектуальная часть обучения оруженосца включала обучение "родным языкам" и приобретение умения "трубить, петь, танцевать" и играть на арфе.^[356] В часто цитируемом отрывке из Чосера говорится, что оруженосец: - ...

"wel cowde ryde,
He cowde songes wel make and endite,
Justne and eek daunce, and wel purtray and write."

Таким образом, реальная школьная программа, которой следовал сквайр, напоминала программу детей из низших социальных слоев, в той мере, в какой "песня" и "письмо" были включены в обе программы. В числе "священных языков", несомненно, значилась латынь; кроме того, он изучал французский и (возможно) итальянский.

Рыцарство начало приходить в упадок примерно в середине XIII века. "Фруассар с живописными подробностями описывает эту тенденцию к упадку, которая с течением времени постепенно привела к полной трансформации, так что рыцарский идеал был утрачен, а независимость солдата, некогда раба только своего Бога и своей дамы, уступила место угодливости придворного, и в конце концов превратилась в эгоистичное и жалкое раболепие"^[357].

Какое место занимает рыцарское воспитание в эволюции педагогической мысли и практики? Прежде всего, оно способствовало выработке воспитательного идеала. Хотя, как мы уже отмечали, рыцарское воспитание было основано на полезности, как и воспитание в монастырских или церковных школах, оно привело к тому, что термин "воспитание" получил более широкий оттенок. Рыцарское образование было направлено на то, чтобы приспособить человека к жизни в обществе, в то время как образование, которое давал монах или священник, было направлено только на то, чтобы приспособить человека к религиозной жизни. Изменилась и оценка образовательных ценностей: интеллектуальный элемент образования (хотя и не полностью игнорируемый) был отодвинут на второй план, в то время как забота о теле, как известно, отсутствующая в церковном образовании, была возведена в ранг важной задачи. Интересно также отметить, что обычай отправлять мальчиков из хорошей семьи подальше от дома напрямую способствовал практике отправки мальчиков в школу-интернат, которая характерна для сегодняшнего дня, особенно среди родителей с хорошим материальным достатком. Кроме того, мы должны отметить, что некоторые рыцарские идеалы сохранились в наших великих государственных школах наших дней; более того, они повлияли на наши средние школы и, в меньшей степени, на наши начальные школы. Восхищение физической силой, проявляемой на игровых полях, по-прежнему занимает самое высокое место в сознании школьника; идеал служения сохранился в обычае "педерастии"; верность, честь, вежливость и почтение к внешним церемониям остаются отличительными признаками "дворянских школ" наших дней.

Есть опасность предположить, что все идеалы рыцарства были одинаково высоки и что вклад рыцарства в образование был больше, чем на самом деле. "Рыцарство, - пишет Корниш, - научило мир долгу благородной службы, оказанной по доброй воле. Оно поддерживало мужество и предприимчивость в повиновении правилам, посвящало воинскую доблесть служению церкви, прославляло добродетели либеральности, добросовестности, бескорыстия, вежливости и, прежде всего, вежливости по отношению к женщинам. Против них можно выделить такие пороки, как показное поведение, любовь к кровопролитию, презрение к низестоящим и распущенные нравы. Рыцарство было несовершенной дисциплиной, но это была дисциплина, и дисциплина, соответствующая времени. Возможно, оно существовало в мире слишком долго, но появилось не слишком

рано, и при всех своих недостатках оно оказало большое и благотворное влияние на подъем средневекового мира от варварства к цивилизации"[358].

Практика отправки сыновей дворян и джентри в дома других дворян продолжалась даже после того, как само "рыцарство" как образ жизни угасло. Так, сэр Томас Мор воспитывался в доме кардинала Мортонa;[359] у кардинала Вулси проживало несколько молодых лордов ;[360] в доме графа Нортумберленда в 1571 году было несколько молодых джентльменов[361].

Для обучения этих молодых дворян было принято иметь в штате дома "Maistyr of Gramer", который отвечал за обучение, "необходимое для песни и правил грамматического построения".[362] Различные домашние книги свидетельствуют о присутствии этого наставника.[363] Не следует думать, что образование, которое давалось в домах дворян и других знатных людей, было очень эффективным с академической точки зрения. На самом деле, мнение, которое в то время сложилось о письмах, было недостаточно высоким, чтобы побудить молодых представителей высших слоев общества серьезно заняться учебой.[364] Курс обучения включал латынь, французский, письмо, фехтование, счета и музыку,[365] но это перечисление предметов не означает, что были достигнуты высокие стандарты. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса будет необходимо, когда будет рассматриваться период после Реформации.

КНИГА III.

ВЫХОД ОБРАЗОВАНИЯ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА I.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ.

В период, к которому мы переходим, постепенно сформировалась идея, что образование не является делом, которое относится исключительно к Церкви. С появлением университетов контроль над образованием стал выходить из-под власти церкви; с социальным и экономическим прогрессом страны росла идея о том, что гражданские и торгово-ремесленные организации обязаны выполнять свой долг перед обществом, и что этот долг включает в себя предоставление возможностей для образования.

Эта идея гражданской или общественной ответственности за образование, которая начала проявляться в предварительном порядке, не была результатом оппозиции Церкви или чувства, что Церковь недостаточно осознает свои обязанности. Напротив, все, что касалось образования, в целом было возложено на Церковь, и учителями школ по-прежнему оставались священники Церкви. Фактически, мы можем утверждать, что сознание социальной ответственности, которое теперь развивалось, было в значительной степени результатом религиозного учения.

В то же время, подчеркивая это общее утверждение, мы должны признать, что существовали определенные признаки тенденции к утверждению независимости Церкви, и начали проявляться различные симптомы, свидетельствующие о том, что школьное дело перестало рассматриваться как исключительно функция священства. Тенденция к независимости Церкви проявилась, в частности, в Ковентри, где корпорация направила депутацию к настоятелю Ковентри "с просьбой занять школу Греймера, и что он не желает ничего делать против, но что каждый месяц после этого Ситэ будет по своему усмотрению устанавливать его хайлд, чтобы он занимал тот участок Греймера, который ему нравится, как он просит"[366]; и в Бридженорте, где в 1503 году было принято постановление о том, что ни один священник не должен содержать школу после того, как в городе появился школьный учитель.[367] В качестве иллюстрации тенденции к передаче школ под контроль организаций, отличных от церкви, можно упомянуть школу, основанную в Фартингхоу в 1443 году Джоном Абботом, лондонским мерсером, который передал ее под контроль Компании мерсеров,[368] и школу, основанную сэром Эдмундом Ша в 1487 году, которая была передана в смертную казнь "для его феллисипа ремесла золотых дел мастеров"[369]. В 1502 году сэр Джон Персивейл основал в Макклсфилде "Fre Gramer Schole"[370] для "благородных мужчин, сыновей и других детей добрых кровей в Максфилде и близлежащих графствах". Управление школой было поручено семнадцати местным мирянам, которые должны были выступать в качестве попечителей. В 1505 году сэр Бартоломью Рид, основавший школу в Кромере, сделал управляющим органом компанию золотых дел мастеров.[О том, что школьное дело переставало считаться исключительной функцией священства, свидетельствует завещание основателя грамматической школы Севеноукса в 1432 году, в котором указывалось, что директор школы не должен быть священником "in sacris ordinibus minime constitutus"[372], а также тот факт, что имена директоров школ можно найти в списках вольных каменщиков города Йорка[373].

Растущий интерес мирян к образованию не привел к апатии со стороны Церкви. Напротив, церковь была стимулирована к новой активности. Не только великие церковные деятели того времени, *например* Уайкхем, Чичли и Уэйнфлет, основали школы непреходящего великолепия, но и большое количество коллегиальных церквей было основано в разных частях страны, и существует множество свидетельств (которые мы рассмотрим в следующей главе), показывающих, что большинство этих коллегиальных церквей предоставляли специальные условия для образования.

Изменение отношения нации к образованию является прямым следствием ее социальных и экономических условий, и для того чтобы правильно понять развитие образования, необходимо вкратце рассмотреть изменения в экономических условиях Англии и вызванные ими социальные перемены, которые проявились в последние века Средневековья.

Дата моровой язвы, названной Черной смертью, станет удобной отправной точкой, с которой мы сможем рассмотреть эти изменения. Факторы, способствовавшие результатам, которые мы предлагаем описать, могут быть отнесены к более ранней дате, но поскольку в этой главе мы рассматриваем общие тенденции, а не занимаемся тонкими экономическими исследованиями, 1349 год будет прекрасно служить нашей цели.

Экономические последствия Черной смерти были особенно заметны в сельских районах. Ускорился процесс разложения манориальной системы; система помещичьего хозяйства пришла в замешательство, и возникла необходимость в новых методах землевладения; существующая система обычного регулирования была уже невозможна. В городах влияние

моровой язвы было не столь заметным. Хотя отдельные города могли пострадать, относительное значение городов в жизни нации возросло, и был подготовлен путь к промышленному и торговому превосходству городов, которое начало проявляться в первые годы XV века[374].

Помимо экономических последствий, Черная смерть имела важные образовательные последствия. Смертность среди духовенства была значительной, и, следовательно, число мужчин, способных работать школьными учителями, заметно сократилось. На сокращение числа священников в результате Черной смерти указывает письмо папы Климента V, написанное в 1349 году архиепископу Йоркскому, в котором говорится, что "из-за чумы не хватает священников для совершения таинств"[375]. В статуте 1362 года также говорится о том, что "священники стали очень скудными после моровой язвы, к большому огорчению и угнетению народа"[376].

Это сокращение числа школьных учителей по тем или иным причинам, похоже, продолжалось и в следующем веке. Уильям Байнхэм в прошении, которое он подал королю в 1439 году с целью получить разрешение на основание колледжа в Кембридже для подготовки учителей для грамматических школ по всей стране, заявил, что "на востоке пути между Хэмптоном и Ковентри и не далее Рипона на север не менее семидесяти грамматических школ пришли в запустение из-за нехватки учителей"[377].

Также чрезвычайно вероятно, что Черная смерть внесла значительный вклад в почти полное исчезновение французского языка из школ. Одним из последствий нормандского завоевания было постепенное распространение французского языка в качестве разговорного; после периода моровой язвы использование родного языка английской нации снова стало обычным делом. Об этом прямо свидетельствуют утверждения, содержащиеся в переводе Джона де Тревиза из *"Полихронона"* Хигдена. Показав, что французский язык в свое время был очень распространен в этой стране, поскольку он был общепринятым языком в школах и что дети "джентильменов" обучались этому языку с того момента, как их "ввели в эту колыбель", Тревиза утверждает, что после Черной смерти знание французского языка исчезло настолько, что "теперь дети грамматических школ знают больше французского, чем могут поднять"[378].

Пятнадцатый век стал свидетелем важных изменений в экономическом положении Англии. Наиболее важные из этих изменений были связаны с развитием мануфактур. В конце четырнадцатого века мы узнаем, что шерсть - это "суверенный товар и драгоценность... Англии"[379]; столетие спустя говорится, что "изготовление сукна" было "самым тяжелым занятием и ливнем бедняков этой страны"[380].

Различные законодательные акты того времени свидетельствуют о росте шерстяной промышленности и о тех усилиях, которые предпринимало правительство для ее поддержки и развития. Но хотя производство сукна было самой важной отраслью, оно не было единственной формой промышленного занятия. Еще до конца XV века в Лондоне было налажено производство шелка, в значительных масштабах велась добыча угля, было налажено производство пива, возобновилось изготовление кирпича, производились пушки, прогрессировало кораблестроение[381].

Развитие мануфактур, естественно, повлекло за собой изменения в организации промышленности. Вследствие действия принципа разделения труда возникали новые ремесла, которые, в свою очередь, также подразделялись на другие новые ремесла. Постепенно возникли всевозможные классы индустриального мира - ремесленник, производитель, посредник, купец. В результате проявились "грубые зачатки фабричной

системы", [382] и даже появились следы движения, напоминающего современную забастовку [383].

Эти изменения в промышленной системе неизбежно оказали сильное влияние на сельскохозяйственную отрасль, которая ранее была основным занятием народа. Черная смерть привела к значительному сокращению числа сельскохозяйственных рабочих, в результате чего едва ли можно было найти достаточно рабочей силы для возделывания земли. Нехватка рабочей силы усугублялась тем, что работа в обрабатывающей промышленности для многих оказалась более привлекательным занятием, чем работа на земле. Центральное правительство принимало меры, чтобы заставить людей работать на земле, и даже была предпринята попытка, как мы увидим в следующей главе, помешать сельскохозяйственным рабочим отправлять своих детей в школу. Так, в правление Ричарда II был принят закон, согласно которому любой человек, занимавшийся сельскохозяйственным трудом до двенадцати лет, должен был быть вынужден оставаться в этом занятии до конца своей жизни. [384] Другие акты парламента с аналогичной целью были приняты в 1406 и 1444 гг. [385] Это репрессивное законодательство не достигло своей цели, поскольку продолжался постоянный переток рабочей силы из сельского хозяйства в мануфактуру.

Растущая нехватка рабочей силы естественным образом привела к постепенной замене овцеводства выращиванием пшеницы, чему неизбежно способствовал рост суконной промышленности. Спрос на шерсть со стороны английских производителей сукна возрос настолько, что овцеводство постепенно стало более выгодным, чем обработка земли, и в результате движение за огораживание, начавшееся в последние годы XIV века, достигло такого прогресса, что в XV веке произошло "величайшее из тех сельскохозяйственных изменений, которые в течение нескольких веков охватывали эту страну - переход от земледелия к пастбищному хозяйству" [386].

Еще более важными, чем промышленные изменения, были коммерческие изменения, произошедшие в течение пятнадцатого века. Они возникли в результате развития английской внешней торговли и ее естественного влияния на рост судоходства. Записи того времени показывают, что английские купцы посещали все цивилизованные морские страны Европы, в частности Голландию, Зеландию, Фландрию и берега Балтики. Торговля велась также с Исландией, Испанией, Португалией, странами Южной Европы и, несмотря на Столетнюю войну, с Францией.

Развитие мануфактуры, сельского хозяйства и торговли, естественно, повлекло за собой изменения в финансовой сфере. В раннем Средневековье была распространена система бартера. Такая система не могла сохраниться при новом порядке вещей. Деньги стали использоваться не только для облегчения международного обмена, но и для капиталистических целей, вместо того чтобы накапливаться или использоваться в непроизводительных военных целях.

Эти различные изменения не могли произойти в экономической жизни, не вызвав важных последствий в социальной жизни общества. Одним из наиболее важных из них стало осознание силы богатства. Раньше главным признаком отличия одного человека от другого были звание и родовитость. Если не считать высокого происхождения, церковь была единственным путем, по которому способный человек мог достичь важного положения. В новых условиях обладание богатством оказалось залогом общественного признания, и старые представления о статусе и сословии стали быстро исчезать.

Социальное положение, завоеванное богатыми людьми, естественно, ускорило упадок феодальной системы; крах феодальной системы повлек за собой упадок рыцарства, которое

было тесно с ней связано. Внешне рыцарство продолжало процветать, но турниры, которые теперь проводились, проводились в политических целях, по случаю пышности и шоу, а не с целью подготовки к войне.

Завершающий век Средневековья ознаменовался не только ростом капиталистического класса, но и появлением среднего класса, который был назван "наиболее примечательной чертой в истории социальной жизни Англии конца XIV - начала XV в." [387] Различные изменения в экономических условиях сделали возможным приобретение богатства путем успешной торговли, и существует множество свидетельств того, что купеческий класс был многочисленным и пользовался большим уважением. В социальном плане эти люди, по-видимому, приравнивались к оруженосцам, и, следовательно, "Мерчаунды и Франклонцы, поклонники полные и почтенные, они могут быть посажены за стол оруженосца" [388].

Развитие образования в стране тесно связано с ее социальным и экономическим прогрессом, и необходимо помнить об экономических изменениях XIV и XV веков, если мы хотим правильно понять те изменения в образовании, которые произошли в результате.

ГЛАВА II.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ [389].

Можно проследить быстрый прогресс в интеллектуальной жизни Англии после одиннадцатого века. Среди факторов, способствовавших этому, можно назвать восстановление социального и политического порядка, что привело к большей безопасности, необходимой для интеллектуальной жизни, и влияние крестовых походов. Крестовые походы были не только признаком пробудившейся энергии Европы, но и причиной возросшей интеллектуальной активности и перемен. Участники крестовых походов соприкасались с новыми людьми и новыми идеями, у них появлялись новые интересы, формировалась более человечная концепция мира. Более того, подвиги крестовых походов дали новый материал для исторической литературы и стимулировали романтический элемент в жизни и мысли. Интеллектуальное влияние крестовых походов проявилось во всех областях литературной деятельности; количество написанных книг значительно увеличилось; изучению права, медицины и теологии уделялось больше внимания; проявилась схоластическая философия, и появились университеты. Развитие схоластики и возникновение университетов тесно связаны между собой и имеют особое значение для нашей цели.

Развитие системы мышления, известной как схоластика, можно проследить по предметам, которые преподавались в средневековых школах. Этими предметами были тривиум [390] и более продвинутый квадриум. [391] Обычные учебники той эпохи (главные из которых были основаны на работах пяти авторов - Орозия, Марциана, Боэция, Кассиодора и Исидора) позволяют нам оценить, что было известно об этих предметах обучения. Музыка включала в себя не более чем правила исполнения простых песен; арифметика обсуждалась в основном в связи с мистическим толкованием чисел; геометрия состояла из нескольких предложений

Евклида без демонстрации; астрономия, наряду с арифметикой, попала в учебный план главным образом потому, что эти предметы давали средства для поиска Пасхи.

Тривиум был реальной основой светского образования того периода. Грамматика включала в себя как правила, сформулированные Донатом и Присцианом, так и изучение нескольких классических писателей Древнего Рима. В разделе риторики в основном читались трактаты Цицерона, такие как "De Oratore" и псевдо-цицероновский "Ad Herennium". Часто добавлялись элементы римского права, и все школьники упражнялись в написании прозы или того, что выдавалось за прозу.^[392] Самым заметным и важным из предметов светского обучения была диалектика или логика. В распоряжении изучающего этот предмет был более богатый материал, чем в большинстве других отраслей светского знания. Рашдалл приводит в пример переводы Боэцием "De Interpretatione" и "Categoriae", а также "Isagogy" Порфирия.^[393] Именно эта концентрация на диалектике умов, главным интересом которых было богословие, проложила путь к той философской системе, которая известна как схоластика. Вряд ли можно дать определение схоластики, но ее смысл можно понять, рассмотрев основание, на котором базировались теологические утверждения. В течение нескольких столетий такие утверждения должны были приниматься только на основании авторитета Церкви. К одиннадцатому веку появились еретические взгляды, с которыми едва ли можно было справиться так просто. Стимулирование интеллектуальных интересов, вызванное крестовыми походами, сделало необходимым, чтобы теологические убеждения были тщательно сформулированы и защищались интеллектуальным оружием.

История схоластики делится на два достаточно четко выраженных периода. К первому периоду относятся Ансельм, "последний из великих монашеских учителей", Росцеллин, Вильгельм из Шампо и Абеляр, "истинный основатель схоластической теологии"^[394]. Второй период, продолжавшийся с начала XIII века до эпохи Возрождения, был периодом кульминации схоластической мысли и ее консолидации в систему. К "великим школярам" относятся Альбертус Магнус, доминиканец, которого называют "великим организующим интеллектом Средневековья", Фома Аквинский, известный как ученый, который довел схоластику до ее высшего развития, согласовав аристотелизм с доктринами церкви, и два англичанина, оба из которых были францисканскими монахами, Данс Скотус и Уильям Оккам.

Интеллектуальная деятельность школяров была связана в основном с вопросами интерпретации. Оригинальные исследования практически не проводились. Принятой формой было комментирование Аристотеля или Отцов Церкви, а используемым методом - дискуссии и споры, проводимые в соответствии с признанными логическими методами. Уже в ранний период началось обсуждение вопроса, который считался первостепенным и фундаментальным - природы универсалий. Если говорить коротко, то проблема заключается в следующем: имеют ли универсалии собственное субстанциональное существование, как утверждали реалисты, или же они являются лишь концепциями в разуме, как утверждали номиналисты? Эта философская проблема была связана с такими вопросами, как реальность Церкви, государства, Троицы, таинств. Была ли Церковь "реальностью", или это просто имя определенных людей, которые исповедовали определенную верность? Было ли государство "реальностью" или просто названием? Подобные вопросы служат иллюстрацией страстного интереса, который проявлял к этому вопросу средневековый ученый мир.

Именно под влиянием этого интереса к диалектике некоторые школы, связанные с соборами или монастырями, стали знаменитыми в конце XI - начале XII века. Среди них видное место занимал Париж, поскольку репутация его мастера, Вильгельма из Шампо, привлекала к нему

ученых со многих концов света. Абельяр был одним из учеников, привлеченных в Париж славой его школы, но вскоре он открыто выступил против учения его мастеров и решил открыть школу для себя. Из-за принципа лицензирования школ и преподавателей это было трудновыполнимым делом, но трудности были временно преодолены, и впоследствии Абельяра находят в качестве заместителя магистра Соборной школы. Возникли новые трудности, и Абельяр возобновил обучение, на этот раз у Ансельма в Лаоне. Позже он вернулся в Париж и читал лекции в качестве уполномоченного мастера в школах Нотр-Дам. Его репутация быстро распространилась, и Абельяр стал верховодить в интеллектуальной столице Европы. В 1118 году произошло его стремительное и ужасное падение, вызванное связью с Гелуизой. Все попытки, которые он предпринимал после этого, чтобы восстановить свое положение, наталкивались на яростное и неумолимое сопротивление, особенно со стороны Бернара из Клерво. Дважды он был осужден за ересь, в 1121 и 1141 годах; его преследования были вызваны не столько определенными еретическими взглядами, сколько общим духом и методом его учения. Абельяр может считаться лучшим выразителем своего времени того метода, который применяет проверку разума ко всем устоявшимся убеждениям и мнениям. Хотя он потерпел личное поражение на Сенском соборе, движение, связанное с его именем, продолжалось.

В это время действовали силы, которые стремились сделать Париж одним из важнейших городов трансальпийской Европы; поэтому поток студентов-пилигримов в Париж, начавшийся во времена Абельяра, продолжался по крайней мере полтора века.^[395] В это время также повсеместно распространилась тенденция к объединению тех, у кого были общие интересы, в некую форму "гильдии". Поэтому вполне естественно, что везде, где встречалось скопление мастеров или учеников, вскоре возникала необходимость в какой-то форме организации, которая служила бы для защиты их общих интересов. И хотя эти организации возникали без каких-либо прямых разрешений, именно из таких начал и возникли университеты Средневековья. Таким образом, обстоятельства, способствовавшие формированию средневекового университета, были двоякими: (1) существование соборной или монастырской школы, достигшей известности, и (2) образование гильдии, состоящей либо из магистров, либо из студентов, либо из тех и других. Особые обстоятельства привели к выбору первоначальных университетских центров. Одним из таких обстоятельств была специализация обучения того времени. В определенной местности накапливалась масса знаний и традиций по вопросам, представляющим интерес для человека и необходимым для его благополучия. Студенты, желавшие овладеть этими знаниями, притягивались к этому месту. Так, школы в Болонье превратились в специализированные юридические школы примерно с 1100 по 1130 год; Салерно прославился изучением медицины; Париж стал главным центром схоластической философии.

Однако следует отметить, что термин "universitas" не был общепринятым обозначением одной из высших школ; самым ранним специализированным названием было "studium" или "studium generale" - термин, который Денифль проследил еще в 1233 году. Вначале не существовало никаких ограничений на создание где бы то ни было "studium generale", но ко второй половине XIII века этой неограниченной свободе пришел конец. Постепенно распространилась идея, что создание новых "studia generalia" является папской или императорской прерогативой; так, в 1224 году император Фридрих II основал "studium generale" в Неаполе; в 1229 году Григорий IX учредил ее в Тулузе, а в 1244 или 1245 году Иннокентий III основал "studium generale" при самом Папском дворе.^[396] В 1292 году даже старые университеты - Болонский и Парижский - получили официальное признание своего существования буллами Николая IV. "С этого времени постепенно утвердилось мнение, что

"*jus ubique docendi*" является сущностью "*studium generale*" и что ни одна школа, не обладающая этой привилегией, не может получить ее без буллы императора или папы"[397].

Переходя к вопросу о происхождении Оксфордского университета, можно отметить, что, хотя многие мифы относят существование университета к очень раннему периоду истории страны, на самом деле Оксфорд стал известен как центр обучения только в двенадцатом веке. Самое раннее упоминание о существовании какой-либо школы в Оксфорде относится к десятилетию 1110-1120 годов, когда Теобальд из Этампа описывается как "магистр искусств в Оксфорде".[398] По всей видимости, Турстан, архиепископ Кентерберийский, обратился к Теобальду с вопросом, могут ли монахи законно присваивать церкви и десятину. Он ответил отрицательно на том основании, что монах - это человек, удалившийся от мира, и "избрав монашескую привычку и отбросив мир, он признал себя недостойным сана епископа"[399]. Это вызвало анонимный ответ, в котором, кстати, содержится утверждение, что Теобальд занимал схоластическую должность некоторой важности. "Ты сам, ничтожество, не говорят ли, что ты обучал в качестве мастера шестьдесят или сто клерков, больше или меньше?"[400] Это заявление подтверждает гипотезу о том, что школы в Оксфорде, должно быть, процветали в то время.

Новую эпоху в развитии Оксфорда можно проследить с 1135 года, когда там читал лекции богослов Роберт Пуллен.[401] Затем, в период между 1145 и 1150 годами, юрист Вакарий, "лангобард по происхождению, праведный человек и юрист", преподавал римское право где-то в Англии.[402] В то или иное время он также преподавал в Оксфорде и, как утверждается, был первым, кто преподавал римское право в этом городе.[403] Университет должен считаться полностью существующим к 1189 году, поскольку Гиральдус Камбрэнсис читал там лекции об "Ирландии" "всем докторам различных факультетов и тем из их учеников, кто был более известен или знаменит" в один день, и "остальным ученым" в другой.[404] После этой даты ссылки многочисленны и неоспоримы.

Для объяснения возникновения "общей школы" в Оксфорде были выдвинуты две основные теории. Одна группа авторов[405] связывает его происхождение с той или иной монастырской школой в Оксфорде. По аналогии с происхождением европейских университетов, которые считаются "первичными", они предполагают, что церковь была приемной матерью университета, и что самыми ранними школами были те, что были связаны со святым Фридесвидом и аббатствами Осеней и Эйнешем. Другая теория (выдвинутая Рэшдаллом) связывает возникновение университета в Оксфорде с переселением из Парижа, которое, как предполагается, произошло в 1167 году или около того. В поддержку этой гипотезы указывается, что около этой даты Генрих II. (который в то время был вовлечен в конфликт со своим архиепископом Томасом Бекетом) потребовал, "чтобы все ученые были вынуждены вернуться в свою страну или были лишены своих благодеяний"[406] Рэшдалл также указывает, что с этого времени мы слышим о проповедях, прочитанных специально для "клерков из разных частей Англии"[407].

Обе эти теории не выдерживают критики. Доказательства в пользу миграции основаны на ряде предположений; если миграция такого характера действительно имела место, трудно объяснить молчание всех английских летописцев о событии, которое должно было поразить воображение; нет никаких записей о клерке, покинувшем Париж в связи с эдиктом, или о клерке, отправившемся из Парижа в Оксфорд. С другой стороны, следует признать, что теория постепенного развития также не терпит возражений. Она туманна и неопределенна в отношении деталей роста "общей школы"; не дается авторитетного объяснения независимому положению ранних оксфордских магистров и их свободе от непосредственного церковного контроля.

Вопрос об отношениях университета с Церковью требует тщательного рассмотрения. Многое зависит от того, какая версия происхождения университета будет принята. Если утверждать, что с момента своего возникновения он находился под церковным надзором, то трудно объяснить тот дух независимости, который проявлялся в период, непосредственно предшествовавший легатскому ордонансу 1214 года. Однако этим указом церковный контроль был определенно установлен; ученые были подчинены юрисдикции Церкви, и была учреждена должность канцлера - вероятно, чтобы обозначить подчинение магистров епископальному контролю[408].

Поначалу канцлер университета был всего лишь представителем епископа, обладая лишь теми полномочиями, которые ему делегировали. Пока Роберт Гроссетесте был епископом Линкольна, отношения между университетом и епископом были наиболее гармоничными. Однако вскоре после его смерти между двумя властями начались споры.[409] Подробности конфликта можно здесь не описывать, важно отметить лишь то, что в связи с этим спором канцлер (хотя теоретически он был представителем епископа) стал отождествляться с интересами университета. Четыре года спустя мы видим, что канцлер осуществляет право отлучения от церкви под свою ответственность, и это право было впоследствии подтверждено архиепископом Кентерберийским.[410] Архиепископ также принял участие в роли канцлера в споре по поводу осуществления некоторых привилегий, который возник между университетом и епископом в 1280 году; епископ был практически вынужден уступить по всем спорным вопросам. С этого времени канцлер на практике был независим от епископа.[411] Последний этап борьбы между епископом и университетом связан с вопросами, возникающими в связи с подтверждением избрания канцлера. Впервые этот спор возник в 1288 году и повторялся при последующих выборах. Окончательно вопрос был решен в 1368 году, когда Папа Римский постановил, что подтверждение канцлерства епископом Линкольна может быть отменено.[412] С тех пор Оксфордский университет обладает правом избирать и утверждать свою высшую честь без обращения к какой-либо церковной власти.

Важное событие в истории университета произошло в 1209 году. Убийство женщины одним из ученых привело к тому, что двое или трое из них были повешены горожанами с молчаливого согласия короля. "После этого почти 3 000 клерков, магистров и ученых покинули Оксфорд, не осталось ни одного человека из всего университета. Некоторые из них отправились изучать гуманитарные науки в Кембридж, некоторые - в Рединг, но город Оксфорд остался пустым"[413] Оксфорд оставался практически без ученых до 1213 года, когда горожане смирились, чему способствовало подчинение короля Иоанна Папе. Рэшдалл утверждает, что ордонансы, изданные папским легатом в 1214 году, стали первым официальным признанием университета, дошедшим до нас[414].

К этому времени Оксфорд стал признанным центром обучения и достиг такого значения, что его мнение по спорным вопросам высоко ценилось. Так, в 1252 году Генрих III передал на рассмотрение университета спорный вопрос между Рэли, епископом Норвича, и им самим; архиепископ Бонифаций Кентерберийский отправился в Оксфорд в 1252 году, чтобы донести до университета информацию о поведении епископа Винчестерского, дабы благодаря влиянию университета эта новость распространилась по всему образованному миру.

Переходя к Кембриджскому университету, мы обнаруживаем, что его происхождение также вызывает сомнения. Здесь снова выдвигаются две теории: одна поддерживает идею постепенного развития, другая основывает происхождение университета на миграции из Оксфорда.

Самое раннее упоминание об университете в Кембридже относится к 1231 году. В том году Генрих III направил шерифу Кембриджа сообщение, в котором уполномочил его принять меры в случае "различных беспорядочных и неисправимых клерков"... а также "различных преступников под видом клерков, выдающих себя за тех, кем они не являются"[415]. Существуют также свидетельства того, что в 1276 году епископ Эли определил юрисдикцию канцлера Кембриджского университета, архидиакона Эли и директора гимназии[416].

Ранняя история Кембриджского университета, как и история его сестринского университета, - это в основном история споров, вражды между горожанами и бюргерами, ссор между враждующими "нациями", споров, возникающих из-за беспорядков среди студентов, и борьбы за независимость от церковного контроля. Последняя из них - единственная, которая касается нас, но поскольку этот вопрос так подробно рассмотрен в другом месте[417], здесь достаточно отметить, что рост свободы от епископального надзора происходил в Кембридже медленнее, чем в Оксфорде. Только в конце XIV века епископ Ели был лишен права решать внутренние споры между ректором и магистрами, между различными факультетами и рассматривать апелляции ректора, и только в 1432 году университет стал полностью независимым от прямого контроля церкви.

В этой главе мы привели различные гипотезы, которые были выдвинуты для объяснения происхождения английских университетов. Какую бы гипотезу мы ни приняли, важным фактом является то, что в этой стране постепенно вырос класс учителей, и что эти учителя под влиянием гильдейского духа, который был особенно силен в двенадцатом веке, в конечном итоге сформировались в гильдию, которая стала достаточно сильной, чтобы получить признание. Невозможно указать на какой-либо определенный устав или документ, на основании которого это было сделано; только после того, как университет стал реально существовать и принимать в свои ряды тех учителей, которых он считал квалифицированными для поступления, мы имеем реальные свидетельства его существования.

Развитие университетов имело три важных последствия, если говорить о предмете данного исследования.

(1) Лицензирование преподавателей вышло из-под контроля Церкви и было передано университетам. С общим признанием университетов лицензия на преподавание, которая считалась ценной, выдавалась университетом, а не епископом или ректором собора. Интересно отметить, что право присваивать ученые степени, которым сейчас обладает архиепископ Кентерберийский, - это пережиток прежнего права выдавать признание преподавателям в епархии Кентербери.

(2) Богословские школы канцлера постепенно прекратили свое существование, поскольку богословское преподавание в университетах стало развиваться. Поскольку специализированное преподавание сосредоточилось в университетах, а требования к времени канцлера становились все более настойчивыми в связи с увеличением объема работы собора и епархии, а также в связи с тем, что преподавательская функция канцлера постепенно терялась из виду, богословские школы канцлера становились все менее и менее значимыми, пока, наконец, не стало возможным проследить какие-либо реальные признаки их существования.

(3) Университеты, а не Церковь, стали признаваться центром интеллектуальной деятельности страны. Как мы уже показали, церковь изначально считалась хранительницей всех интересов, которые можно считать интеллектуальными. "Религия и литература" считались тождественными; постепенно проявился принцип разделения труда, и Церковь осталась

заниматься своими духовными функциями, оставив другим заботу о тех вопросах, которые можно считать относящимися исключительно к развитию интеллектуального благосостояния человека.

ГЛАВА III.

ГИЛЬДИИ И ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ.

На раннем этапе развития английской нации проявилась тенденция к тому, что люди, имеющие общие интересы, объединялись в своеобразные клубы или ассоциации. К таким объединениям был применен термин "гильдия". Мистер Тулмин Смит утверждает, что ранние английские гильдии возникли с целью объединения всех классов, оказания помощи нуждающимся и продвижения объектов общего благосостояния. Эти гильдии были вдохновлены религиозными мотивами и тесно связаны с церковью.^[418] Первые три английские гильдии, о которых сохранились записи, - это гильдии в Абботсбери,^[419] Эксетере и Кембридже. Самое раннее доступное изложение целей гильдий относится к 858 году, когда архиепископ Реймский, рассказывая о гильдиях Франции того времени, утверждает, что они "объединяются для приношений, для взаимопомощи, для похорон умерших, для милостыни и для других дел благочестия"^[420] Число этих объединений быстро росло. Брентано утверждает, что в одно время в Средние века в Норвиче и Линне было двенадцать гильдий соответственно. Галлиенус насчитывает 80 гильдий в Кельне, Мелле - около 70 в Любеке, а Стафорст - более 100 в Гамбурге.^[421] Гильдии были настолько многочисленны и являлись столь заметной характеристикой общественной жизни того периода, что не стоит удивляться, если преувеличенные заявления об их численности были сделаны. "В Норфолке, самом густонаселенном графстве Англии, Тейлор, как утверждают, насчитал не менее 909 гильдий, а в одном только Лайм-Реджисе - 75"^[422].

Важно помнить, что наиболее заметной характеристикой гильдий был религиозный элемент. На самом деле невозможно представить себе какую-либо социальную организацию, которая была бы полностью отделена от религии, существовавшей в это время. Хартшорн утверждает: "Независимо от того, какова была конкретная *цель существования* любой гильдии, она обязательно имела религиозный аспект. У каждой был свой покровитель, в честь которого жгли свечи. Целью некоторых была помощь бедным ученым, содержание школ или оплата труда школьных учителей, представление религиозных спектаклей, как, например, в наши дни в Обераммергау в Южной Баварии, или ремонт дорог и мостов. В гильдиях фритов существовали правила помощи братьям-гильдиям в любых нуждах. В уставах английских гильдий часто упоминаются ссуды, выданные нуждающимся братьям с одним лишь условием: ссуда должна быть возвращена, когда в ней больше не будет нужды"^[423].

Прежде чем перейти к рассмотрению образовательного значения гильдий, мы можем для удобства упомянуть два последующих развития гильдейского движения - гильдию-купечество и гильдию ремесленников.

В годы, последовавшие за Завоеванием, важнейшие города Англии сильно пострадали, отчасти из-за военных действий, а отчасти из-за политики строительства замков, связанной с английскими королями нормандского периода. Однако, как только власть норманнов прочно установилась, в стране воцарился внутренний мир, какого не было прежде; города, соответственно, быстро развивались, и в одном торговом центре за другим появлялись купцы-золотопромышленники[424].

Купец-гильд возник по причинам, сходным с теми, которые привели к появлению религиозных и социальных гильдий. Существовало сознание общности интересов и общей цели, которая могла быть достигнута более эффективно путем сотрудничества. Мы не ставим перед собой задачу критически исследовать происхождение купеческих гильдий, поэтому нам достаточно просто констатировать, что их история восходит к корпорациям купцов и ремесленников, существовавшим в Риме при Нуме Помпилии и называвшимся "коллегиями" или "corpora orificum et artificum"[425]. Во Франции первая гильдия была образована в 1070 году и возникла с целью защиты свободных горожан от притеснений знати. Постепенно их число росло, а с ростом их числа цели становились все более определенными, и сложился обычай, согласно которому гильдия должна была получить официальное признание от признанных властей. Так, парижские торговцы образовали "Ганзу маршанов Воды", и привилегии, на которые они претендовали, были подтверждены Людовиком VII в 1170 году.

Первое целенаправленное упоминание о торговце позолотой в Англии относится к 1093 г.[426] Общая линия развития, по-видимому, заключалась в том, что такие ассоциации постепенно возникали в различных центрах; они определяли свои цели, требования и исключительные привилегии, которых они желали. Когда представлялась благоприятная возможность, они добивались от короля или других лордов выдачи хартии, необходимой для юридического признания. Генрих I., по-видимому, был первым королем, который систематически выдавал такие хартии; во время правления Генриха II, хартии были получены многими главными городами страны, в частности Бристолем, Даремом, Линкольном, Карлайлом, Оксфордом, Солсбери и Саутгемптоном; в каждой из этих хартий признание купца-золотопромышленника было важной особенностью.[427] Эшли пишет: "Несмотря на скудость свидетельств, существование купеческой гильдии может быть определенно доказано в 92 городах из 160, представленных в то или иное время в парламентах Эдуарда I. Ни одно значительное имя, за двумя исключениями, а именно Лондон и Синк-Портс, не отсутствует в этом списке. Невозможно не прийти к выводу, что каждый город, вплоть до тех, которые были не более чем деревнями, имел свою купеческую гильдию. Этот факт сам по себе достаточен, чтобы доказать, какую огромную роль она должна была играть в городской жизни того времени"[428].

Третий тип гильдий - ремесленные гильдии - начинает появляться в начале двенадцатого века. С течением времени эти гильдии становятся все более многочисленными. В тринадцатом веке они становятся обычным элементом промышленной жизни. Обстоятельства, которые привели к возникновению гильдий такого рода, до сих пор вызывают споры. Популярна точка зрения, что гильдии-купечества возникли, прежде всего, для того, чтобы обеспечить себе защиту от феодалов. Постепенно они стали исключительными, что привело к необходимости создания ремесленных гильдий для защиты общих интересов тех, кто занимался ремеслом, в противовес интересам тех, кто был заинтересован в продаже произведенных товаров.

Эшли указывает на трудности, связанные с этой теорией,[429] и предлагает альтернативную гипотезу. Он утверждает, что первоначально членство в городском собрании было связано с владением земель в черте города, а членство в гильдии купцов было практически идентично

гражданству. Со временем в городе появился класс безземельных жителей, которые, соответственно, не могли считаться бюргерами, а значит, не могли быть приняты в гильд-купечество без уплаты взносов. Некоторые из них становились ремесленниками. Тот же дух общности интересов, который породил религиозные гильдии и гильдии-купечества, побудил бы ремесленников к созданию собственной гильдии[430].

Первыми ремесленными гильдиями, которые попали в поле зрения, были гильдии ткачей; лондонские ткачи датируют свой устав временем правления Генриха I. До 1130 года существовали гильдии ткачей в Лондоне, Линкольне и Оксфорде[431].

Подобно тому, как купцы-гильдии получили юридическое признание своего существования, так и ремесленные гильдии со временем получили признание короля, а те гильдии, которые не были уполномочены, были прокляты как "прелюбодейные". Однако, судя по всему, не было предпринято никаких попыток насильственно ликвидировать гильдии прелюбодеев.

Единственным определенным положением, содержащимся в этих хартиях признания, было то, что никто в пределах указанной территории не должен следовать ремеслу, если он не является членом гильдии. Это положение, однако, подразумевало наложение условий членства и общую власть надзора за членами ремесла.

В данной диссертации мы рассматриваем только образовательное значение гильдий, поэтому нам нет необходимости обсуждать их экономические аспекты. Однако интересно отметить, что социальная ценность этих гильдий пережила их экономические функции. С экономической точки зрения они начали деградировать в XIV веке. Они возникли в ответ на импульс, вызванный смутным ощущением ценности объединения в корпорации; против этого духа выступило чувство индивидуализма, особенно проявившееся во времена Реформации, и в конце концов победило.

Система гильдий имела большое значение с точки зрения образования. Мы можем отметить, что дух гильдий проявлялся среди учителей. Они объединялись в ассоциации. Постепенно они устанавливали условия членства в своем органе. Со временем юридическое признание было получено от папы, императора или короля, и зародыш университета постепенно получил всеобщее признание. "Возникновение университетов, - говорит Рашдалл, - было всего лишь волной того великого движения к ассоциации, которое начало охватывать города Европы в течение одиннадцатого века".

Далее мы можем отметить, что описанные нами гильдии оказались средством, с помощью которого растущее общественное сознание нации проявляло интерес к образованию. Термин "общественное сознание" является расплывчатым и может иметь различные определения. Истоки этого явления могут быть прослежены до стадного инстинкта, когда возникающее сознание является всего лишь "сознанием рода", по выражению профессора Гиддингса. Более высокая стадия развития достигается, когда отдельный член группы осознает, в каких отношениях он находится с другими членами группы, вместе с осознанием обязанностей, которые эти отношения подразумевают. Еще более высокая степень развития общественного сознания достигается, когда группа в целом осознает, что она обладает социальными обязанностями и ответственностью.

Можно выделить четыре стадии роста национального общественного сознания. Первая - это стадия, когда индивид заботится только о себе, вторая - когда признаются требования семьи, еще более высокая - когда осознается долг перед социальной группой, четвертая - когда формируются общественные организации для более эффективного выполнения социальных обязанностей.

Самыми ранними из этих социальных организаций по времени - и самыми важными с точки зрения образования - были социальные гильдии. Эти гильдии, как мы уже показали, были по сути религиозными. Они были проявлением того, что можно назвать "демократическим религиозным импульсом". Термин, конечно, неуклюжий, но он обозначает исходящее от людей желание выполнять религиозные обязанности в отрыве от официальных требований церкви. В широком масштабе мы можем видеть эту силу в движениях, инициированных Святым Франциском Ассизским и Святым Домиником, или, если взять более свежий пример, в методистском возрождении в Церкви Англии. Возвращаясь к нашему периоду, мы видим, что мужчины и женщины, движимые духом объединения, объединялись в гильдии, чтобы эффективнее выполнять свои религиозные и социальные обязанности. Особенно хочется отметить, что в некоторых случаях эти обязанности включали в себя обеспечение образования молодежи.

Пока невозможно определить, в какой степени эти социальные гильдии обеспечивали образование, но вполне вероятно, что они сделали для образования гораздо больше, чем принято считать. Выяснить, что именно было сделано, можно, изучив отчеты, которые составлялись при роспуске гильдий. Изучив эти записи, мы пришли к выводу, что после создания ассоциации или гильдии для определенных целей общий метод процедуры заключался в том, что члены гильдии вносили определенные платежи, чтобы обеспечить услуги одного или нескольких священников, которые должны были посвятить себя выполнению целей, которые ставила перед собой гильдия. Эти цели часто включали в себя содержание школы.

Мы можем проиллюстрировать это, рассмотрев имеющуюся информацию[432] о гильдии Календарс, Бристоль. В 1318 году епископ Глостерский провел инквизицию относительно прав и привилегий этой гильдии. В отчете уполномоченных говорится, что "начало братства превосходит человеческую память", и было установлено, что оно существовало еще до Завоевания. Ранее гильдия называлась "Гильдия или Братство общины духовенства и народа Бристоля" и получила лицензию от кардинала-легата Гуало в 1216 году. Среди прочих дел, выполняемых этим объединением, упоминается содержание "школы для евреев и других чужестранцев, которые должны были воспитываться и обучаться христианству под началом указанного братства"[433] Здесь установлен тот факт, что гильдии, помимо церквей, считали себя ответственными за образование, по крайней мере, уже в XIII веке.

Мы также можем рассмотреть гильдию Палмерс, которая была основана в 1284 году. Эта гильдия содержала "начальника, 7 священников, 4 сингинга, двух дьяконов, сикс кверистов, ... 32 поры альмесов", а также школьного учителя для преподавания латыни[434].

В качестве дополнительных примеров школ, которые были основаны при содействии гильдий, можно привести школу в Малдоне, которая, как предполагается, была основана братством Успения Богородицы,[435] и школу в Рэли, которая была основана гильдией Троицы в 1388-9 гг.[436] В сертификате, относящемся к этой гильдии, говорится, что "земли были отданы в аренду различными и разными лицами, чтобы найти священника ... для обучения свободной школы, чтобы обучать молодежь. Который приморский город Роли - очень большой и многолюдный"[437] Эти примеры наглядно демонстрируют демократическую оценку образования, а также то, что среди целей, ради которых люди объединялись в добровольные ассоциации, было предоставление возможностей для получения образования.

Мы переходим к важной теме, когда рассматриваем работу гильдий-купеческих и ремесленных гильдий. Если мы сможем проследить какую-либо образовательную деятельность со стороны этих объединений, то сможем проследить истоки интереса к образованию со стороны гражданских общин и организованного труда соответственно.

Хотя ошибочно считать, что гильд-купец тождественен муниципальным властям, но, как отмечает Гросс, разница между ними была едва заметна. Теперь, если мы можем показать, что в некоторых случаях гильдии-купечества поддерживали школы, то мы продемонстрировали заинтересованность гражданской общины (помимо деятельности церкви) в вопросах образования. Единственный конкретный случай, когда гильд-мерчант проявлял интерес к образованию, который нам удалось найти, - это случай гильд-мерchants Йорка. В грамоте кантри города Йорка говорится, что "губернатор и кеперы мистерии купцов Йоркской гильдии" участвовали в основании больницы, одной из целей которой было содержание "двух бедных сколеров"[438].

Наша трудность в рассмотрении этой темы связана с тем, что "основатель" школ, упоминаемый в имеющихся документах, очень часто не является их настоящим основателем. Именно по этой причине Эдуард VI, королева Мария, королева Елизавета и другие считались основателями школ, которые в действительности не могут быть им приписаны. В случае с гильдиями мы находим имена определенных лиц, упоминаемых в качестве основателей различных благотворительных трастов, без четкого указания на то, что они действовали просто как представители ассоциации.

Таким образом, мы вынуждены рассматривать все цели благотворительного траста, о котором идет речь. Если упомянутые цели в основном религиозные или элементарные, то вполне вероятно, что созданный траст был церковным по своему происхождению, но если эти характеристики не присутствуют определенно, или если цели, указанные в трасте, включают обязанности, которые должны составлять часть обязанностей муниципалитета, то мы считаем, что гильдия должна быть отнесена к муниципальным гильдиям.

В связи с этим мы можем рассмотреть свидетельство о гильдии для города Висбех, одно из самых полных и исчерпывающих свидетельств о гильдии, которое могло бы послужить образцом для других, кому вменялось в обязанность составлять такие отчеты. Отвечая на вопрос об основателе гильдии, грамота сообщает, что гильдия была основана в правление Ричарда II некими клерками, чьи имена указаны "с другими мо". Последняя фраза очень важна, поскольку позволяет сделать вывод о том, что гильдия была создана горожанами, но духовенство, как естественные лидеры общины, первым приложило свои имена к документу.

Цели гильдии, указанные в этой декларации, можно кратко изложить следующим образом.

- (1) Сохранение богослужения.
- (2) Молитва за души усопших верующих.
- (3) Содержание гимназии.
- (4) Помощь бедным.
- (5) Содержание богадельни.
- (6) Ремонт церкви.
- (7) Содержание дамб "для безопасности этого города и 14 других городов"[439].

Здесь мы имеем эффективное перечисление обязанностей муниципальной власти, а если принять во внимание дату основания гильдии и отсутствие какого-либо законодательства, обязывающего выполнять подобные задачи, то указанные обязанности указывают на высокую степень социальной ответственности, достигнутую в Висбече к этому времени. Таким образом, мы можем сделать вывод, что гильдия в Висбехе была не просто религиозным объединением, преследовавшим чисто духовные цели, а объединением гражданского общества для муниципальных нужд. То, что эти цели включали в себя определенные религиозные функции, не вызывает удивления. Религия в Средние века была теснее переплетена с жизнью народа, чем в наши дни.

Гильдия, существовавшая в Стратфорде-на-Эйвоне, по-видимому, также была гильдией граждан. Ее происхождение можно отнести к дате более ранней, чем 1295 год. В возвращении к прокламации шерифа в 1389 году говорилось, что гильдия была основана в незапамятные времена. Дела гильдии управлялись двумя надзирателями, которые избирались членами. Основными целями гильдии, по-видимому, были содержание священников для совершения богослужений и содержание грамматической школы[440].

Свидетельство о церковной службе в городе Вустер еще больше подтверждает утверждение о том, что муниципальные власти содержали школу. Упомянутая грамота была подписана мастером гильдии, двумя судебными приставами города, олдерменом, горожанином и двумя управляющими гильдии. Примечательно, что ни один церковнослужитель не поставил свою подпись. Кроме того, школа, содержащаяся в гильдейском зале города и, судя по всему, была успешной, поскольку в ней обучалось более 100 человек. Это возвращение, в сочетании с тем фактом, что Вустер был кафедральным городом, вызывает несколько интересных моментов, которые, как мы надеемся, будут прояснены в ходе будущих исследований. От кого исходила необходимая власть для создания школы? Была ли школа результатом спора между городскими и церковными властями, как школа в Эксетере в XVII веке? *Prima facie*, факты, безусловно, указывают в этом направлении[441].

Мы привели случай с этими тремя гильдиями, чтобы поддержать утверждение о том, что муниципальные власти начали осознавать, что их обязанность - обеспечивать образование. Полное исследование этого вопроса может быть проведено лишь постепенно, по мере изучения различных муниципальных документов с этой целью. Однако мы можем отметить, что "Гильдии Святой Троицы и Святого Георгия" в Уорике отвечали за существование Уорикской школы,[442] что бюргеры Ковентри, похоже, содержали школу,[443] что грамматическая школа в Ипсвиче была основана муниципалитетом,[444] что городские власти в Бридженорте отвечали за школы,[445] и что школа в Плимуте была основана корпорацией[446].

Остается рассмотреть деятельность ремесленных гильдий в сфере образования. Мы видим, что в Шрусбери гильдии драпировщиков, мерсеров, шерменов, сапожников, портных и ткачей содержали по одному священнику в церкви Святой Марии, Святого Чада или Святого Юлиана. По аналогии с другими случаями мы предполагаем, что эти священники выступали в роли школьных учителей для детей членов ремесленных гильдий[447].

Новое направление было учреждено, когда преуспевающий член ремесленной гильдии завещал ей деньги на основание школы в определенном месте. Так, в 1443 года Джон Аббот сделал Ремесло Мерсеров попечителем школы, которая должна была быть основана в Фартингхоу в Нортгемптоншире.[448] Школа в Ланкастере была основана в 1469 году Джоном Гардинером, бургомистром и, вероятно, мельником из Ланкастера.[449] В 1487 году сэр Эдмунд Шоу или Ша "цитезен голдсмит и олдермен и покойный мэр лондонского города"

передал деньги Компании голдсмитов для создания и содержания грамматической школы в Стокпорте.^[450] Затем, в 1505 году, другой лорд-мэр, сэр Бартоломью Рид, основал по завещанию школу в Кромере и также назначил Компанию голдсмитов попечителями.^[451]

Общий вывод, который мы можем сделать из этих примеров, заключается в том, что ценность образования осознавалась все больше и больше, а обязанность обеспечивать образование перестала считаться исключительно функцией церкви. Это не означает, что существовала идея, что образование не считалось чем-то, что должно быть тесно связано с Церковью, но, скорее, возникла и развилась идея, что организации, представляющие муниципалитет и ремесла соответственно, также несут ответственность за обеспечение образования молодежи.

Помимо обеспечения школ, гильдии были важной образовательной силой и в других направлениях. Они представляли собой одно из важнейших агентств по разрушению социальной исключительности и "передаче общественных манер и идеалов от более узкого круга к более широкому". По мере увеличения числа гильдий росло их богатство и значение. Они строили залы, которые служили внешним свидетельством занимаемого ими положения. Временами в них выступали короли и другие магнаты королевства, а также принимали в почетные члены знатных особ. Гильдии также способствовали развитию музыки и драматического искусства. В Англии существовало несколько гильдий^[452], целью которых было развитие интереса к музыке. Общей чертой гильдий было исполнение драматических представлений.

Членство в гильдиях также служило подготовкой к выполнению гражданских и общественных обязанностей, поскольку члены таких организаций вступали в тесную связь с более широким кругом, чем это позволяли их собственные индивидуальные интересы, и должны были принимать участие в ведении дел гильдии. Примечательно, что гильдии были организованы на социальной основе, и женщины принимались в члены купеческих и ремесленных гильдий, а также общественных и религиозных гильдий. Так, в Кингстоне Гильдия Пресвятой Девы Марии была основана в 1357 году 10 мужчинами и 13 женщинами,^[453] а Гильдия Корпуса Кристи, основанная в том же городе в 1338 году, включала 18 женщин среди 43 основателей.^[454] Сыновья и дочери этих основателей могли быть приняты в гильдии без инициации.^[455] В Ковентри в уставе гильдии купцов упоминаются имена как женщин, так и мужчин.^[456]

Можно упомянуть еще один момент, который был описан как "самая важная образовательная услуга гильдий". Эта услуга заключалась в развитии системы ученичества. Изначально ученичество было всего лишь частным контрактом между человеком и его будущим мастером. С развитием гильдий стали издаваться правила, определяющие условия такого ученичества, *например*, мастер-ремесленник мог обучать своему искусству сколько угодно членов своей семьи, но мог иметь только одного ученика. Кроме того, с самого начала подмастерье находился под особой защитой гильдии, которая была практически апелляционным судом в случае серьезной жалобы со стороны подмастерья. Однако, как бы ни была важна эта тема, дальнейшее ее рассмотрение вывело бы нас за рамки специального исследования.

ГЛАВА IV.

КАНТРИ.

Одной из характерных черт церковной жизни этой страны в XIV и XV веках было учреждение канцелярий; известно, что в общей сложности в этот период их было основано около 2 000. Поскольку священники-кантри играли важную роль в обеспечении образовательных учреждений в Англии, тема канцелярий требует тщательного рассмотрения.

Шантри можно определить как фонд, предназначенный для обеспечения священника, который ежедневно молится, в первую очередь, за душу основателя, а во вторую - за души всех христиан. Самые ранние случаи признания канцелярий таковыми относятся ко второй половине XIII века. В "Taxatio папы Николая" упоминаются только два: один был основан Хью из Линкольна, который умер в 1225 году, а другой существовал в Хатертоне в графстве Уорик. Этот обычай постепенно распространялся, но стал общепринятым только в XV веке, когда число подобных заведений значительно увеличилось[457].

Идея возносить молитвы за души усопших верующих была не нова. Эта практика, по крайней мере, столь же стара, как и учреждение христианской веры, и является обычаем, который совершенно естественен для тех, кто верит в бессмертие души и состояние будущего личного существования. Кроме того, "с незапамятных времен" в религиозных домах и других церковных учреждениях регулярно возносились молитвы за души основателей. Список жертвователей и благотворителей тщательно хранился, и за них возносились молитвы о благе при жизни и об упокоении души после смерти. Так, "Catalogus Benefactorum" монастыря Сент-Олбанс с подробным описанием каждого пожертвования до сих пор хранится в Британском музее.[458] Отличительным признаком хантерии было то, что она была основана с явно эгоистичной целью - выделить финансовые средства, чтобы обеспечить молитвы других людей о будущем благополучии души основателя.

Но хотя эта эгоистичная и личная цель, возможно, и была доминирующей в случае некоторых фондов, все же вероятно, что она не была единственной целью большинства этих учреждений. Главное, что следует помнить, - это похвальное желание увековечить память о себе, особенно если мемориал будет иметь форму, которая принесет пользу обществу. В четырнадцатом и пятнадцатом веках преобладающим способом сделать это было создание костела.

Пытаясь исследовать причины, по которым были основаны капеллы, мы с самого начала сталкиваемся с трудностями. В лицензии in mortmain, с помощью которой разрешалось выделять земли для содержания священника костела, почти никогда не упоминается какой-либо другой объект для мемориала, кроме самого костела, в то время как статуты основания, в которых более конкретно перечисляются цели основателя, появляются очень редко.

Пример поможет понять это. В 1414 году Лэнгли, епископ Даремский, выдает себе епископскую лицензию, разрешающую основать костел, который он хотел закрепить за собой. В том же году он, в своем временном качестве графа графства Палатин, выдает лицензию in mortmain, разрешающую хантерии владеть землями и сделать священника хантерии корпорацией.[459] Обе эти записи доступны на сайте , но ни в одной из них нет никаких ссылок на *реальные* цели, ради которых должна была быть учреждена хантерия. Следовательно, если бы не было более подробной информации, мы бы предположили, что

все, что сделал епископ Даремский, - это продемонстрировал каким-то осязаемым образом свою веру в действенность месс за усопших.

Однако, к счастью, сохранился пространный акт, [\[460\]](#) датированный следующим днем после выдачи лицензий, о которых мы говорили. В этом документе указано, что священники, назначенные в костел, должны были содержать школы грамматики и пения соответственно, а также возносить молитвы за души усопших, и что определенная сумма денег из доходов костела должна была использоваться для раздачи бедным [\[461\]](#).

Как ни странно, но информация о целях капелл зависит от документа, который привел к их уничтожению. В 1545 году был принят Закон Генриха VIII о шантрапе. Этот закон начинался со слов о том, что многие люди присваивали средства, выделенные "коллегиям, вольным капеллам, капеллам, госпиталям, братствам, гильдиям и священникам-стипендиатам", и что расходы на войну с Францией и Шотландией были велики, а затем давал королю полномочия послать уполномоченных для расследования природы этих средств и после этого принять меры, которые он сочтет нужными.

"По всей видимости, после принятия Акта Чантриса Генрих пришел в ярость. Сообщается, что он распустил парламент с речью, в которой заявил, что собирается реформировать капеллы, а не уничтожать их" [\[462\]](#).

Новый закон о шантрапе был принят в первом парламенте Эдуарда VI. [\[463\]](#) Цель этого закона существенно отличалась от цели его предшественника. В преамбуле к закону говорилось, что "большая часть суеверий и заблуждений в христианской религии была внесена в умы и оценки людей по причине их невежества в отношении истинного и совершенного Спасения через Христа Иисуса, и придумыванием и фантазией тщетных мнений о чистилище и массах, удовлетворительных для тех, кто отходит, и эта доктрина и тщетные мнения ничем более не поддерживаются и не поддерживаются, как злоупотреблением тренталами, песнопениями и другими средствами, сделанными для продолжения упомянутой слепоты и невежества."

Акт предусматривал передачу короне "всех колледжей, бесплатных часовен и капелл"; "всех земель, отданных на вечное содержание стипендиального священника"; "всех выплат, производимых корпорациями, гильдиями, братствами, компаниями или товариществами таинств или ремесел".

За Большой печатью должна была быть создана комиссия, которая должна была исследовать происхождение и назначение различных канцелярий и т.д., организовать продолжение таких благотворительных объектов, которые они сочтут необходимыми, и назначить пенсии тем служителям, чьи должности были упразднены.

Именно отчетам, которые были представлены этим уполномоченным, мы в основном обязаны тем, что знаем о предметах и целях, для которых предоставлялись шантрапы. Наиболее часто упоминаются следующие цели: 1.

1. Предоставление священника для свободного обучения детей.
2. Помощь приходскому священнику.
3. Уход за мостами.
4. Помощь бедным.
5. Обеспечение богадельнями.
6. Ремонт приходской церкви.
7. Снаряжение солдат.

8. Ремонт морских стен.
9. Обеспечение лампами.
10. Обеспечение приданого.

Из всех этих целей наиболее важной, вероятно, было обеспечение пожертвований, чтобы священник мог содержать школу. Мистер Лич, который был первым автором, осознавшим всю значимость шантри в связи с предоставлением возможностей для образования, утверждает, что "всего в этих записях фигурирует 259 школ."[\[464\]](#) Два или три примера помогут понять природу ассигнований на образование, завещанных шантри.

"Уимборн.

Cantaria Margarite Comitisse Rychemond et Derbie matris Domini Regis Henrici Septimi.

Меморандум о том, что это было основано с намерением, чтобы его настоятель произносил молитвы в честь основателей и был сколемастером, чтобы свободно заниматься воспитанием детей в указанном колледже"[\[465\]](#).

"Приход Ньюленд.

Gryndoures chauntrye.

Foundyd to Fynde a preste and a grammer scole half free for ever and to kepe a scollert sufficientt to teche under hym contynually."[\[466\]](#)

"Товчестер.

The Colledg or Spones Chauntree.

Основан для того, чтобы проповедовать двух пресвитеров, людей хорошо знающих. Один для проповеди Слова Божьего. А другой - для ведения грамматики"[\[467\]](#).

Теперь наша задача - попытаться истолковать причины, по которым были основаны канцелярии.

Мы должны придавать должное значение показному объекту, который также должен рассматриваться как основной. Широко распространенная вера в действенность молитв за усопших существовала; к сожалению, также преобладала, по-видимому, вера в ценность наемных молитв. Необходимо четко осознавать, что именно для обеспечения молитв о благополучии живых и упокоении души усопших и были основаны эти песнопения.

Но, наряду с этой главной целью, в сознании большинства основателей существовало и желание принести пользу обществу. Мы уже перечислили основные направления, по которым предлагалось приносить пользу. Примечательно, что в 259 случаях образование считалось настолько важным, что для его обеспечения были приняты специальные меры.

В большом количестве случаев указывается, что средства, получаемые от костела, должны быть направлены на содержание священника, который будет помогать приходскому священнику. Мы смеем предположить, что здесь можно найти ключ к объяснению многих неопределенных трастов и особенно тех, в которых прямо указано, что целью костела является предоставление священника для образовательных целей. Ранее мы уже

показывали, что содержание школы было признанной обязанностью приходского священника. Рост обязанностей приходского священника затруднил бы эффективное выполнение им этой функции; возможно, в некоторых случаях он был бы неспособен к этому; кроме того, прогресс университетов привел к тому, что профессия учителя стала определенной. Наш анализ социальной структуры[468] позволил нам понять, что усложнение нашей промышленной системы и произошедшие социальные и экономические изменения привели к тому, что образование стало более необходимым и стало цениться более высоко. "Письма Пастона" показывают, что иждивенцы и слуги больших семей умели читать и писать.[469] Торольд Роджерс утверждает, что счета судебных приставов доказывают, что они не были неграмотными, а также свидетельствует о том, что ремесленники умели составлять счета.[470] Однако мы не должны считать, что умение читать и писать, хотя оно, вероятно, было широко распространено, было всеобщим. Интересно отметить, что из двадцати свидетелей, допрошенных в связи с расследованием завещания сэра Джона Фастольфа в 1446 году, одиннадцать были названы "неграмотными"; в их число входили пять крестьян, один джентльмен, один кузнец, один повар, один ровер, один портной и один моряк. Описание "грамотный" было применено к семи людям, двум мужам, двум купцам и одному, чей род занятий не был указан.[471] Два оставшихся свидетеля умели и читать, и писать.

Наша гипотеза заключается в том, что основатель хантерии хотел быть полезным как самому приходскому священнику, так и детям прихода. Для этого он оставил земли, чтобы обеспечить пожертвование на содержание священника, который освобождал бы приходского священника от обязанностей учителя. Эта гипотеза также поможет объяснить постепенное исчезновение приходского священника как ответственного хозяина церковно-приходской школы, которое ускорилось в связи с растущим признанием того факта, что преподавание является специализированной функцией, которая должна быть доверена человеку, специально назначенному для этой цели.

Важнейшей и примечательной особенностью некоторых приходских школ является то, что в некоторых приходах они были основаны самими жителями с явной целью предоставления образовательных услуг. Мы не имеем в виду, что религиозный элемент отсутствовал или что доктрина о действенности молитвы за усопших была легкомысленной. Вполне вероятно, что религиозный мотив был сильной движущей силой. Для нашей цели важен тот факт, что в некоторых общинах некоторые из жителей основывали песнопения, целью которых было предоставление возможностей для образования. Нам удалось установить происхождение следующих школ благодаря действиям жителей, но мы не утверждаем, что этот список является исчерпывающим.

Олдеборо.	Врагби.
Бейсингсток.	Бридженорт.
Деритенд.	Ист-Ретфорд.
Экклсхолл.	Ланкастер.
Глаз.	Труро.
Гаргрейв.	Коггесхолл.
Норталлертон.	Такстед.
Одихэм.	Притлуэлл.
Стонтон.	Беркхемпстед.
Тирск.	

Теперь мы можем рассмотреть создание типичных случаев.

Бейсингсток.

Школа в Бейзингстоке была основана "по решению жителей в самом начале"[\[472\]](#). По-видимому, для этой цели жители города объединились в гильдию под названием "Братство Святого Духа". Их школу можно отнести к 1244 году, и это самая ранняя школа, о которой нам известно, чье происхождение можно приписать предприимчивости жителей.

Норталлертон.

Эта школа существовала до 1321 года, о чем свидетельствует тот факт, что в этом году настоятель Дарема назначил в нее мастера.[\[473\]](#) Она была основана "определенными людьми с хорошими намерениями для лучшего воспитания детей города"[\[474\]](#).

Деритенд.

Существование этой школы прослеживается с 1448 года и объясняется предприимчивостью "жителей одной деревни, называемой Деритенд"[\[475\]](#).

Ланкастер.

Первое доступное упоминание о школе в Ланкастере встречается в документе из хартулария приорства, который датируется правлением Генриха III.[\[476\]](#) Школа была "заказана и основана мэром и бюргерами Ланкастера"[\[477\]](#).

Олдеборо.

"Не имеющая никакого основания, но подаренная некоторыми феофилами нескольких земель, подаренная сильными людьми из указанного прихода"[\[478\]](#).

Экклсхолл.

"Жители Экклсхолла без регистрации возвели между собой два гильдейских дома... и один из тех же священников постоянно держал скудельницу и свободно обучал детей мужчин того же прихода"[\[479\]](#).

Ист-Ретфорд.

"Основан предшественниками бейлифов, бургомистров и коммивояжеров указанного города"[\[480\]](#).

Гаргрейв.

"Основан жителями этого города"[\[481\]](#).

Одехам.

"Основан по набожности жителей... с намерением обучать детей грамматике"[482].

Стонтон.

"Основан тамошними прихожанами по их благочестию". Цель этого прихода состояла в том, чтобы назначенный священник помогал настоятелю "в его нуждах"; очевидно, эта помощь включала в себя обучение "многих простых мужчин хильдерне"[483].

Врагби.

"Нет никакого фонда, кроме нескольких земель и участков, приобретенных прихожанами на средства прихода... для обучения детей в том же приходе"[484].

Труро.

"О благосклонности майера и бюргеров этого города к тому, чтобы навечно учредить престол для Майнистера в приходской церкви и держать там виселицу"[485].

Как мы уже говорили, приведенные нами примеры не могут претендовать на исчерпывающую полноту. Это доступные примеры, которые свидетельствуют о том примечательном факте, что сознание ценности образования существовало среди жителей многих городов и деревень Англии в Средние века. Иногда поднимается вопрос о том, были ли эти школы начальными или средними, или же некоторые из них можно отнести к начальным, а другие - к средним.[486] Вопрос совершенно неуместен. Различие между начальным и средним образованием является полностью современным. На самом деле, даже сейчас трудно определить значение этих терминов. Если рассматривать начальную школу как школу, в которой главная учебная цель - научить детей читать и писать по-английски и решать элементарные задачи по арифметике, а среднюю школу - как школу, в которой классические языки составляют важную часть учебной программы, то мы определили разницу между двумя типами школ, которые были распространены в течение большей части XVIII и XIX веков; но это различие неприменимо к XIV и XV векам. В школах при канцеляриях преподавали не английский, а латынь, поскольку латынь по-прежнему оставалась языком церкви в этой стране. Из 259 примеров шантарских школ, собранных мистером Личем, 193 он относит к грамматическим школам; остальные школы он классифицирует либо как песенные, либо как начальные[487] Это различие совершенно излишне. Школы прихода - это просто церковно-приходские школы, которые теперь поддерживались отдельным фондом, и в них преподавал священник, который практически мог посвятить работе все свое время, вместо того чтобы быть под контролем приходского священника, который, во многих случаях, едва ли мог выделить определенную часть каждого дня для преподавания.

Мы уже отмечали, что ребенок, посещавший эти церковные школы, должен был предварительно получить как минимум знание алфавита. Если Коле излагал существующую практику в уставе, который он составил для школы Святого Павла, то перед приемом требовалось еще больше знаний, поскольку он утверждает, что "хозяин должен принимать детей по мере их поступления от года к году; но сначала убедитесь, что они могут произнести катехизис, а также что он может грамотно читать и писать, иначе пусть его не принимают".

В некоторых школах-кантри были приняты особые меры по организации начального обучения. Так, звонарь в Гласнее должен был обучать азбуке как части своей обязанности[488] в Бреконе; в Чамли было четко оговорено, что азбуку должен преподавать капеллан; [489] в Лонсестоне было оговорено, что азбуку должен преподавать старик, выбранный мэром. [490] А в Ньюленде священник-кантри должен был обеспечивать "едой, сухпайком, одеждой и всем прочим необходимым" одного из своих стипендиатов, который взамен должен был помогать в обучении малышей[491].

Предоставление выставок для поддержки бедных стипендиатов в школах и университетах также было целью некоторых кантри. Так, в Бреконе двадцать бедных стипендиатов должны были получать по 24/- ежегодно:[492] в Чамли часть доходов капеллы использовалась для поддержки "маленького ребенка, который ходит в школу и не имеет других средств на свое содержание и поддержку"[493]; в Итоне "70 сколлеров, 13 бедных детей и 10 хористов" должны были получать поддержку:[494] в Стэмфорде "доходы и доходы от них были обращены только в пользумладенца в возрасте 13 или 14 лет, для его участия в школьных выставках"[495]. Другие примеры предоставления школьных выставок можно найти в грамотах, касающихся Хоутона, Халла, Линкольна, Лайм-Реджиса, Ньюланда, Ротерхэма, Саллингтона, Торнтон, Винчестера и Уоттон-андер-Эджа.

Обратившись к капеллам, которые использовались для поддержки студентов в университетах, мы обнаруживаем, что в возвращении уполномоченным по капеллам, относящемуся к капелле Северного Вроксалла, говорится, что: "упомянутый настоятель - студент в Оксфорде, но не священник; и, кроме того, очень болезненный человек, не имеющий ни родителей, ни какого-либо другого ливинга, чтобы удержать его от ошибок." [496] В возвращении для прихода в Нортоне указаны имена 8 человек, между которыми разделены доходы от прихода, чтобы они могли "учиться в университете". [497] Другие случаи создания церковных приходов для поддержки студентов университетов - в Ассертоне, Калне, Кредитоне, Дентоне, Дорчестере, Холбиче и т. д.

Приведенный нами анализ фондов прихода служит иллюстрацией нашего утверждения о том, что не только росло значение образования, но и росло чувство ответственности общины или ее представителей за обеспечение образования, и что ответственность за обеспечение образования лежала не только на церкви. В то же время церковь осознавала необходимость подчеркивать обязанность духовенства интересоваться образованием, о чем свидетельствует канон, обнародованный на Кентерберийском соборе 1529 года, который предписывал "ректорам, викариям и священникам кантри, чтобы после окончания богослужения они занимались учебой, молитвой, лекциями или другими надлежащими делами, соответствующими их профессии: а именно: обучением мальчиков азбуке, чтению, пению или грамматике; и в три дня в неделю по три или, по крайней мере, по два часа в день, должны, при отсутствии какого-либо законного препятствия, заниматься чтением Священного Писания или какого-либо одобренного врача. И ординарии должны прилежно выяснять это во время своих посещений, чтобы сурово наказывать и наказывать ленивых священников или тех, кто плохо проводит свое время" [498].

Этот канон был практически повторен в Королевских предписаниях 1547 года, которые предписывали, что "все священники католической церкви должны заниматься обучением молодежи чтению и письму, воспитывать их в хороших манерах и других благонравных занятиях" [499].

Практический эффект Акта о шантрах 1547 года заключался в том, что он положил конец образовательным программам, которые были созданы основателями шантр. Закон не

предусматривал этого. Напротив, закон предоставлял уполномоченным "полную власть и полномочия назначать и назначать в каждом месте, где братство парней, преист или инкумбент любой капеллы в Эссе... должны были содержать грамматическую школу или проповедника" для продолжения работы такой школы.^[500] Обычная практика уполномоченных заключалась в том, чтобы передать земли шантажа в собственность Короны и взимать с Короны определенную ежегодную сумму, эквивалентную стипендии, которую в то время получал учитель грамматической школы. Но поскольку стоимость денег в настоящее время снизилась в такой значительной степени, а стоимость земли так сильно возросла, практическим результатом этого закона, как мы уже указывали, стало лишение права на образование, которое было создано основателями гильдий, колледжей и канцелярий.

ГЛАВА V.

МОНАШЕСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Проблема отношения монастырей к образованию в позднее Средневековье является неясной. С одной стороны, существует популярное мнение (которому следуют, как правило, некритичные авторы), что монастыри обеспечивали основные средства образования в это время; с другой стороны, тенденция современных исследований характера образовательной деятельности монастырей заключается в утверждении, что никакой общей работы по образованию они не проводили.^[501] Для эффективного изложения образовательной деятельности монашеских орденов целесообразно рассмотреть отдельно: (I.) школы при монастырях, (II.) школы при альмонахе, (III.) образование девочек, (IV.) образование послушников, (V.) монахи и университетское образование, (VI.) образование и мендикантские ордена.

I. Школы в связи с монастырями.

В качестве общего принципа можно предположить, что школа существовала при каждом крупном монастыре. Связь заключалась в том, что эти школы содержались при монастырях, а мастера назначались монастырскими властями. Эти школы относятся к одному или другому из двух классов: они либо были основаны монастырями, либо переданы монастырям, которые выступали в качестве попечителей по их содержанию, их настоящими основателями. В каждом случае нелегко определить, являлась ли школа собственностью монастыря или просто находилась в его доверительном управлении. Комиссары, которым было поручено обеспечить ликвидацию всех монастырей, не пытались этого сделать. Имущество, принадлежавшее монастырю, конфисковывалось, независимо от того, находилось ли оно в доверительном управлении для других целей или бесспорно являлось собственностью монастыря. Среди самых ранних известных нам школ, связанных с монастырями, - Сент-Олбанс, ок. 1100 г.;^[502] Крайст-Черч, Хантс, ок. 1100 г.;^[503] Тетфорд, ок. 1114 г.;^[504] Хантингдон, ок. 1127 г.;^[505] Данстейбл, ок. 1131 г.;^[506] Рединг, ок. 1135 г.;^[507] Глостер, ок. 1137 г.;^[508] Дерби, ок. 1150;^[509] и Бедфорд, ок. 1160.^[510] Мы знаем, что школа в Борне была связана с монастырем, поскольку аббат Борна имел патронаж над

школой.[511] По аналогичной причине можно показать, что школа в Бури-Сент-Эдмундс была монастырской.[512]

Переходя к примерам школ, которые принадлежали монастырям в качестве попечителей, мы можем упомянуть грамматическую школу Льюса, которая была основана в 1512 году по завещанию Агнес Морли, которая предусмотрела, что назначение директора школы должно быть возложено на настоятеля Льюса.[513] Мы также отмечаем, что Питер из Блоксли передал владения настоятелю и монастырю Ковентри в доверительное управление для школы.[514] Школа в Брутоне также может быть приведена в качестве иллюстрации. По договору о пожертвованиях от 1519 года[515] различные владения были переданы аббату Брутона с условием, что он обеспечит школьный дом и дом для мастера, а также будет выплачивать ему 10 фунтов стерлингов в год. В декларациях комиссарам кантри из Брутона[516] говорится, что после расторжения брака школьный учитель больше не привлекался к работе, но, поскольку ему была назначена пенсия, он мог "развратно жить по своему усмотрению, а не трудиться над хорошим образованием детей" "к большому счастью для верного воспитания детей из сайдшира во всем хорошем, а также жителей упомянутого королем города Брутона".

II. Школы алмонри.

Важнейшей обязанностью обитателей монастыря было совершение богослужений. Чтобы эффективно выполнять эту обязанность, помимо мужских голосов требовались голоса мальчиков. Трудно определить, когда возник этот обычай; вероятно, он был принят в первую очередь в коллегиальных церквях, а затем подражал монастырям. Самое раннее упоминание о школе алмонри в этой стране связано с собором Святого Павла. В статуте, датированном 1190 годом, говорится о мальчиках из алмонри и сообщается, что они жили на милостыню.[517] Линкольн, Йорк и Солсбери - три других светских собора, при которых содержались хористы, размещавшиеся на пансионе и в одном доме.

Мальчики, исполнявшие обязанности хористов в монастырях, жили у внешних ворот; их одевали, кормили и обучали за счет монахов. Самое раннее упоминание об альмонахе в монастырях относится к 1320 году, когда было установлено, что "ни один ученик не может быть взят в альмонах, если он не умеет читать и петь в часовне и ему не исполнилось десять лет"[518] Самые ранние уставы, в которых излагается работа альмонеров, относятся к Сент-Олбансу и датируются 1339 годом. В них содержатся следующие правила.

- (1) "Пусть мальчики живут там не более пяти лет, кому этого срока достаточно, чтобы стать знатоком грамматики.
- (2) Ни один бедный ученик не должен отлучаться из Алмонри без разрешения субалмонера, под страхом исключения до примирения.
- (3) Тот, кто осужден или известен как недержатель, ночной гуляка, шумный и буйный, подлежит полному исключению.
- (4) Сразу же после поступления стипендиаты должны побриться, как хористы, и постричься, как положено клеркам.
- (5) Каждый стипендиат должен ежедневно читать заутреню Богоматери за себя, а в каждый праздничный день - семь псалмов за монастырь и наших основателей"[519].

В расписании обязанностей алмонера в Сент-Олбансе[520] говорится, что алмонер отвечает за ремонт учебных корпусов монахов и грамматической школы в городе. Он также имеет право назначать мастера грамматики с одобрения архидиакона. На него возложена общая забота и надзор за мальчиками, а также выплата жалованья школьному учителю.

Описание школы альмери в Дареме приводится в "Обрядах Дарема"[521]. В этом отчете говорится, что "там были некоторые бедные дети, называемые детьми альмери, которых содержали только за счет обучения и милостыни и благосклонности всего дома, а их мясо и питье находилось на чердаке, с северной стороны ворот аббатства. А упомянутые бедные дети ежедневно ходили в школу в Фермерской школе, за воротами аббатства; эта школа была основана настоятелем упомянутого аббатства и на средства упомянутого дома".

Об этой школе также упоминается в *Valor Ecclesiasticus*[522], где говорится: "De magno solarario supra tenebatur scola". Тот же авторитет сообщает нам, что в этой школе обучалось тридцать бедных учеников.

О том, какие обязанности обычно возлагались на школьного учителя мальчиков-альмонистов, можно узнать из соглашения, заключенного в 1515 году между настоятелем монастыря в Глостере и назначенным им школьным учителем. В договоре указывалось, что мастер должен "обучать искусству грамматики всех молодых братьев монастыря, присланных ему аббатом, и тринадцать мальчиков из палат клерка; а также обучать и информировать пять или шесть или семь мальчиков, способных и готовых к обучению в простой песне, разделенной или разбитой песне и дисканте, достаточно и прилежно". Кроме того, школьный учитель должен был петь и играть на органе во время монастырских служб[523].

Помимо школ альмонеров при монастырях в Сент-Олбансе, Дареме и Глостере, о которых мы упоминали, школы альмонеров были обнаружены также в Кентербери,[524] Рединге,[525] Вестминстере,[526] Винчестере,[527] Бардни,[528] Вустере,[529] аббатстве Св. Марии, Йорк,[530] Картузианский монастырь, Ковентри,[531] Приорат Ковентри.[532]

Приведенные примеры подтверждают вероятность того, что каждый монастырь содержал школу-альмониум. Прием в эти школы в некоторых случаях рассматривался как ценная стипендия. Об этом свидетельствует письмо, которое королева Филиппа написала настоятелю Кентербери в 1332 году и в котором она просит принять мальчика в алмонри "на содержание, как и других бедных учеников его поместья"[533].

Было бы пустой задачей пытаться оценить значение этих школ-альмонириев для национального образования. Мы не располагаем точными сведениями о количестве мальчиков, получивших такое образование в каждом монастыре, равно как и не знаем точно число монастырей, предоставлявших такие возможности. Все, что мы можем утверждать, - это то, что большинство главных монастырей предоставляли пансион, проживание и образование нескольким детям, которые в противном случае не смогли бы получить никакого образования. Эти дети учились петь и читать, а также осваивали грамматику в объеме, необходимом для поступления в университеты, если они этого хотели.

Мистер Г. К. Коултон предупреждает нас, что у монастырских властей был большой соблазн пренебречь школами альмонри. Он указывает, что в 1520 году посетители обнаружили, что Норвичский соборный приор сократил число своих алмонириев с тринадцати до восьми, а в 1526 году в Рашуорте было отмечено, что "pueri in collegio non continue aluntur sumptibus collegii sed custodiunt pecora parentum nonnunquam"[534].

III. Образование девочек.

Когда Роберт Аск в 1536 году пытался оправдать свое восстание против действий Генриха VIII по подавлению монастырей, он заявил в качестве одного из благих дел этих учреждений, что "в женских монастырях их дочери (воспитывались) в добродетели"[535] Образование девушек высших классов было одной из обязанностей некоторых монастырей, но трудно оценить, в какой степени это было сделано. Имеющиеся на сайте упоминания о воспитании девочек в монастырях можно легко обобщить: на момент роспуска в женском монастыре Поллсворт обучалось от тридцати до сорока девочек, которые описывались как "дети гентильменов"[536]; в женском монастыре Святой Марии, Винчестер, было двадцать шесть девочек, которые описывались аналогичным образом.[537] Также утверждается[538], что девочек обучали в аббатстве Кэрроу, Норфолк, но мистер Коултон показывает, что "среди всех 280 человек, которые, согласно записям, проживали у монахинь Кэрроу в течение сорока шести лет (в среднем по шесть человек в год), ни одна не может быть точно показана как школьница"[539]. Монастыри, которые не были хорошо обеспечены, должны были прибегать к каким-то средствам для увеличения своих доходов, и преподавание было одним из возможных способов сделать это. Ранние упоминания о школьницах в епископских регистрах показывают, что предпринимались попытки либо ограничить, либо запретить эту практику. Причиной противодействия епископата был страх, что учреждение школы нарушит дисциплину в монастыре и отвлечет внимание монахинь. Так, в Элстоу в 1359 году епископ Гинвелл разрешил оставаться там только девочкам до десяти лет и мальчикам до шести лет, потому что "совместное проживание светских женщин и монахинь отвлекает от созерцания религии и вызывает скандал"[540] До сих пор сохранилось очень мало других упоминаний об обучении девочек в монастырях. Доктор Абрам сообщает нам, что "в канцелярском деле записано, что "Лоуренс Кнайт, джентльмен", договорился, чтобы настоятельница Корнуорти, Девон, отдала двух его дочерей, соответственно семи и десяти лет, "на поругание", а он согласился платить ей двадцать пенсов еженедельно за их мясо и питье"[541] В английской литературе единственный случай, который нам удалось обнаружить, это известное упоминание Чосера о жене мельника.

IV. Воспитание послушников.

Аббат Гаске написал тщательный и интересный рассказ о жизни послушника в клаустральной школе XV века.[542] Рассказывая об аббатстве Святого Петра в Вестминстере, он говорит: "Западный проход был священным для послушников, чей хозяин занимал первое место, а младшие - ближайшее к нему. Их способ сидеть был особенным: они располагались друг за другом, так что лицо одного смотрело на спину его соседа. И так было всегда, за исключением тех случаев, когда в обители происходил общий разговор. Единственными постоянными местами были места аббата, настоятеля и мастера послушников; остальные располагались по усмотрению настоятеля, иподьякона или мастера послушников, которым специально поручалось заботиться о порядке в обители. Там, утром после капитула и в другие промежутки дня, послушники занимались своими делами и один за другим относили свои книги хозяину, который либо сам слушал их чтение, либо отсылал их к другому старцу за помощью или наставлением"[543].

В "Обрядах Дарема"[544] также приводится описание школы послушников. Там говорится, что занятия проводились как утром, так и днем в "уаст-аллее" монастыря. Мальчики начинали посещать эти школы в возрасте семи лет, и старший ученый монах выступал в качестве их наставника. Послушников кормили, одевали и обучали безвозмездно. Если они

были "склонны к лернингу... и имели беременность", их отправляли в Оксфорд для изучения божественности; в противном случае их держали за книгами, пока они не могли понять свою службу и Писание, а затем они становились кандидатами на рукоположение в священство.

Случайные упоминания о школе послушников встречаются в различных монастырских записях. Так, мы узнаем, что когда Ричард II провел свой первый парламент в 1378 году в Глостере, он и его двор были размещены в аббатстве, в результате чего монахи были вынуждены обедать "в школьном доме"[545]. Тот же летописец также сетует на разрушение дерна в монастыре, который "был настолько изношен упражнениями борцов и игроков в мяч, что на нем не осталось и следа зелени"[546].

Бенедиктинский устав 1334 года подчеркивал важность обучения, и для того, чтобы монахи могли впоследствии подготовиться к поступлению в университеты, было постановлено, что "во всех монастырских соборных церквях, приорствах или других монастырских и торжественных местах с достаточными средствами, принадлежащих такому ордену или обетам, отныне должен содержаться магистр для обучения монахов таким элементарным наукам, как грамматика, логика и философия. грамматике, логике и философии".[547] Если же в монастыре не удавалось найти компетентного монаха-учителя, для этой цели назначался светский священник, который, помимо проживания, питания и одежды, должен был получать 20 фунтов в год - большое жалованье для того времени[548].

Сохранились некоторые записи о договорах на преподавание между настоятелем монастыря и светским священником. В качестве примера можно привести договор, заключенный между настоятелем Дарема и священником, который обязался обучать "монахов Дарема и восемь светских мальчиков". В частности, он должен был обучать "простым песням, песням с сопровождением, пению простой ноты, фабурдону, дисканту квадратной ноты и контрапункту", а также играть на органе во время монастырских служб[549].

Также время от времени проводились проверки, достаточно ли внимания уделяется воспитанию послушников. Так, при посещении монастыря Святого Петра в Ипсвиче в 1514 году была высказана жалоба, что в монастыре нет школьного учителя;[550] в 1526 году от монастыря потребовали предоставить мастера для обучения послушников грамматике[551].

Аналогично, среди недостатков, отмеченных Уильямом Уорхэмом, архиепископом Кентерберийским, при посещении монастыря в 1511 году, было отсутствие "квалифицированного учителя грамматики... чтобы обучать послушников и других молодых людей грамматике". Архиепископ подчеркнул, что "в отсутствие такого обучения случается, что большинство монахов, совершающих мессу и другие богослужения, совершенно не знают того, что читают, к великому стыду и позору как религии в целом, так и монастыря в частности"[552] Интересно отметить, что к этой критике прилагается заявление, в котором говорится, что "один из братьев назначен для этой работы и уже начал ее выполнять, и ежедневно обучает младших монахов"[553].

V. Монахи и университеты.

Первоначально, как мы видели, монастыри были центрами интеллектуальной деятельности в этой стране. Прогресс университетов привел к изменениям в этом отношении, в результате чего Оксфорд и Кембридж постепенно стали главными местами богословского, а также других направлений академического обучения. Тогда монахам пришлось приспособиться к новому порядку вещей и позаботиться о том, чтобы те из них, кто проявил способности,

воспользовались возможностями для углубленного изучения, которые предоставляли новые центры обучения.

Невозможно сказать, когда монахи впервые отправились в Оксфорд или Кембридж с целью обучения, но, должно быть, это произошло сравнительно рано, в XIII веке, поскольку на общем собрании южных бенедиктинцев, состоявшемся в Абингдоне в 1275 году, было решено возвести в Оксфорде дом, в котором "братья нашего ордена, которые будут присланы из различных монастырей, смогут жить должным образом".^[554] Далее было решено, что каждый бенедиктинский дом в провинции Кентербери должен внести в первый год "по два пенса с каждой марки из всех своих духовных и мирских владений согласно оценке бывшего лорда Норвича... а в последующие годы должны вносить по пенни за марку для обеспечения указанных мест и других вещей в указанном капитуле".^[555] В то же время было принято постановление о том, что в каждом монастыре должен быть как можно скорее назначен преподаватель богословия для обучения монахов.

Первое конкретное упоминание о студентах-монахах в Оксфорде содержится в письме епископа Гиффарда из Вустера канцлеру университета с просьбой назначить "доктора богословия" для обучения проживающих там монахов.^[556] В 1287 году аббату и монастырю Глостера был передан участок для строительства колледжа для монахов, который был известен как Глостерский колледж (ныне Вустер).^[557]

Это был не единственный колледж для монахов, который был основан в Оксфорде. В 1286 году настоятель и монастырь Дарема приобрели там землю (на которой сейчас находится Тринити-колледж) с целью обеспечения дальнейшего образования для монахов Дарема^[558].

Помимо этих учреждений, монахи Крайст-Черч в Оксфорде обзавелись собственным залом еще в 1331 г.^[559] Его они продали монахам Вестминстера, после чего обзавелись собственным колледжем, известным как Кентербери-Холл. Кентербери-холл, основанный Саймоном Айлипом, архиепископом Кентерберийским, в 1362 году, поначалу предназначался для использования как светскими, так и регулярными лицами. Эта политика не увенчалась успехом, и тогда колледж стал использоваться только регулярным духовенством и продолжал использоваться им до самого роспуска.^[560] Другими монастырскими учебными заведениями в Оксфорде были цистерцианское аббатство Рьюли, колледж Святого Бернарда и колледж Святой Марии.^[561]

Возвращаясь к Глостерскому колледжу - самому важному из монастырских колледжей - отметим, что первым из бенедиктинских монахов, получившим степень доктора философии в Оксфорде, был Уильям Брок, который добился этой чести в 1298 году. Это событие считалось важным, и в честь него был устроен праздник, на котором присутствовали ведущие английские члены ордена^[562].

Существуют разные мнения относительно нормального количества монашествующих студентов, проживавших в Глостерском колледже. Редакторы "Вустерского колледжа" считают, что в колледже, как правило, обучалось от ста до двухсот студентов.^[563] Мистер Лич отрицает это и считает, что обычное число монахов в колледже - около шестидесяти.^[564] В 1537 году там было тридцать два студента.^[565] Важность университетского образования для монахов-бенедиктинцев была подчеркнута бенедиктинским уставом 1334 года, который постановил, что "соборные церкви, монастыри, приорства и другие подобные места, каждое из них... обязаны посылать из каждых двадцати

монахов одного, способного приобрести плоды более высокого образования, в университет, и обеспечивать каждого такого посланного ежегодной пенсией"[566].

Выполнялся ли этот указ систематически, мы не можем определить. Интересно отметить, что впоследствии потребовались дальнейшие действия, поскольку в 1504 году Джон Айлип, аббат Вестминстера, жаловался, что "из-за недостатка сведущих людей в законах Божьих, верность между религиозными людьми мало используется, религия сильно запуталась, и мало или совсем нет смиренных людей, найденных в религиозных домах Дайвера, что позволяет сведущим людям быть приспешниками тех же домов к большому неудовольствию Бога и великому подрыву религии"[567].

Чтобы справиться с этим невежеством монахов, Генрих VII передал земли для наделения трех священников-кантри в Вестминстерском аббатстве. Было решено, что "указанные аббат, приор и монастырь, а также их преемники должны обеспечить увеличение и финансирование трех му монахов указанного монастыря сверх указанных трех монахов ежегодно и навечно, чтобы они были и оставались коллегами в указанном университете Оксфорда для изучения наук о божественном"[568].

Доктор Рэшдалл не считает, что монастырские колледжи имели большое значение в истории обучения или образования. Он утверждает, что цель этих колледжей была проста и практична: подготовить несколько обученных богословов, способных произносить случайные проповеди, и дать начальное богословское образование послушникам. Кроме того, необходимо было иметь людей, способных вести юридические дела монастыря.[569] Настоящие заслуги монахов перед литературой лежали в области средневековой истории. "Бенедиктинские монахи этого периода были, прежде всего, людьми мира: предметом их чести была преданность интересам Дома; их интеллектуальные интересы лежали в его истории и традициях"[570].

VI. Мендикантские ордена и образование.

Необходимо упомянуть и о той роли, которую сыграли в образовании ордена мендикантов. Святой Франциск Ассизский был набожным и искренне верующим в христианство. Побуждаемый силой, действующей в нем, он отказался от всех материальных и мирских благ и принял для себя задачу созидания Церкви через обращение душ людей. В 1207 году он получил официальное признание от папы Иннокентия III; вскоре вокруг него собралась группа энтузиастов-новообращенных с единственной целью - проповедовать и служить бедным. "К бедным от бедных. Эти массы, эти ужасные массы, ползающие, пытаясь в грязных лачугах, во многих южных городах, где нет крыши, чтобы их накрыть, ютящиеся группами под сухим сводом, кишачие паразитами; болтливые кретины с отвратительными крыльями; прокаженные, на которых матери не могли смотреть, и поэтому они были вынуждены проклинать и выть в лазаретных домах за стенами, протягивая костлявые руки, чтобы схватить подавание испуганной милостыни, или, если это не удавалось, подбирать лоскуты отбросов из мусорных куч - к ним пришел св. Франциск пришел"[571].

Францисканское движение изначально было движением исключительно благочестия и не содержало в себе никаких интеллектуальных элементов. Более того, обучение явно не поощрялось. "Должен ли я расстаться со своими книгами?" - с замиранием сердца говорил ученый. "Ничего не бери с собой в дорогу", - был неумолимый ответ. "Ни breviария? Даже псалмы Давида?" "Возьми их в сердце своем и обеспечь себе сокровище на небесах. Кто слышал, чтобы Христос читал книги, кроме тех случаев, когда Он открывал книгу в синагоге, а затем *закрывал* ее и отправлялся учить мир во веки веков"[572].

Почти одновременно с основанием францисканского движения святой Доминик осознал необходимость нравственной реформации. Его метод, однако, значительно отличался от того, что взял на вооружение святой Франциск. Для святого Доминика невежество и порок были великим злом, с которым нужно было бороться: поэтому он создал общину, целью которой было наставлять неучей и опровергать еретиков с помощью кафедры.^[573] Этой общине Иннокентий III дал официальную санкцию в 1215 году.

Учеба не рассматривалась монахом так же, как и монашество. Монахам учеба или труд предписывались как средство для усмирения человеческих страстей или как занятие на часы, которые в противном случае были бы проведены в безделье; степень, в которой они становились учителями, зависела от требований времени. "*Officium monachi non docentis sed plangentis*". Целью монаха было лишь спасение собственной души; по отношению к внешнему миру он отказывался от долга и ответственности. Уединение и разлука со всеми, кроме членов его собственной общины, рассматривались как великие инструменты, с помощью которых он должен был достичь своей цели. Для монаха христианство представлялось средством, с помощью которого можно возродить общество. Отсюда и разница в отношении к образованию. Оно было не занятием для праздного времяпрепровождения, не профилактикой от искушений, а средством, с помощью которого можно было обрести способность влиять на умы людей. Особенно это касалось доминиканцев. Непосредственной целью их ордена было сопротивление альбигойской ереси. "Поэтому вполне естественно, что Доминик обратился к университетам как к наиболее подходящему месту для рекрутирования своего ордена; обеспечение для своих проповедников наивысшей теологической подготовки, которую могла дать эпоха, было существенным элементом нового монашеского идеала"^[574] Однако прошло совсем немного времени, прежде чем францисканцы также сочли необходимым обратиться в университеты за пополнением своих рядов. В течение тридцати пяти лет после смерти своего основателя францисканцы стали столь же заметны в интеллектуальной деятельности, как и доминиканцы, и в течение следующих двухсот лет интеллектуальная история Европы связана с расхождениями во взглядах этих великих орденов.

В 1224 году францисканцы открыли школу в Оксфорде, которая служила центром, откуда учителя отправлялись по всей Англии; в следующем году они также открыли школу в Кембридже. Утверждается, что до Реформации в Оксфорде было шестьдесят семь францисканских профессоров, а в Кембридже - семьдесят три^[575].

Мистер А. Г. Литтл исследовал образовательную организацию монахов-мендикантов в этой стране.^[576] Он отмечает, что отсутствие подлинных материалов, вероятно, навсегда сделает невозможным точное изложение истории ордена мендикантов в Англии. Имеющиеся источники состоят лишь из "нескольких хроник, нескольких писем, общего устава ордена, актов генеральных капитулов, реестров генеральных магистров и актов провинциальных капитулов других провинций"^[577].

Общая система образования, существовавшая в Орденах Мендикантов, была разработана до 1305 г.^[578] В Англии она была установлена в 1335 г., когда Генеральный капитул, состоявшийся в Лондоне в том же году, постановил, что провинциальные приоры и капитулы в своих провинциях должны обеспечивать "*de studiis theologie, philosophie, naturalium et artium*"^[579].

Основой образовательной организации этих орденов должны были стать грамматические школы. Послушников не принимали, если они не достигли определенного уровня образования. Доминиканские статуты XIII и XIV веков требовали от кандидатов пройти

экзамен "на нравственность и ученость", и их отклоняли, если они не обладали ни тем, ни другим.[580] Следовательно, обучение, которое должен был давать мастер послушникам, было в основном нравственным.[581]

Для следующих ступеней обучения монастыри были объединены в группы. В одном или нескольких монастырях каждой группы были созданы общие школы для специальных занятий[582].

Первым из этих классов был "studium artium". Одно время изучение искусств не поощрялось. "Студенты не должны учиться по книгам язычников и философов, хотя они могут иногда заглядывать в них"[583]. Уставы 1259 и 1261 годов свидетельствуют о другом отношении. "Quot fratres juniores et docibiles in logicalibus instruuntur." [584] Ни один студент не должен был отправляться в "studium artium", пока не проучится два года в Ордене.[585] Следующим классом был "studium naturalium". Обучение на этой ступени длилось не менее двух лет.[586] "Studia naturalium" были менее многочисленны, чем "studia artium". Похоже, что следов их существования в Англии немного, но мистер Литтл установил, что в 1397 году в Линне существовала одна из них[587].

"studium theologie" была третьим классом. В этих школах можно было учиться три года, но обычно оставались два. Мистер Литтл поднимает вопрос о том, где в Англии можно было найти такие "studia", и считает, что они, возможно, существовали в Тетфорде в 1395 году, в Линкольне в 1390 году, в Норвиче в 1398 году, в Ипсвиче в 1397 году, в Ньюкасле-на-Тайне в 1397 году, в Гилфорде в 1397 году и в Лондоне в 1475 году[588].

Во главе системы образования стояли монастыри Оксфорда и Кембриджа. Статут 1305 года гласил: "Никто не может быть отправлен в "studium generale", как в своей провинции, так и за ее пределами, если в указанном порядке он не достиг достаточных успехов в логике и натурфилософии и не посещал лекции по "Сентенциям" в течение двух лет в какой-нибудь "studium particulare" и если свидетельство лектора, куратора и магистра студентов не дает надежды, что он будет пригоден для должности лектора"[589].

Мистер Литтл также рассматривает вопросы назначения и квалификации студентов и лекторов и показывает, что в целом их отбор находился в руках провинциального настоятеля и провинциального капитула, которые были обязаны каждый год проводить тщательный поиск перспективных монахов.[590] Таким образом, наиболее способные и эффективные члены ордена достигали должностей, имеющих наибольшее значение. Учеба всегда высоко ценилась среди доминиканцев, а обучение считалось религиозным занятием, достойным быть причисленным к богослужениям, которые так правильно называются[591]. Студентам и лекторам предоставлялись важные привилегии, и заботились о том, чтобы все возможные возможности для тех, кто желал продолжить свое образование.

История орденов мендикантов и причины, способствовавшие их вырождению, нас здесь не касаются. Достаточно упомянуть два способа, которыми они повлияли на развитие образования. Первый вытекает из связи монахов с университетами. На какое-то время они захватили интеллектуальные центры страны и доминировали в ее литературной деятельности. Ведущие ученые того времени были монахами. Среди них можно назвать Александра из Хейлса, Джона Пекхэма, Ричарда из Миддлтона, Данса Скотуса и Уильяма Оккама. Вторая причина связана с отношениями между монахами и светским духовенством. Эти отношения не были дружескими, поскольку светские священники ревниво относились к вторжению монахов в их приходы. Мы предполагаем, что движение монахов служило для того, чтобы приучить население страны к мысли, что национальная церковь не является единственным духовным ведомством, и таким образом случайно способствовало развитию

тех сил, которые приводили к тому, что контроль над образованием выходил из-под власти церкви.

ГЛАВА VI.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ШКОЛ.

В Акте о канцеляриях 1547 года, который мы уже описывали, было четко оговорено, что его положения не распространяются ни на университеты, ни на соборные церкви, ни на "Колледж, называемый Колледжем Святой Марии в Винчестере, основанный епископом Викемом, ни на Итонский колледж"[592] Именно эти две последние школы мы сейчас рассматриваем, и особенно вопросы, касающиеся их происхождения и цели.

Значительная часть нынешнего неверного представления о происхождении и назначении этих школ может быть устранена, если мы восстановим для себя особые церковные и образовательные особенности того времени. Отправной точкой в этой связи должна стать Черная смерть, которая, как мы уже показали,[593] вызвала столь сильную нехватку священников и кандидатов в священники. Уильям Уайкхемский, желая воздать благодарность Всемогущему Богу за то, что Он "обогатил нас, хотя мы были недостойны, обильными почестями и сверх наших заслуг возвел нас в различные степени и достоинства", [594] основал "вечный колледж из семидесяти бедных ученых, клерков, для изучения теологии, канонического и гражданского права и искусств в Оксфордском университете". "Возводя этот колледж, Уайкхем лишь следовал примеру, уже хорошо зарекомендовавшему себя в университетах, поскольку ранее было основано несколько колледжей как в Оксфорде, так и в Кембридже. Опыт вскоре убедил его в том, что основать колледж - это одно, а вот набрать студентов, способных извлечь пользу из предложенного курса, - совсем другое; тем более что "из-за отсутствия хорошего преподавания и достаточного обучения грамматике (они) часто попадают в опасность неудачи там, где они поставили перед собой цель добиться успеха"[596].

Отсутствие знания латыни также не было единственной трудностью. Более серьезным препятствием была бедность будущих студентов того времени. Уайкхем говорит об этом так: "Есть и будет в будущем много бедных ученых, страдающих от недостатка денег и бедности, чьих средств едва хватает или будет хватать в будущем, чтобы позволить им продолжать и получать прибыль от вышеупомянутого искусства Грамматики". Эта бедность также не была относительной, просто "façon de parler", как утверждают некоторые. Сам университет был беден и почти не имел средств на общие нужды.[597] "Студенты университета в Средние века набирались из всех слоев общества, исключая, вероятно, как правило, самые низшие, хотя и не исключая самых бедных." [598] Мы также отмечаем, что бедные студенты получали от ректора разрешение на попрошайничество.[599]

Автор "*Пирса Плаумена*" иллюстрирует мнение современников о социальном положении многих из тех, кто шел в священники.

"Теперь каждый сеятель может отдать своего сына в школу,
И каждый нищий отпрыск в книге учится,
И достойно писателю и лорду жить,
Или лживо брату извергу служить,
Так из того нищенского отродья епископ, что просвещен,
Среди пэров земли презирать;
И лордовы сыновья смиренно к лорду прислуживают,
Knyghtes crooked hem to, and coucheth ful lowe,
А его отец - сеятель, испачканный жиром,
И зубы у него от игрушек из кожи, избитые, как у сау".

В "Записях корпорации Норвич" содержится рассказ, который, даже если и не является типичным, то уж точно иллюстрирует то, как сыновья многих бедняков прокладывали себе путь к священству. История, на которую мы ссылаемся, - это рассказ о своей жизни, который дал "сэр Уильям Грин", когда проходил допрос по обвинению в шпионаже. Он заявил, что был сыном рабочего, жившего в Бостоне, Линкольншир, и что он "выучился на грамматика в течение двух лет". Около пяти или шести лет он занимался ручным трудом вместе с отцом; затем он снова учится в школе "в течение двух лет и за это время получил бенет и акколет в братстве Остина в Бостоне у одного брата Гонта, тогдашнего бейнга суфрагана епархии Линкольна". Впоследствии его находят в Кембридже, где он приступает к учебе и обеспечивает себя частично трудом, частично "посещением колледжей, а также метелок и сухарей из ольхи". После некоторого перерыва он "получил лицензию на один год от мистера Каппера, который был заместителем канцлера упомянутого университета, под его печатью, благодаря чему... (он) собрал в Кембриджшире рельефов для их выставления на посмешище"[600].

Нам нет нужды следить за судьбой или несчастьями этого притворного священника дальше. В записях приводятся имена трех человек, принадлежавших к самому низкому социальному классу и, очевидно, отличавшихся беспринципностью, поскольку они не только подделывали лицензии на попрошайничество, но и подделывали письма о рукоположении. Хотя мы не утверждаем, что этот случай типичен для социального класса, из которого происходят студенты, но, с другой стороны, его не следует рассматривать как совершенно исключительный; другими словами, класс людей, получивших лицензию на попрошайничество как аккредитованный студент университета, должен был быть общепризнанным. В то же время, как отмечает доктор Гастингс Рэшдалл, мы должны помнить, что пример монахов сделал нищенство сравнительно респектабельным. "Многие люди, которым было бы стыдно копать, не стыдились попрошайничать; и нищий ученый был наделен чем-то вроде святости нищего монаха"[601].

Понимая, что будущим священникам необходимо изучать грамматику, прежде чем они поступят в университеты, и предполагая, что эти начинающие ученые были буквально бедны и не могли позволить себе даже посещать местные грамматические школы, которые, как мы видели, были распространены в средневековой Англии, мы спросим, какие действия предпринял бы такой человек, как Уильям из Уайкема, который хотел увековечить память о себе и быть полезным для Церкви в целом, естественно?

Ответ на этот вопрос отчасти зависит от характера моделей, доступных для подражания. Ранее мы уже показывали, что подражание сыграло большую роль в развитии английского образования. Первой очевидной моделью для подражания была обычная модель предоставления мастера, который должен был свободно обучать грамматике всех мальчиков, желающих прийти к нему. Этот план, естественно, сначала понравился Уильяму

Уайкхемскому и был им принят. В 1373 году он заключил договор с мастером Ричардом Хертоном, грамматистом, о том, что тот "будет добросовестно и прилежно обучать грамматике бедных учеников, которых отец содержит и будет содержать за свой счет; и не будет принимать других без разрешения отца"[602].

Такой порядок едва ли отвечал цели, которую преследовал Уайкхем. Он хотел обеспечить подходящими условиями бедных подростков во всех частях страны, а не только тех, чьи дома находились в Винчестере.

И снова возникает вопрос: какие модели были доступны? За два столетия до этого епископ Генрих Блуасский организовал питание бедных учеников в больнице Святого Креста, расположенной в миле от Винчестера. В этом госпитале жили и питались тринадцать бедных и немощных мужчин, и, кроме того, сто бедняков города получали обед каждый день. В число этих ста бедняков должны были входить "тринадцать бедных учеников городской школы", которые должны были быть направлены туда "магистром Высшей грамматической школы города Винчестера".

Аналогичный обычай "с незапамятных времен" существовал в госпитале Святого Николая, где еженедельно выделялось сорок хлебов для учеников школы Понтефракта[603].

Кроме того, предоставление дома для проживания стипендиатов было формой благотворительности, происхождение которой можно проследить, по крайней мере, до двенадцатого века. Около 1150 года Уолчелин, денежник Дерби, и Года, его жена, завещали определенное имущество аббатству Дерби "с тем расчетом, что зал будет служить школой для клерков, а палаты - домом для мастера и клерков на вечные времена"[604].

Более близким примером для Уайкема в его стремлении обеспечить содержание и образование "нищих и неимущих клириков" был епископ Эксетерский Стэплдон. Он хотел обеспечить "содержание мальчиков, изучающих грамматику и получающих наставления в морали и жизни" в связи с госпиталем Святого Иоанна в Эксетере. Осуществлению этой цели помешала его смерть, но епископ Грандиссон, его преемник, в 1332 году распорядился, чтобы магистр и братья госпиталя предоставили жилье и все остальное необходимое для магистра грамматики и четырнадцати мальчиков. Перед поступлением мальчики должны были знать псалтырь и уметь петь простые песни[605].

Можно привести несколько подобных примеров. Так, около конца двенадцатого века архидиакон Дарема того времени выделил средства на обеспечение трех учеников Даремской школы едой и жильем в алмонри.[606] В 1262 году епископ Солсберийский Джайлс основал в этом городе общежитие "для вечного приема и содержания начальника, двух капелланов и двадцати бедных, нуждающихся, хорошо воспитанных и способных к обучению учеников." [607] В 1364 году Уолтер де Мертон, канцлер Англии, подарил несколько поместий "для вечного содержания двадцати ученых, живущих в школах Оксфорда или в других местах." [608] Около 1387 года епископ Бургерш из Линкольна предоставил основанному им братству содержание для шести бедных мальчиков, которые "исповедовали искусство грамматики."

В дополнение к этим образцам существовали образцы, предоставленные коллегиальными церквями и монастырями. Коллегиальные церкви находились под управлением декана или проректора и небольшого числа чиновников; как правило, при церкви также состоял магистр грамматики. Эти коллегии были нерезидентами. Священники, прикрепленные к церкви, жили в своих собственных домах. Монастырь возглавлялся аббатом или настоятелем, монахи были резидентами, а также небольшое количество мальчиков из хора.

Не нужно обладать большим воображением, чтобы представить себе Уильяма Уайкхемского, размышляющего над всеми этими возможностями. В итоге, похоже, победила монашеская идея с тем важным отличием, что вместо взрослых монахов были введены "scholares pauperes et indigentes".

Изучение иллюстрации Винчестерской школы подтверждает эту концепцию. Самым заметным элементом зданий колледжа была церковь. В ней ежедневно должно было совершаться богослужение. Вокруг церкви располагались клуатры и палаты - жилые помещения для бедных ученых клерков. Чем внимательнее изучаешь здание, тем отчетливее прослеживается его связь с монашеским идеалом.

Влияние монашеского идеала становится еще более очевидным в связи с основанием Итонского колледжа, второй из наших великих государственных школ по дате возникновения. Хартия об основании этой школы была скреплена печатью 11 октября 1440 года. В этой грамоте Генрих VI, основатель колледжа, которому тогда было восемнадцать лет, заявил о своем намерении основать колледж^[609] "в честь и для поддержки нашей великой и святейшей матери в приходской церкви Итона у Виндзора, что недалеко от места нашего рождения"^[610].

По первоначальному плану этот колледж должен был состоять из "проректора и десяти священников, четырех клерков и шести мальчиков-хористов, чьей обязанностью будет ежедневно служить там богослужение, и двадцати пяти бедных и нуждающихся учеников, чьей обязанностью будет изучение грамматики, а также двадцати пяти бедных и слабых мужчин, чьей обязанностью будет всегда молиться в том же месте за наше доброе состояние, пока мы живы, и за нашу душу, когда мы отойдем от этого света.....также мастера или учителя грамматики, чьей обязанностью будет обучать упомянутых нуждающихся ученых и всех других, кто и когда бы то ни было из нашего королевства Англии, приходящих в упомянутый колледж, основам грамматики безвозмездно, не требуя денег или чего-либо еще"^[611].

Монашеская концепция проявилась в полной мере. Во главе учреждения стояли проректор и десять священников, что соответствовало аббату и послушникам монастыря, далее мы находим мальчиков-хористов, которые соответствовали мальчикам из школы альмонри, помогавшим в богослужении, далее идет поддержка бедных и слабых мужчин, что является общей чертой многих монастырей, и наконец, есть "бедные и нуждающиеся ученые", которые должны занять место, обычно занимаемое монахами.

В 1441 году Генрих VI основал в Кембриджском университете колледж под названием Королевский колледж Святого Николая. Сначала между Итоном и Королевским колледжем не было никакой связи, но в 1443 году был принят новый устав, который увеличил число студентов, которые могли быть приняты в колледж, а также предусматривал прием "комменсалов", которые должны были оплачивать свое питание. Добавление "commensales" еще больше подчеркивает влияние монастырской модели. С ранних времен было принято, чтобы главы монастырей принимали своего рода "пансионеров", и было особенно уместно, чтобы в учреждении, которое было в первую очередь образовательным, а не просто благочестивым, были приняты меры для приема тех ученых, которые могли и хотели платить.

Генрих продемонстрировал свою заинтересованность в школе, выдав в 1446 году ордер, в котором, после того как он сообщил, что основал в Итоне колледж для "семидесяти ученых, чьей обязанностью является изучение грамматики, и шестнадцати хористов, чьей обязанностью также будет, когда они будут достаточно обучены пению, изучать грамматику, а также мастера-учителя грамматики и училища для обучения вышеупомянутых мальчиков,

стипендиатов и хористов"[612], и далее он объявил, что "никто, какой бы власти он ни был, не будет иметь права в любое время предполагать содержать, учреждать или основывать любую такую публичную грамматическую школу в городе Виндзоре или где-либо еще на расстоянии десяти английских миль от нашего упомянутого Королевского колледжа."[613]

Этот ордер имеет особое значение в двух отношениях. Во-первых, он показывает, что учреждение, основанное Генрихом VI, не должно было отличаться в каком-либо существенном отношении от других местных грамматических школ, существовавших в разных частях страны. Напротив, были предприняты меры, чтобы предотвратить противодействие. Существовала реальная опасность того, что безвозмездный характер обучения в Итоне может склонить мастеров к открытию платных школ, что неизбежно приведет к снижению социального престижа школы. Другой важный факт вытекает из использования фразы "публичная грамматическая школа". Это первое употребление термина в этом смысле, которое нам удалось отследить, и, вероятно, это первый случай, когда это слово используется в качестве альтернативы слову "свободная", которое, как мы уже объясняли, обозначает, что школа была открыта для всех желающих.

Нет необходимости в дальнейшем рассмотрении истории государственных школ. Эта тема уже была подробно рассмотрена другими, в частности, мистером Личем в его *"Истории Винчестерского колледжа"* и сэром Х. К. Максвеллом Лайтом в его *"Истории Итонского колледжа"*.

Однако мы можем отметить три аспекта, в которых сначала Винчестер, а затем Итон отличались от схоластических учреждений, которые были созданы ранее.

1. Масштаб, в котором был реализован Винчестерский колледж, явно отличает его от всех предыдущих оснований. Количество стипендиатов, которых обеспечивал Уайкхем, и стоимость пожертвований, приложенных к школе, означают значительный прогресс по сравнению с тем, что было предпринято ранее.
2. Это была новая идея - связать школу в районе, удаленном от университетского центра, с колледжем в Оксфорде. Рэшдалл отмечает, что Роберт Эгглсфилд, основатель Квинс-колледжа, надеялся иметь в Оксфорде школу для мальчиков в связи со своим колледжем. Это предложение не было реализовано. То, что Эгглсфилд просто предложил для Оксфорда, Уайкхем фактически осуществил в Винчестере[614].
3. Винчестерский колледж - это первый пример школы-интерната, чистого и простого. Коллегиальные церкви и раньше предусматривали безвозмездное обучение стипендиатов, но истинной целью создания коллегиальной церкви было проведение богослужения эффективным и достойным образом. Ранее уже выделялись средства на питание и проживание стипендиатов, но это должно было осуществляться в связи с существующим благотворительным учреждением. В Винчестере впервые было создано учреждение, предназначенное для обучения и содержания стипендиатов, и только для этих целей. "Действительно важный новый шаг был сделан, настоящий шаг вперед, когда Уайкхем сделал свою школу отдельным и самостоятельным фондом..... Корпоративное название "Начальник и ученые, клерки" обозначило школу и школьников как цель и объект фонда"[615].

Необходимо рассмотреть еще один вопрос. В наши дни большие государственные школы посещают сыновья богатых родителей : были ли эти школы изначально основаны для детей того социального слоя, который посещает их сейчас? В учредительных документах прямо говорится, что они были созданы для "бедных и неимущих учеников".

Мистер Лич яростно пишет по этому поводу. "Произошло много дискуссий, и много прекрасного красноречия было потрачено впустую по поводу квалификации "бедных и нуждающихся". Утверждалось... что в вопросе об одаряемых школах имело место ограбление бедных; что лица, имеющие право, согласно уставу основателя, на блага Винчестерского колледжа, были бедняками в смысле закона о бедных, нищими, нищими из сточных канав или, по крайней мере, бедными рабочими классами. Я полагаю, что нет ни малейшего основания для подобного утверждения в отношении любой государственной или наделной грамматической школы, основанной до 1627 года"[616].

Мистер Лич выдвигает следующие аргументы в поддержку изложенных им взглядов:.

(1) Он утверждает, что критерием бедности с точки зрения школы была клятва, которую должен был дать каждый ученик по достижении пятнадцати лет: "У меня нет ничего, на что я мог бы потратить больше пяти марок в год." [617] Так вот, поскольку на этот момент в епархии Винчестера было шестьдесят семь домов ниже этой суммы, и поскольку 1 6s. 8d. составляли жалование квалифицированного ремесленника того времени, мистер Лич утверждает, что владение 3 6s. 8d. было очень значительным доходом для мальчика.

В ответ на это можно указать, что клятва предусматривает только крайние случаи. В этой связи можно упомянуть, что под конец правления Генриха VIII было предложено учредить бесплатную грамматическую школу при Эксетерском соборе. Сорок учеников этой школы должны были быть приняты без оплаты за обучение, и, кроме того, они должны были получать шиллинг в неделю для оплаты "своих коммун в пределах города". Итак, критерием бедности для кандидатов на эту должность было то, что их родители не должны были получать доход выше 300 фунтов стерлингов в год, что, возможно, равно 5 000 фунтов стерлингов в наши дни. [618] Если предположить, что денежные выплаты первых лет двадцатого века в сорок раз превышали стоимость таких выплат в четырнадцатом веке, то даже тогда крайний предел дохода кандидата на поступление в Винчестер составлял 133 фунта 6с. 8d. современных денег. Поэтому очевидно, что класс мальчиков, для которых предназначался Винчестерский колледж, должен был быть более низкого социального уровня, чем тот, для которого планировалось создать соборную грамматическую школу в Эксетере.

(2) В пункте, который является постскриптумом к Рубрике XVI, было предусмотрено, что "сыновья знатных и влиятельных особ... в количестве десяти человек *могут* обучаться и получать знания по грамматике в колледже, без взимания платы с колледжа". Этот пункт мистер Лич называет "зародышем" системы государственных школ и утверждает, что он отследил среди первых простолюдинов колледжа "молодых дворян, отпрысков графских семей и родственников судей и канцелярских чиновников".

Мы утверждаем, что это совершенно не относится к данному случаю, поскольку "пансионеры", как указывает сам мистер Лич, [619] часто принимались в монастырских домах. Даже если не принимать во внимание тот факт, что приведенные им подробности скудны, а его выводы ни в коем случае не доказательны, можно утверждать, что присутствие в школе богатых мальчиков при особых обстоятельствах не лишает силы утверждение о том, что обычно там учились мальчики "бедные и нуждающиеся". Так, доктор Гастингс Рашдалл, говоря о студентах университета, утверждает, что "был отпрыск княжеского или дворянского дома, который жил в том стиле, к которому привык дома, в собственном общежитии с многочисленной "семьей", включающей более бедных, но хорошо воспитанных молодых людей, которые одевались как он..... На другом конце социальной лестницы находился бедный ученый, вынужденный просить милостыню или становиться слугой колледжа,

хозяина или состоятельного студента"[620]. Если бедняки, в смысле те, кто вынужден был просить милостыню или зарабатывать ее, пока учился в колледже, ручным трудом, не исключались из университета, то почему следует считать, что они не входили в число "бедных и неимущих учеников", для которых Винчестерский колледж был специально основан?

Мы также можем отметить, что в то время не было принято, чтобы мальчики из хорошей семьи или даже сыновья богатых и преуспевающих купцов и торговцев получали образование, будучи отправленными в школу. Примеры, которые можно привести, немногочисленны и неубедительны. Как мы уже выяснили, для обучения этих молодых людей обычно использовалась практика отправки их в большую семью или, в более поздние времена, привлечения в дом частного воспитателя. Можно также привести доказательства того, что молодые люди из хорошего социального положения редко поступали в университеты в это время. Так, доктор Фернивалл указывает, что вплоть до конца XVI века в "*Athenae Cantabrigienses*" Купера упоминаются только три имени дворян и девять имен сыновей рыцарей, а в "*Athenae Oxonienses*" Вуда - только девятнадцать человек благородного или рыцарского происхождения[621].

Далее мы можем рассмотреть доказательства выдвинутого нами утверждения, что, когда Уайкхем строил свой колледж, он предназначал его для тех, кто был слишком беден, чтобы платить за образование, независимо от их социального положения, и что термин "бедные" не исключал детей мужчин, которые принадлежали к трудовому классу общества.

(1) Как мы уже неоднократно повторяли, в учредительном договоре фактически используется термин "бедные и неимущие" (*pauperes et indigentes*). Мистер Лич утверждает, что это просто означает "относительно бедных", бедных родственников дворян или детей преуспевающих купцов. Его утверждение кажется необоснованным расширением значения фразы, и невозможно привести цитату из какой-либо хартии или документа того времени, в котором этому термину придается особое значение.

(2) Даже шестьдесят лет спустя, при основании Итонского колледжа, когда характер Винчестерской школы окончательно определился, когда король Генрих VI пожелал создать фонд, который должен был превзойти Уайкхемский, он присоединил к школе богадельню для "двадцати пяти бедных и слабых мужчин". Присоединение богадельни к школе указывает на ее предназначение как благотворительного фонда для низших слоев общества.

(3) Средний класс пятнадцатого века был зажиточным. В одиннадцатом веке в Англии существовало только два социальных класса: дворянство и различные классы арендаторов. Средний класс, который постепенно разрастался, завоевывал свое положение благодаря богатству. Богатые и преуспевающие купцы стремились подражать знати страны и отправляли своих сыновей в дворянские дома для получения образования или, по крайней мере, для того, чтобы дать им наставника. Можно также добавить, что духовенство того времени, которое практически являлось профессиональным классом, было безбрачным.

(4) Мистер Лич сам, без умысла, использует примеры, чтобы показать, что сыновья крепостных посещали школы. Он указывает, что в 1295 году Уолтер, сын плотника Реджинальда, "получил лицензию на посещение школы" с условием уплаты штрафа.[622] Аналогично, в 1344 году холоп в Коггешолле в Эссексе был оштрафован за то, что отправил своего сына в школу без лицензии. В 1384 году в Харроу холоп был лишен лошади за то, что отправил своего сына в школу без лицензии. Мистер Лич продолжает: "Поместья XIV века по всей стране испещрены штрафами за отправку мальчиков "*ad scholas clericales*" в школы, чтобы они стали клерками"[623] Итак, нам кажется очевидным, что если одни крепостные

отправляли своих сыновей в школы после оплаты лицензии, то другие пытались сделать это без оплаты и, вероятно, преуспели в этом. Но, несомненно, установлен тот факт, что дети родителей, принадлежащих к низшему социальному классу, обычно посещали школу.

Если справедливо рассмотреть эти аргументы, то можно утверждать, что Итонское и Винчестерское учебные заведения изначально предназначались для мальчиков, чьи родители были "бедными и нуждающимися", а не просто для отпрысков дворянства или сыновей преуспевающих купцов. Единственным условием приема, практически, было то, что эти мальчики впоследствии должны были поступить в университеты, чтобы завершить курс подготовки к священству.

ГЛАВА VII.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОЛЛЕДЖИ, КОЛЛЕДЖИ И КОЛЛЕГИАЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

В первых главах этой работы мы показали, что работа по евангелизации Англии была одновременно делом регулярного и светского духовенства. Регулярное духовенство - это те, кто принял определенные обеты и разделял общую институциональную жизнь. Светское духовенство относится к одному или другому из двух классов. К одному классу мы относим тех, кто работал в различных приходах, над которыми они были поставлены; к другому классу - определенные группы духовенства, которые были организованы в сообщества, называемые коллегиями, и служили общей церкви.

Примерно в начале двенадцатого века в этой стране началось общее движение в сторону монашества. Некоторые из существующих светских соборов и коллежских церквей стали монашескими, и, кроме того, значительно увеличилось число монастырей. Такая практика продолжалась примерно до середины XIII века, когда проявилось начало коллегиальной системы в университетах. Тенденция к строительству новых монастырей постепенно прекратилась. Отныне мы читаем о создании колледжей и коллегиальных церквей.

Одним из самых ранних примеров создания университетского колледжа является "Коллеж де Дикс-Хуит", который был основан в Париже в 1180 году Джойси из Лондона на его пути домой после паломничества в Иерусалим. Его единственная цель заключалась в том, чтобы обеспечить некоторое обеспечение для ученых клерков, обучавшихся в Париже[624].

В Англии самым ранним примером университетского колледжа был колледж, основанный в Солсбери епископом Джайлсом из Бридпорта. С 1209 года в Солсбери существовал университет, который пополнился переселенцами из Оксфорда в 1238 году.[625] В связи с этим университетом епископ Джайлс в 1262 году основал общежитие для "вечного приема и содержания надзирателя, двух капелланов и двадцати бедных, нуждающихся, хорошо ведущих себя и обучаемых ученых, служащих Богу и блаженному Николаю, и там живущих, изучающих Священное Писание и свободные искусства"[626].

Происхождение и развитие университетских колледжей в связи с университетами Оксфорда и Кембриджа настолько подробно рассмотрено различными авторами, что здесь

необходимо сделать лишь краткое упоминание. Доктор Гастингс Рашдалл называет Уолтера де Мертон "истинным основателем" системы английских колледжей. В 1264 году[627] он основал в Малдоне "Дом ученых Мертона" "для вечного содержания двадцати ученых, живущих в школах Оксфорда или другого места, где может процветать университет, и для содержания двух или трех служителей алтаря Христова, живущих в том же доме".[628] Первоначально идея этого основателя заключалась в предоставлении средств на образование его племянников или потомков его родителей, или (при отсутствии достаточного количества таковых) других "честных и способных молодых людей"[629] Люди, получавшие поддержку из этих средств, должны были арендовать зал и жить вместе как община в университете. В 1274 году был издан новый свод законов для контроля и регулирования деятельности фонда. Здесь, в первом из английских колледжей, монастырские институты стали образцом, которому подражали. Во главе учреждения стоял чиновник, соответствующий аббату, далее следовали чиновники, напоминающие различных служащих монастыря; к ним относятся "виценарии", которые ставились над каждым двадцатью учеными, и "декан" над каждым десятью учеными. Стипендиаты соответствовали монастырским послушникам. Схема контроля за мальчиками (ведь некоторым из стипендиатов часто могло быть всего тринадцать или четырнадцать лет)[630] напоминает по своему духу правила Ланфранка для школы облитов и послушников в Кентерберии[631].

Сходство между монастырем и основами Мертона проявляется еще более отчетливо, когда мы понимаем, что он даже предусмотрел класс, который соответствовал бы облитам. Он постановил, что "если кто-либо из малышей вышеупомянутого рода, став сиротой или по другой причине бедности своих родителей, захочет получить содержание, пока они получают начальное обучение, то смотритель должен дать им образование в вышеупомянутом доме"[632].

Примеру, поданному Уолтером де Мертоном, последовал епископ Бальшам из Эли при основании первого колледжа в Кембридже в 1280 году. Он поместил несколько бедных ученых в госпиталь Святого Иоанна, "чтобы они жили вместе и учились в Кембриджском университете по правилу ученых Оксфорда, которых называют Мертонскими".[633] Эксперимент не увенчался успехом, поскольку "с течением времени по разным причинам между братьями одного дома и вышеупомянутыми стипендиатами часто возникали разногласия"[634], в результате чего стипендиатов переселили за город "и перевели в трактир при церкви Святого Петра"[635], который был им выделен, вследствие чего колледж получил название Питерхаус, под которым он известен до сих пор.

На этом мы должны оставить тему создания университетских колледжей и перейти к рассмотрению колледжей светских каноников, которые быстро основывались во всех частях страны. В "*Монастиконе*"[636] приводится список из двадцати шести заведений, названных коллежскими церквями, и ста шестидесяти пяти, названных просто колледжами, не считая соборных церквей. Мы преуменьшаем число, когда утверждаем, что за пределами университетов в этой стране было двести колледжей или коллежских церквей. Термин "колледж" или "коллегиальная церковь" можно использовать безразлично; оба подразумевают организацию светских священников или светских священников и ученых, основанную с целью "ad orandum et studium".

Одной из первых коллежских церквей, основанных после Завоевания, была церковь Хауден в Йоркшире. В свое время предполагалось, что церковь станет достоянием монастыря,[637] но в 1266 году епископ Роберт Даремский превратил ее в колледж светских священников.[638]

Сохранившиеся записи об этой церкви скудны и касаются в основном достояния, которое она постепенно получила.

Коллегиальная церковь Хаудена служит иллюстрацией трудностей, связанных с прослеживанием истории образования в этой стране, а также образовательного значения коллегиальных церквей. Как мы только что отметили, документы этой церкви крайне скудны, и если бы мы полагались только на них, то, естественно, пришли бы к выводу, что никакого образовательного интереса это учреждение не представляло. Иной взгляд на этот вопрос возникает, когда мы изучаем Даремский реестр того периода.^[639] Здесь мы находим записи о назначении учеников в эту церковь, *напр.* в школу пения в 1393 году, в грамматическую школу в том же году, в школу чтения и пения в 1394 году, в школу чтения и пения в 1401 году, в школу чтения и пения в 1402 году, в грамматическую школу в 1403 году, в школу грамматики и чтения в 1409 году, в школу пения и чтения в 1412 году, отдельные назначения для чтения и пения в 1426 году, а последняя запись относится к Дж. Армандсону, Б.А., который был назначен "ad informandum pueros in lectura et grammatica" во время благоволения настоятеля.

Мы привели эти различные ссылки на назначения, потому что они показывают, что коллегиальные церкви, как правило, считали одной из своих определенных функций предоставление образовательных услуг тем, кто желал ими воспользоваться. Для того чтобы более полно продемонстрировать это утверждение, мы приведем ряд примеров создания коллегиальных церквей.

В 1267 году епископом Бромескомбом из Эксетера была основана коллегиальная церковь святого Фомы Мученика в Гласни близ Пенрхена в Корнуолле.^[640] Мы ничего не знали бы об образовательной работе, проводимой в этой церкви, если бы не возвращение, сделанное уполномоченным в соответствии с Актом о шантирах от 1547 года. В сертификате о продолжении обучения говорится, что школа в Гласни должна была продолжаться, поскольку ранее ее содержал "один из упомянутых викариев-сколемастеров... из-за чего народ очень сокрушается, и решено взять другого обучаемого человека, поскольку в том же городе много людей"^[641]. Этот колледж особенно интересен, поскольку это одно из немногих мест, о которых имеются записи, где было предусмотрено обучение первым зачаткам знаний. В нем говорится, что...

"Джон Паунд, звонарь колоколов, 30 лет от роду, получал за свое жалованье 40/-, а также за обучение местных детей ABC и за звон колоколов 40/-"^[642].

Переходя к колледжу, основанному в 1337-8 гг. в Оттери Сент-Мэри в Девоншире епископом Грандисоном, мы находим первый пример коллегиальной церкви, где в уставе учреждения указано, что в его состав должны входить "магистр музыки" и "магистр грамматики"^[643].

Коллегия светских священников была основана в Равенгеме в Норфолке в 1350 году; в 1382 году она была переведена в замок Меттингем. Этот колледж также предоставлял обычные условия для образования.^[645] Некоторое время мальчики, связанные с этим колледжем, похоже, посещали грамматическую школу в Беклсе.^[646]

Фонд, который был квазиколлегиальным, но который можно рассматривать как предшественник нежилых грамматических школ, которые впоследствии стали общепринятыми, датируется 1384 годом. Он был основан в Уоттон-андер-Эдж Кэтрин, леди Беркли, которая предоставила определенные земли для строительства школьного дома и содержания "мастера и двух бедных ученых клерков, живущих в колледже".^[647] Священник-школьный мастер должен был исполнять обязанности капеллана в поместье

основательницы и совершать молебны "о здравии нас... и о душах наших, когда мы отойдем от этого света"[648] Было предусмотрено назначение мастера школы по мере появления вакансий. Также требовалось, чтобы мастер "любезно принимал всех ученых, кто бы, как бы и когда бы ни приходил за наставлениями в указанном искусстве грамматики, и должным образом обучал их этому искусству, не требуя, не требуя и не принимая от них никаких преимуществ за их труд в виде стипендии или жалованья, чтобы вышеупомянутые мастера не могли быть обвинены в приставании".[649] Правила, касающиеся стипендиатов, гласят, что они "не должны быть поставлены мастером на время для выполнения какой-либо должности или службы, но должны быть вынуждены постоянно посвящать свое время обучению и учебе"[650].

Другим подобным небольшим колледжем был колледж Бредгара в Кенте, основанный в 1393 году восемью людьми, главным из которых был Роберт де Бредгар. В разрешении на основание колледжа[651] говорится лишь об обычной цели - молиться о благе основателей при жизни, и об их душах, когда они покинут этот свет, а также о душах "omnium fidelium defunctorum". Дополнительные сведения о намерениях основателей мы получаем из изучения "Statuta et Ordinationes pro meliori Gubernatione ejusdem".[652] Нам нет необходимости подробно рассматривать этот устав, хотя в нем значительно подчеркивается образовательный аспект деятельности фонда. Один из этих уставов гласит

"Volo et ordino, quod nullus capellanus ad capellanum dicti collegii admittatur nisi tunc sciat bene legere, bene construere, et bene cantare; nullus praeficiatur clericus scholaris dicti collegii, nisi tempore praesentationis hujusmodi bene legere et competenter cantare sciat."

В том же году, когда был основан Бредгарский колледж, Томас, герцог Глостерский, основал колледж в Плеши, в Эссексе. Фонд должен был состоять из магистра, восьми светских священников, двух клерков и двух хористов.[653] В лицензиях на основание колледжа, как обычно, ничего не говорится о преподавании, но в возвращении уполномоченным по делам костелов в 1547-8 гг. говорится, что при колледже был священник, который содержал бесплатную грамматическую школу.[654] Уильям Кортни, архиепископ Кентерберийский, основал в 1396 г. колледж светских священников большого масштаба в Мейдстоне в Кенте. В качестве ядра нового колледжа был взят госпиталь, основанный в 1260 году предыдущим архиепископом Кентерберийским. Приходская церковь была использована в качестве коллегиальной. В различных лицензиях, санкционировавших основание колледжа,[655] не говорится об образовании, но мы знаем, что в колледже было предусмотрено обучение, поскольку после его роспуска городской совет выкупил у Эдуарда VI право на содержание школы[656].

Церковь Хеммингборо, в Йоркшире, стала коллегиальной в 1426 году, с проректором или старостой, тремя пребендариями, шестью викариями хора и шестью клерками.[657] В королевской лицензии на основание церкви приводится обычная причина ее учреждения, в которой говорится, что в церкви должна быть "quoddam collegium de uno praeposito sive custode et caeteris prebendis, vicariis, clericis, et ministris, qui divina in dicta ecclesia celebrent, pro salubri statu nostro, dum vivimus, et pro anima nostra, cum ab hac luce subtracti fuerimus".[658] Есть запись о том, что настоятель Дарема назначил мастера в школу в 1394 году,[659] так что, по всей вероятности, учебные заведения были предоставлены колледжем.

Особого упоминания заслуживает колледж Тонге в Шропшире, который был основан в 1410 году вдовой сэра Фулка Пенбриджа.[660] В его состав входили староста, четыре светских священника в качестве капелланов, два клерка и богадельня на тринадцать человек.[Нам повезло, что мы располагаем "Статутом и Ординацией для правительства"[662], поскольку из

него ясно, что эти колледжи считали своим долгом обеспечивать образование. Статья гласит: "Statuimus et ordinamus, quod unus e capellanis praedictis, vel alius clericus dicti collegii, si capellanus in hac parte habere non poterit in lectura, cantu, et grammatica competenter instructus, qui pro dispositione custodis, et sanioris partis dicti collegii, clericos et alios ministros collegii, et ultra eosdem pauperes juvenes ejusdem villae, seu de vicinis villis, teneatur diligenter instruere."^[663]

Важно отметить, что коллежский фонд обеспечивал образование даже в таком маленьком месте, как Тонге.

В 1415 году Эдмунд Мортимер, граф Марч, основал колледж в Сток-нект-Клэр. Ранее здесь существовал чужой приор, который затем был преобразован в колледж светских священников. Граф Марч увеличил ее доходы, чтобы содержать декана, шесть пребендариев, восемь викариев, четырех клерков, шесть хористов, офицеров и слуг.^[664] Из устава и ордонансов для управления этой коллегией^[665] мы узнаем, что должен был быть назначен школьный учитель, чтобы обучать мальчиков колледжа чтению, пению и пению.^[666]

"Благородный колледж"^[667] был основан в Фотерингхее в 1412 году Эдуардом, герцогом Йоркским. Колледж состоял из магистра, двенадцати капелланов или стипендиатов, восьми клерков и тринадцати хористов. Устав колледжа во многом основывался на уставе Винчестерского и Нового колледжей и предусматривал назначение одного мастера для преподавания грамматики, а другого - для обучения хористов пению^[668].

Генри Чичли, архиепископ Кентерберийский, основал колледж в Хайам Феррерс, своем родовом поместье, в последний год правления короля Генриха V, для магистра, шести светских капелланов, четырех клерков и шести хористов; из них "unus eorum capellanorum sive clericorum ad grammaticam, et alius capellanus sive clericus de eisdem capellanis sive clericis ad cantum instruendum et docendum ibidem deputetur et assignetur."^[669] Поступок Чичли, сделавшего своих школьных учителей неотъемлемой частью фонда, - это шаг вперед по сравнению с Уайкхемом, который сделал их только стипендиатами^[670].

В 1432 году графом Саффолком в Юэлме было основано учреждение, имевшее характер скорее госпиталя, чем колледжа. Оно состояло из богадельни для двух капелланов и тринадцати бедняков,^[671] а к богадельне была пристроена грамматическая школа. Согласно школьному уставу, директором школы должен был быть "человек с хорошим расположением духа, способный к обучению грамматике, в чьи обязанности должно входить долго и усердно обучать и информировать детей по предмету грамматики, provydeded that all chylder of our chapelle, of the tenauntes of our lordshyp of Ewelme and of the lordshypes perteyning to the said Almesse Howse, now present and at alle tymes to com, frely be tawt without exaccion of any scole-hir."^[672]

В 1432 году Джон Кемп, в то время архиепископ Йоркский, а затем кардинал, получил от Генриха VI разрешение на создание колледжа для совершения богослужений и обучения молодежи в приходе Уай.^[673] Колледж должен был состоять из "мейстера и шести священников, двух клерков и двух кверистов, а также мейстера грамматики, который должен свободно вести занятия, не допуская ничего, кроме тех, кто приходит к нему на занятия"^[674].

В Таттерсхолле, в Линкольншире, колледж был основан и одарен сэром Ральфом Кромвелем в 1439 году. Он состоял из старосты, шести священников, шести клерков, шести хористов и

богадельни для тринадцати бедняков. Можно проследить существование в этом колледже магистра грамматики и магистра хористов[675].

Теперь мы перейдем к рассмотрению двух главных колледжей, которые были основаны до Акта 1547 года, приведшего к их роспуску, - Акастер-колледжа и Ротерхэм-колледжа.

Оригинальные документы об основании Акастер-колледжа, по-видимому, не сохранились. В *Монастиконе* нет никаких упоминаний об этом колледже. В частном акте парламента, принятом в 1483 году с целью урегулирования возникшего спора по поводу огораживания, говорится, что колледж был основан Стиллингтоном, епископом Бата и Уэллса, и что этот фонд включал "трех дайверов, майстеров и информаторов на подписанном факультете; один из них - грамоте, другой - музыке и песне, третий - письму, и всему тому, что относится к ремеслу подьячего, для всех людей, какого бы рода они ни были в пределах Англии.... открыто и свободно, без взимания денег или других поборов с любого из их подобных Ученых и Учеников"[677].

В свидетельстве кантри, относящемся к этому колледжу, говорилось следующее.

"Есть ректор и три стипендиата, все они преисты, из которых один ведет бесплатное изучение грамматики в соответствии с основанием"[678].

Имеется полная информация об основании колледжа в Ротерхэме Томасом Ротерхэмом, архиепископом Йоркским, на основании лицензии от 22 января 1483 г.[679].

В уставе колледжа[680] основатель заявил, что вырос бы "неучем, неграмотным и грубым", если бы по воле случая в окрестностях не появился "vir in gramatica doctus", который дал возможность желающим изучать элементы грамматики. Поэтому, чтобы обеспечить будущую молодежь, он учредил колледж, состоящий из проректора, трех стипендиатов и шести ученых хористов.

Проректор должен был осуществлять общий надзор за учреждением, руководить обучением стипендиатов и всех остальных, кто пожелает воспользоваться его услугами, а также проповедовать в епархии Йорка, особенно в определенных церквях[681].

Первый стипендиат должен был обучать грамматике под руководством и контролем проректора. Второй стипендиат должен был обучать искусству музыки[682], "особенно простому и ломаному пению, во всех настроениях и формах этого искусства", ученых, желающих учиться, прибывающих из любой части Англии и особенно из епархии Йорка.[683] Третий стипендиат должен был обучаться искусству письма и ведения счетов. Архиепископ Ротерхэм утверждает, что основал эту третью стипендию, поскольку хотел помочь тем, кто не желал достичь "высокого достоинства" священства, приспособиться "к механическим искусствам и другим мирским заботам"[684]. Все эти стипендиаты колледжа должны были усердно преподавать "без вымогательства денег или чего-либо еще в школах и домах, отведенных для этой цели в колледже"[685].

Прежде чем перейти к рассмотрению данных, собранных нами в этой главе, мы можем вкратце остановиться на образовательных мероприятиях, проводимых в связи с больницами. В дополнение к образовательному аспекту благотворительного фонда в Юэлме, о котором мы уже упоминали,[686] отметим, что в 1231 году в приходе Сент-Беннет-Финк существовала еврейская синагога. Она была подарена Генрихом III братьям святого Антония Вьеннского во Франции. Они основали госпиталь, состоящий из мастера, двух священников, школьного

учителя, двенадцати бедных братьев и различных служащих.[687] Дальнейшее развитие событий произошло в 1441 году, когда Джон Карпентер, занимавший в то время должность мастера госпиталя святого Антония, получил от епископа Лондона доходы от прилегающего к госпиталю ректорства на содержание "мастера или подходящего информатора по грамматическому факультету..... для содержания грамматической школы на территории госпиталя или в каком-нибудь подходящем доме поблизости, чтобы бесплатно обучать, наставлять и информировать всех мальчиков и других людей, желающих учиться и стать учеными." [688] Основанная таким образом школа добилась значительных успехов и около 200 лет была главной школой в Лондоне.

Можно также упомянуть об основании больницы Хейтесбери в Уилтшире. В 1472 году леди Хангерфорд была выдана лицензия[689] на основание богадельни, состоящей из хозяина и двенадцати бедных братьев. В уставе этого заведения указано, что хозяин должен был уметь преподавать грамматику, что канцлер Солсбери должен был представлять "способного хранителя и достаточного учителя грамматики при каждом уклонении", и что в обязанности хозяина входило "обучать и информировать всех таких детей и всех других людей, которые придут в то место, которое назначено для их обучения в пределах Хейтсбери, и ... обучать их с самого начала"....должен учить их с самого начала обучения и до того времени, когда они изучат достаточно... грамматики; ни одна школа не нанимает ни одного человека и не берет (кроме как у) таких, кто из их друзей может потратить 10 фунтов или больше, или еще кто даст бесплатно"[690].

Наша трактовка проблемы, которой мы занимаемся в данной диссертации, отличается в этой главе от той, что была принята в других главах. Мы собрали здесь массу свидетельств, иллюстрирующих ту роль, которую коллегиальные церкви играют в образовании. Эти свидетельства не являются исчерпывающими. Мы можем с легкостью привести свидетельства образования, предоставляемого коллегиальными церквями в Ледбери, в Ллангадоке, в Бреконе, в Сент-Дэвидсе, в Кредитоне, и, вероятно, дальнейшие исследования позволят получить дополнительные примеры.

Вопрос в том, какие общие принципы вытекают из рассмотрения этих примеров?

(1) Церковь считала одним из своих главных дел благотворительности предоставление образования. Благотворительный аспект становится особенно очевидным, когда мы рассматриваем объединение богадельни и школы, как в Итоне, Юэлме, Хейтесбери и Сент-Энтони. Хотя, как мы пытались показать в предыдущих главах, рост общественного сознания привел к тому, что различные общественные организации осознали свою обязанность по предоставлению образовательных учреждений, тот факт, что другие власти проявляли активность в этом вопросе, не означал, что Церковь должна была оставаться равнодушной. Напротив, приведенные нами примеры свидетельствуют о значительной активности.

(2) Каждая из коллежских церквей обычно рассматривалась как центр образовательной работы. Этот факт, по-видимому, был настолько общеизвестен, что его редко указывают в лицензиях, разрешающих основание. Лишь некоторые особые обстоятельства, например, существование устава или возвращение комиссаров кантри, позволяют определенно узнать об учебной работе этих коллегий. Поскольку образовательный аспект работы этих колледжей не был предметом законодательного регулирования[691], он должен был быть обусловлен традицией. Эта традиция должна восходить к самым ранним дням создания таких колледжей, и здесь мы возвращаемся ко времени введения христианства в этой стране. На самом деле, определенная связь между колледжами и образованием прослеживается еще со времен святого Августина Гиппонского.

(3) В отношениях этих коллегий с образованием постепенно наметились изменения. Сначала мастер грамматики и пения был просто наемным работником, возможно, клерком, который был прикреплен к учебному заведению в каком-то подчиненном качестве. В учредительном акте Винчестерского колледжа, например, нет упоминания о мастере грамматики, в учредительном акте Итонского колледжа говорится о "*magister sive informator in grammatica*", но в то время как другие назначения определенно упоминаются, назначение школьного учителя, по-видимому, было второстепенным вопросом. Постепенно положение магистра улучшается, пока в последнем примере создания колледжа до Реформации, который мы приводим в этой главе, - основании Ротерхэмского колледжа - мы не увидим, что учреждение, состоящее из проректора и трех стипендиатов, каждый из которых занимался образовательной деятельностью, было таким, в котором схоластический аспект превалировал над всеми другими аспектами.

ГЛАВА VIII.

УЧЕБНЫЙ ПЛАН И МЕТОД.

Традиционный взгляд на учебный план школ Средневековья рассматривает его как состоящий из тривиума[693] и квадравиума;[694] под этими двумя терминами в основном подразумевалось все обучение того времени. Исследование содержания "Семи свободных искусств" было бы ненужным отступлением, тем более что степень, в которой эти предметы действительно входили в школьную программу, до сих пор вызывает большие сомнения[695].

Отдав дань общепринятой точке зрения, мы, однако, отмечаем, что, когда мы переходим к изучению фактических источников, доступных сегодня для изучения средневекового образования, термины, которые наиболее часто встречаются в записях, как указывающие на то, что преподавалось в школах, это "грамматика" и "песня". Они повторяются раз за разом; мастер назначается "*ad informandum pueros in grammatica*" или "*in cantu*"; или, в костеле, "*to teche frely almannor of childern Gramer*";[696] to "*teach gramer and plane songe*." [697] Любой студент, приступающий к изучению предметов учебной программы школ Средневековья, не имея никаких предубеждений относительно того, чему учили в школах, и прилежно читающий доступные сейчас документы того периода, не колеблясь, заявит, что учебная программа состояла из грамматики и песен.

Ранее мы уже рассматривали[698], что обозначали эти термины в общем смысле. Наша следующая задача - выяснить, имеются ли какие-либо подробности о школьных программах в рассматриваемый нами период. Поскольку они сравнительно скудны, нам удастся собрать воедино сведения о большинстве источников, которые позволят нам реконструировать учебные планы школ средневековой Англии.

Наиболее систематизированный отчет о средневековом образовании мы имеем из трудов Иоанна Солсберийского. Основные факты его жизни легко изложить. Проведя около пятнадцати лет на континенте и пройдя курс обучения, он вернулся в эту страну и стал секретарем архиепископа Теобальда, который поручил ему важные дипломатические миссии как внутри страны, так и за рубежом. Впоследствии он стал другом и советником Томаса а Беккета, при смерти которого он присутствовал. Последние четыре года своей жизни Иоанн был епископом Шартра. Здесь мы можем предвосхитить возражение, которое

наверняка последует. Образование Иоанна Солсберийского происходило в основном во Франции, а поскольку данная диссертация посвящена английскому образованию, возникает вопрос: не является ли этот раздел неуместным? Ответ заключается в том, что Иоанн Солсберийский был англичанином и одним из величайших ученых Средневековья. Образование, которое он получил, было тем образованием, которое было возможно для англичанина его эпохи. Кроме того, рассказ об образовании Джона Солсберийского - лучший из доступных для изучения учебных программ средневековья.

Джон рассказывает, что в детстве его отдали под опеку священника, вместе с другими мальчиками "ut psalmos addiscerem."^[699] Кстати, можно упомянуть, что этот священник, похоже, интересовался магией и нанимал своих учеников для помощи ему. Однако, поскольку Иоанн оказался беспокойным, после первого случая его услугами не воспользовались.

В своем *"Металогике"*^[700] Иоанн рассказывает о своем дальнейшем образовании. Еще совсем молодым человеком он перебрался во Францию.^[701] Там он учился у Абеяра, от которого получил первые уроки логики. Впоследствии его обучал Альберик, преемник Абеяра, которого он описывает как "очень уважаемого диалектика и самого ярого противника секты номиналистов". Его также учил Роберт Мелунский, англичанин, который позже стал епископом Херефорда. Джон пробыл под руководством этих мастеров около двух лет. Оба они, по его словам, обладали значительными способностями к логике и диспутам, хотя их методы различались. Один из них был скрупулезен до мельчайших деталей и всесторонне обсуждал малейшие трудности, связанные с рассматриваемой проблемой; другой отвечал быстро и никогда не уклонялся от предложенного вопроса, "но многословием показывал, что простой ответ дать невозможно".

Эти учителя преподавали только логику, и воспитание "острого и проворного ума с острым интеллектом", похоже, было единственной целью, которую они преследовали. В этом предмете Джон стал настолько сведущ, что "в банальных правилах и других элементарных принципах, которые изучают мальчики и в которых вышеупомянутые мастера были наиболее весомы, я, казалось, знал их так же хорошо, как свои ногти и пальцы. Одного я, конечно, достиг - оценивал свои знания гораздо выше, чем они того заслуживали. Я воображал себя молодым ученым, потому что быстро усваивал то, чему меня учили".

Джон, однако, почувствовал в себе интеллектуальный аппетит, который не удовлетворяла формальная рутина логики; поэтому он решил заняться изучением грамматики и с этой целью отправился из Парижа в Шартр, чтобы учиться у грамматиста Вильгельма Коншского. Соборная школа в Шартре издавна славилась как центр обучения. Одним из самых известных мастеров школы был Бернар Сильвестр, которого Иоанн Солсберийский назвал "в новейшие времена самым обильным источником букв во Франции"^[702] Пул рассказывает об этой школе при Бернаре: "Ученик учился у Бернара...

"Ученик проходил через всю рутину метаплазмы, схематизма и фигур речи; но это была лишь основа. Как только стало возможным, его познакомили с самими классическими текстами, и, чтобы вызвать живой интерес к изучению, Бернард не просто грамматически обрабатывал их, но и свободно комментировал их..... Он также не ограничивался формой прочитанного, а стремился донести до учеников его смысл. Он придерживался принципа, что чем шире и богаче знания мастера, тем полнее он воспринимает изящество авторов и тем яснее он их преподает"^[703].

Среди методов обучения, принятых Бернардом и его преемниками в школе, Ричардом Епископом и Уильямом Кончским, было требование ежедневно упражняться в сочинении

прозы и стихов. В качестве подготовки к этим упражнениям ученикам показывали качества классических писателей, которые считались достойными перенятия. Ученики передавали свои упражнения друг другу для комментариев и критики, и таким образом стимулировалось подражание. Помимо сочинения, ученики должны были многое запомнить: каждый день они должны были вести записи полученных уроков. Иоанн Солсберийский пишет о Ричарде Епископе, что тот был человеком, "который владел всеми видами знаний и у которого было больше сердца, чем речи, больше учености, чем красноречия, больше правды, чем тщеславия, больше добродетели, чем хвастовства; то, чему я научился у других, я пересмотрел у него, кроме того, некоторые вещи, которые я узнал впервые, относящиеся к Quadrivium..... Я также снова изучил риторику, которую раньше я едва понимал, когда она впервые была поверхностно рассмотрена мастером Теодорихом." [704] Иоанн также изучал риторику у Петра Гелиаса, "грамматика с высокой репутацией".

По всей видимости, в этот период Иоанн был вынужден содержать себя сам, поскольку у него не было родителей или родственников, которые могли бы его поддержать. Поэтому мы видим, что он учил на сайте "детей знатных людей". Он не считал время, проведенное в обучении молодых, потерянным, поскольку оно заставляло его пересматривать то, чему он сам научился ранее. Занимаясь преподавательской деятельностью, Джон познакомился с Адамом дю Пти Поном, англичанином, который впоследствии стал епископом Сент-Асафа. Джон описывает Адама как человека "весьма образованного, который уделял особое внимание изучению Аристотеля". Джон старается подчеркнуть, что он никогда не был учеником Адама, однако, судя по всему, Адам был хорошо расположен к Джону и помогал ему в различных вопросах.

Чтобы посвятить себя изучению теологии, Иоанн вернулся в Париж. Его обучение было прервано из-за бедности; в течение необходимого промежутка времени он снова выступал в качестве наставника. По истечении трех лет он снова оказался в Париже, где продолжил обучение сначала у Роберта Пуллуса, а затем у Симона из Пуасси - "надежного лектора, но скучного в диспутах".

В заключение записи о своих школьных занятиях Джон рассказывает о посещении парижской школы логики, которую он посещал в юности. Он утверждает, что его целью было попытаться оценить относительный прогресс, достигнутый школами логики и им самим. Он пишет: -...

"Я нашел их такими же, как прежде, и там же, где они были прежде; не похоже, что они достигли цели в распутывании старых вопросов, и они не добавили ни одного предложения. Цели, которые когда-то вдохновляли их, вдохновляли их и сейчас; они продвинулись только в одном пункте, они не научились умеренности, они не знали скромности. И таким образом опыт подсказал мне очевидный вывод: если диалектика способствует развитию других наук, то, оставаясь сама по себе, она лежит бескровной и бесплодной, и не ускоряет душу, чтобы принести плоды философии, если только та не зародится в другом месте" [705].

Некоторую часть образовательной биографии мы также получаем из трудов Александра Некхэма, который одно время был директором школы в Данстейбле. [706] Некхэм рассказывает, что в детстве он посещал школу в Сент-Олбансе; затем он переехал в Париж, где изучал теологию, медицину, каноническое и гражданское право [707].

Прежде чем мы сможем рассмотреть, какие выводы мы можем сделать в отношении учебных программ двенадцатого века, необходимо обратиться к третьему рассказу.

Уильям Фицстефен (ум. 1190) был нанят Томасом а Бекетом. Он стал свидетелем убийства своего хозяина и написал его биографию. Эта работа содержит интересный рассказ о Лондоне двенадцатого века и, кстати, описывает важный случай в жизни школьника. Он утверждает: "В праздничные дни хозяева школы

"В праздничные дни хозяева устраивают собрания в церквях, *en fête*. Ученые ведут диспуты, одни декламируют, другие отвечают на вопросы. Эти разворачивают эвтигемы, эти используют лучшую форму совершенных силлогизмов. Одни спорят просто для показухи, как это делают на собраниях, другие - ради истины, которая есть благодать совершенства. Софистов, использующих сократовскую иронию, называют счастливыми из-за массы и объема их слов; другие играют на словах. Изучающие риторику, произнося риторические речи, говорят по существу с целью убеждения, тщательно соблюдая предписания своего искусства и не опуская ничего, что к нему относится. Мальчики разных школ соревнуются друг с другом в стихах, или спорят, или разбирают принципы грамматики, или правила претеритов и супинов".

В заключение Фицстефен приводит цитату из Персия:.

"multum ridere parati
Ingeminant tremulos naso crispante cachinnos."[\[708\]](#)

Из той же работы мы можем также отметить упоминание, которое Фицстефен дает о воспитании Беккета. Он рассказывает, что будущий архиепископ сначала воспитывался "в религиозном доме канонического монастыря Меритония", а затем провел годы "младенчества, пуэритии и пубертата" в доме своего отца и "в городской школе". Став юношей, Томас отправился учиться в Париж[\[709\]](#).

Приведенные нами рассказы об образовании Джона Солсберийского, Александра Некхама и Томаса а Беккета заслуживают внимания. Они показывают, что образование в двенадцатом веке было гораздо более общим и гораздо более развитым, чем мы обычно думаем. Аудитория, собиравшаяся на школьных праздниках, была способна понять и оценить диалектические споры, которые велись на латыни. В другом месте мы также узнаем, что, когда Гиральдус Камбрэнсис выступал с речами, его везде понимали, когда он говорил на латыни.

Принимая во внимание эти три факта, мы можем с полным основанием выделить четыре стадии образования в двенадцатом веке.

I. На этой стадии дети учились по роговой книге и букварю,[\[710\]](#) а также заучивали наизусть некоторые псалмы.

II. Грамматический класс. Цель обучения на этом этапе - дать ученику рабочие знания латинского языка. В основном использовались грамматики Доната и Присциана; они дополнялись изучением различных сборников пословиц, басен и диалогов, например, "Дистихов" Катона. Песня изучалась одновременно с грамматикой.

III. Логический класс - изучался мальчиками, достигшими удовлетворительного прогресса в грамматике. Он состоял только из формальной логики. Труды Боэция были источником, из которого раннее Средневековье черпало свои знания по логике.

IV. Университетский класс - этим термином мы обозначаем высшее образование того периода, получаемое в Париже, Оксфорде или в любом другом известном центре интеллектуальной деятельности. Приведенные нами примеры исследований, проводимых

Джоном Солсберийским и Александром Некхамом, послужат иллюстрацией характера работы, которая велась на этом этапе.

В XIII веке единственным упоминанием об образовании, проливающим свет на школьную программу за пределами Оксфордского университета, которое нам удалось проследить, является выдержка из Книги законов о главах Саутвеллского монастыря, в которой говорится, что в 1248 году "non teneantur Scolae de Grammatica vel Logica infra prebendas Canonicorum, nisi secundum consuetudinem Ebor."[\[711\]](#) Этот отрывок служит иллюстрацией продолжающегося существования трех классов образования, которые мы перечислили.

В уставе Мертон-колледжа в Оксфорде, датируемом XIII веком, говорится об изучении грамматики, которым должны заниматься как ученые, так и мальчики. Грамматик должен говорить с мальчиками на латыни, когда это будет им полезно, или он может говорить с ними на "idiomate vulgari" (*то есть на французском*). В той же главе говорится, что обучение ученых состоит из "искусств, философии, канонического права или теологии".

Дополнительное представление об условиях средневекового образования можно получить, ознакомившись с некоторыми трудами Роджера Бэкона. О его жизни почти ничего не известно: "Родился, учился в Оксфорде, отправился в Париж, учился, экспериментировал; снова в Оксфорде, францисканец; учится, преподает, становится подозрительным для своего ордена, отправляется обратно в Париж, находится под наблюдением, получает письмо от Папы, пишет, пишет, пишет - три свои самые известные работы; снова попадает в беду, заключен на много лет, освобожден и мертв, очень мертв, как тело, так и слава, пока частично не обнаружен через пять веков"[\[712\]](#).

Во время учебы в Оксфорде Бэкон учился у двух учителей, имена которых он называет, - Роберта Гроссетесте, который "знал науки лучше, чем кто-либо другой"[\[713\]](#), и Адама Марша, которого он связывает с Гроссетесте как "совершенного в божественной и человеческой мудрости". Из Оксфорда Бэкон отправился в Париж, где не только продолжил обучение, но и занялся преподаванием. Он пишет: "Я заставил молодежь обучаться языкам и геометрическим фигурам, числам, таблицам и инструментам, а также многим необходимым вещам"[\[714\]](#).

Интерес к образованию, очевидно, распространялся примерно в это время. "Никогда, - пишет Бэкон, - не было ни такого проявления мудрости, ни такого преследования учености в стольких регионах, как в последние сорок лет. Доктора распространены повсюду, особенно в теологии, в каждом городе, замке и бурге, главным образом благодаря двум студенческим орденам"[\[715\]](#) Несмотря на этот всеобщий интерес, Бэкон жалуется, что "никогда не было столько невежества и столько ошибок". Он перечисляет четыре причины, объясняющие это невежество: "пример слабых и недостойных авторитетов, давно установившийся обычай, чувство невежественной толпы и сокрытие собственного невежества под видом мудрости"[\[716\]](#) Четвертую причину Бэкон особенно осуждает: "Это одинокий и дикий зверь, который пожирает и уничтожает всякий разум - это желание казаться мудрым, с которым рождается каждый человек".

В дополнение к этой общей атаке на причины распространенного невежества Бэкон выдвигает семь отдельных обвинений против учителей своего времени[\[717\]](#).

(1) Хотя теология является царицей наук, философия все же занимает доминирующее положение.

(2) Теологи не изучают в достаточной мере "лучшие науки". Под "лучшими науками" Бэкон подразумевал "грамматику иностранных языков, из которой происходит все богословие". Еще большую ценность представляют математика, оптика, моральные науки, экспериментальная наука и алхимия". К "обычным наукам" (*scientiae viles*) относятся "грамматика, логика, натурфилософия в ее низшей части и некоторая часть метафизики".

(3) Ученые не знают греческого, древнееврейского и арабского языков, а значит, не понимают, что содержится в книгах, написанных на этих языках.

(4) Они читают лекции по "Сентенциям" Петра Ломбарда, а не по тексту Писания.

(5) Копия Писания Вульгаты в Париже очень испорчена.

(6) Из-за испорченности текста как буквальное толкование, так и духовное толкование Писания полны ошибок.

На этом текст *Opus Minus* обрывается, так что никакой информации о седьмой критике, которую хотел предложить Бэкон, нет[718].

Чтобы исправить недостатки образования, Бэкон предлагает дополнить обычные учебные предметы. Особое внимание, по его мнению, следует уделять языкам, в частности латинскому и греческому; кроме того, Бэкон хотел, чтобы изучались иврит, халдейский и арабский языки. Примечательно, что Бэкон желал, чтобы эти языки изучались ради их знания-материи, а не ради литературы, которую они воплощают. Рядом с языками Бэкон ставил изучение математики. "Я считаю математику необходимой на втором месте, для того чтобы мы могли знать то, что может быть известно. Она не заложена в нас природой, но все же ближе всего к врожденному знанию из всех наук, которые мы познаем через открытие и обучение. Ведь изучать ее легче, чем все остальные науки, и мальчики легко осваивают ее разделы. Кроме того, миряне умеют строить диаграммы, вычислять, петь и пользоваться музыкальными инструментами. Это и есть "опера" математики"[719].

От Бэкона мы узнаем кое-что о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться средневековому ученому. Среди прочего, он жалуется на безразличную ценность переводов, с помощью которых только и можно было получить знания. "Хотя у нас есть множество переводов всех наук... во всех их сочинениях присутствует такая абсолютная фальшь, что никто не может в достаточной степени удивляться этому"[720] Скучность книг ставила большие препятствия на пути тех, кто хотел извлечь из них пользу. "Научные книги Аристотеля, Авиценны, Сенеки, Цицерона и других древних можно приобрести только за большие деньги; их основные труды не переведены на латынь, а копии других не найти ни в обычных библиотеках, ни в других местах"[721] Нехватка компетентных учителей, особенно в области математики, еще более усугубляла трудности. "Без математики невозможно достичь ничего стоящего в философии. Поэтому необходимо иметь хороших математиков, которых очень мало. Никто не может получить их услуги, особенно лучших из них, кроме папы или какого-нибудь великого князя"[722] Кроме того, не хватало и средств на приобретение необходимых научных приборов: "Без математических инструментов нельзя овладеть ни одной наукой; а этих инструментов не найти у латинян, и их невозможно изготовить за 200 или 300 фунтов стерлингов. Кроме того, непременным условием являются лучшие таблицы, ибо, хотя удостоверение таблиц осуществляется с помощью инструментов, этого нельзя добиться, если не будет огромного количества инструментов"[723] Вопрос о расходах - это вопрос, к которому Бэкон часто обращается, поскольку он обнаружил, что невозможность покрыть расходы, необходимые для работы, которую он хотел осуществить, эффективно препятствует реализации проектов, которые он задумал. "Я знаю, как действовать, - пишет

он, - и какими средствами, и каковы препятствия; но я не могу продолжать из-за отсутствия необходимых средств. За двадцать лет, в течение которых я специально трудился над изучением мудрости, не обращая внимания на мнение толпы, я потратил более двух тысяч фунтов на оккультные книги и различные эксперименты, языки, инструменты, таблицы и прочие вещи"[724].

Также имеются подробные сведения об учебном плане для бакалавров, которые должны были определяться в Оксфорд в 1267 году. В нее входили

Логика. Бакалавры "должны поклясться на Евангелии, что они прошли все книги старой логики на лекциях по крайней мере дважды, кроме Боэция, для которого достаточно одного слушания, и четвертой книги топикив Боэция, которую они не обязаны слушать вообще; в новой логике - книгу "Предварительная аналитика", "Топики" и "Ошибки" дважды; но книгу "Задняя аналитика" они должны поклясться, что слышали по крайней мере один раз".

Грамматик. Присциан и Донат.

Натурфилософия. "De Anima, De Generatione et Corruptione"[725].

Для четырнадцатого века у нас есть труды Чосера, которые помогают пролить свет на то, что преподавалось в школах. Он рассказывает нам о следующем.

"Стояла небольшая школа Кристен Фолк
Doun at the ferther ende, in ther were
дети, рожденные от христианской крови.
That lerned in that scole yeer by yeer,
Swich maner doctrine as men used there,
То есть, чтобы говорить, петь и искупать,
As smale children doon in hir childhede."[726]

Среди этих детей он описывает "сына вдовы, светлого клерка, семи лет от роду", которого благочестивая мать научила вставать на колени и произносить "Ave Marie" всякий раз, когда он видел "образ Христа умеренного". Мальчик услышал, как его старшие поют "Alma redemptoris", и попросил одного из них "объяснить эту песню на его языке или рассказать, почему эта песня в обиходе". Старший мальчик объяснил, что она поется в честь Матери Христа: "Хир, чтобы приветствовать и укачивать ее, чтобы ублажать". Однако больше он ничего не смог сказать своему собеседнику.

"Я не могу больше объяснять на этом языке;
Я лелею песни, но могу лишь немного грамматики".

То есть он учился читать и петь, но его знания латыни были незначительны.

Эти отрывки из Чосера позволяют нам понять, что школы были распространены в то время и что программа обучения состояла из чтения на латыни, пения и, для тех, кто проявлял способности, дальнейшего изучения латинской грамматики.

Чосер также описывает нам:...

"В Оксенфорде также был клерк,
Что к логике долго шел".

Но единственная информация, которую мы получаем об академических занятиях этого клерка, заключается в том, что он,

"у его постели,
Двадцать книг, обтянутых блэком или тростником,
Аристотеля и его философию"[727].

В конце XIV века устав Нового колледжа в Оксфорде, который также был частично уставом Винчестерского колледжа, дает нам представление об учебном плане того времени. Университетские ученые должны были изучать теологию, каноническое и гражданское право, искусства и философию; хористы должны были обучаться чтению и пению; впоследствии это было объяснено как "чтение, простые песни и старый Донат". От винчестерских "pauperes scholares" ожидали знания грамматики[728].

С этого времени мы начинаем получать более полные сведения о школьной программе. Поэтому нам остается лишь привести репрезентативные примеры.

I. Ипсвич.

Некоторые сведения о программе обучения в грамматической школе можно почерпнуть из выдержки из записи в судебной книге Ипсвича за 1476-7 гг. Она гласит: "-

"Грамматический мастер должен отныне иметь юрисдикцию и управлять всеми учеными в пределах свободы и участка этого города, за исключением лишь мелких, называемых "обезьянами" и песнями, принимая на свое жалованье от каждого грамматика, псалтырщика и первоучителя, согласно тарифу, установленному епископом Норвича, а именно: за каждого грамматика 10 д., псалтырщика 8 д. и первоучителя 6 д. в квартал"[729].

В этом отрывке приведены четыре класса обучения.

1. Младшие, или младенцы, состоящие из тех, кто выучил A B C.[730]
2. Те, кто изучал букварь[731].
3. Изучающие псалмы.
4. Изучающие Доната и Присциана.

II. Чайлдри.

Первый полный учебный план школы, который нам удалось обнаружить, это тот, что был составлен для школы, основанной в 1526 году в Чилдри, в Беркшире, сэром Уильямом Феттиплейсом. Священник, назначаемый в школу, должен был быть хорошо обучен грамматике. Детей в школе должны были обучать сначала алфавиту, затем на латыни молитве "Отче наш", "Аве Мария", Апостольскому креду, всему, что необходимо для служения мессы, De Profundis, соборованиям об усопших и благодати на обед и ужин; а на английском - четырнадцати статьям веры, десяти заповедям, семи смертным грехам, семи таинствам, семи дарам Святого Духа, семи делам милосердия, порядку исповеди, хорошим манерам и доброму поведению. Кроме того, если кто-то из тех, кто посещал школу, был способен к дальнейшему обучению, мастер должен был обучить их грамматике[732].

III. Итон.

Мы также располагаем полным отчетом о программе обучения, принятой в школе, основанной по завещанию Эдмунда Флауэра, "лондонского портного"[733]. До своей смерти

Флауэр "в течение нескольких лет за свой счет содержал и содержал в Кукфельде школу грамматики". В 1528 году Уильям Спайсер, настоятель Балкомба, дополнительно наделил эту школу полномочиями, потребовав, чтобы директор школы "преподавал в указанной школе грамматику в соответствии с порядком и правилами, принятыми в грамматической школе в Итоне близ Виндзора, от формы к форме". Для этой цели была получена копия Итонского расписания. Оригинал, к сожалению, был утерян, но копия, датируемая периодом Стюартов, до сих пор хранится в книге, принадлежащей викарию Кэкфилда.^[734] Итонская таблица расписания этого периода также была отправлена в школу Саффрон Уолден и, вместе с таблицей расписания Винчестера, была включена в устав школы Саффрон Уолден.^[735]

Устав показывает, что в школе использовалась латинская грамматика Стэнбриджа для младших классов и Уиттингтона для старших классов. Джон Стэнбридж, ставший мастером госпитальной школы в Банбери в 1501 году, написал несколько латинских грамматик. Впоследствии преподавание грамматики "по образцу Банбери" было предписано в ряде грамматических школ, например, в Манчестере, Кэкфилде и Мерчант-Тейлорс.^[736] Уиттингтон был мастером школы в Личфилде, связанной с госпиталем Святого Иоанна в этом городе; он выпустил улучшенный вариант грамматики Стэнбриджа.^[737]

Среди латинских авторов, упоминаемых в этих уставах, - Теренций, Цицерон, Саллюст, Цезарь, Гораций, Овидий, Вергилий, что свидетельствует о начале влияния эпохи Возрождения. Здесь, однако, мы затрагиваем тему, которую следует оставить для будущего рассмотрения. Можно слишком много вчитываться в этот список авторов, так как Колет в своем уставе 1518 года, когда речь идет о выборе авторов для изучения в школе Святого Павла, упоминает Лактанция, Пруденция, Проба, Седулия, Ювенкуса и Баптиста Мантуанского, хотя он прямо заявил, что хочет выбрать только "хороших актеров, таких, у которых истинно римское красноречие сочетается с мудростью".

Таким образом, мы можем резюмировать, что школьная программа Средневековья состояла в основном из грамматики, подразумевая под этим термином изучение чтения церковной латыни и приобретение умения говорить на латыни. В течение двенадцатого и тринадцатого веков логика также изучалась и некоторое время была главным предметом. Постепенно логика отошла на второй план, отчасти из-за того, что новые дисциплины постепенно входили в учебный план благодаря гуманистическому влиянию, которое начало проявляться в Италии в XIV веке, а отчасти из-за того, что мыслители осознали бесплодность изучения логики.

К концу пятнадцатого века в школьной программе стал появляться новый предмет - изучение искусства подьячего, или искусства письма. Мы уже касались этой темы в предыдущих главах.^[738] Здесь же достаточно привести причину, по которой Томас Ротерхэм, архиепископ Йоркский, ввел этот предмет в свое основание Ротерхэмского колледжа в 1483 году:^[739]

"Tercio que, quia multos luce et ingenii acumine preditos juvenes profert terra illa, neque omnes volunt sacerdotii dignitatem et altitudinem attingere, ut tales ad artes mechanicas et alia mundi Concernia magis habilitentur, ordinavimus tercium socium, in arte scribendi et computandi scientem et peritum."

ГЛАВА IX.

ПРОГРЕСС ОБРАЗОВАНИЯ.

При рассмотрении прогресса в области образования, достигнутого нашей страной в позднее Средневековье, мы должны начать с рассмотрения идеалов, которые в разное время доминировали в образовании и создавали предложение и спрос на образовательные учреждения.

Идеал, лежавший в основе первых школ, созданных в этой стране, был в основном религиозным. Первые миссионеры четко осознавали, что христианская религия не может существовать бок о бок с невежеством. Необходимо было обеспечить новообращенным возможность эффективно участвовать в богослужении, проводимом церковью; необходимо было обучать латыни тех, кто хотел правильно понимать учение церкви, и тех, кто хотел быть принятым на службу в церкви. Латынь была родным языком христианских миссионеров; на этом языке велись церковные службы; на латинском языке была написана средневековая церковная литература. Более того, латынь была универсальным языком цивилизованного мира того времени, и, следует помнить, в нашей стране не существовало стандартного языка, который мог бы ее заменить. Именно в ответ на этот идеал Церкви, идеал, который требовал, чтобы средства для религиозного образования были доступны всем, Церковь поставила перед собой задачу обеспечить наличие школы в каждом приходе, в каждом городе, в каждом поселке.

Прогресс христианской религии влечет за собой прогресс в области нравственности. Прогресс нравственности неизбежно влечет за собой прогресс цивилизации. С ростом цивилизации постепенно развивался интерес к душевным и телесным вещам. Таким образом, образование стало приобретать ценность само по себе, помимо его служения религиозному прогрессу.

Но идеал образования, необходимого для нравственного совершенствования, никогда не переставал быть идеалом, лежащим в основе создания церковных школ. С самого раннего времени три вещи считались необходимыми для религиозного образования: должно быть воспитание привычки к богослужению и преданности, ум должен быть снабжен адекватными и систематизированными знаниями о доктрине Церкви, чтобы служить руководством к поведению, и перед умом ученика должен стоять идеальный образ Христа, человеческий и божественный.

Отсюда следует, что учебная программа школ развивалась в соответствии с этим идеалом. Как мы уже видели, она состояла из песен и грамматики: песен - из-за их ценности в воспитании привычки к поклонению и преданности; грамматики - потому что она давала ученику ключ к разгадке кладезя знаний, которыми обладала Церковь.

Постепенно появился еще один идеал. Люди начали понимать, что церковные школы были полезны для "хлеба и зрелищ". Как идеал, который мы описали вначале и который создал предложение школ, был самым высоким из возможных, так и мотив, который оказал важное влияние на спрос на школы, был самым низким из возможных. Тем не менее, следует признать, что мотив "хлеба и зрелищ" оказался самым мощным в стимулировании спроса на школы. На протяжении всей истории человечества корысть всегда была мощным стимулом к действию. При нормальных обстоятельствах и в подавляющем большинстве случаев, как

только человек осознает, что определенный курс будет полезен для него, он приступает к необходимым действиям.

Эти два идеала действовали бок о бок в период с XI века до конца Средневековья. Власти церкви, веря в ценность образования как средства возвышения человеческого характера, стремились создать школы; принцип собственной выгоды во многих случаях заставлял детей посещать эти школы.

Ближе к концу рассматриваемого нами периода постепенно проявился новый идеал и новое агентство. Новый идеал возник из понимания ценности образования. Образование стало восприниматься как подготовка к жизни в этом мире, а также к жизни в вечности; теперь "обучение и манеры" стали сочетаться так же, как раньше сочетались "религия и буквы". Так, мы читаем, что школа в Уисбече была основана для того, чтобы дети могли получать "благочестивое и верное образование"[740], а школа в Тьюксбери - "для воспитания в этих юношах знания веры и хорошего обучения"[741].

С осознанием социального идеала образования школы стали предоставляться гражданскими обществами и купцами, нажившими себе состояние. Социальный идеал возник из ценности религиозного образования, поэтому учебная программа не пострадала. Изменилось учреждение, через которое предоставлялись школьные услуги, изменился способ управления школами, изменилось отношение учителя к церкви, но учебная программа не изменилась. Изначально вдохновленная религиозным идеалом, теперь она, как известно, служила социальным целям.

Среди первых купцов, основавших школы, можно назвать Уильяма Севеноукса, бакалейщика из Лондона, который основал Севеноукскую грамматическую школу в 1432 году, Эдмунда Флауэра, гражданина и торгового портного из Лондона, основателя Кэкфилдской грамматической школы в 1521 году, Ричарда Коллиера, мерсера, который основал Хоршемскую школу в Сассексе в 1532 году, и Уильяма Дайера, мерсера, который основал школу в Хаутон-Реджисе в 1515 году.

Учитывая эти общие принципы, можно сделать вывод, что основные события, связанные с развитием образования в позднее Средневековье, удобно рассматривать под тремя рубриками.

1. Обстоятельства, повлиявшие на потребность в школах.
2. Лоллардизм и образование.
3. Законодательство в области образования.

(1) Обстоятельства, повлиявшие на спрос на школы, вытекали из существующих социальных условий. Церковь как профессия была весьма привлекательна для способной, но не имеющей ни гроша в кармане молодежи. Многие из выдающихся церковных деятелей Средневековья были людьми сравнительно низкого происхождения. Так, Уильям Уайкхемский был сыном йомена, чьи предки на протяжении многих поколений "пахали те же земли, преклоняли колени перед тем же алтарем и оказывали должные почести и услуги хозяину поместья". Генри Чичли, впоследствии архиепископ Кентерберийский, известный как основатель колледжа Всех Душ, также был сыном йомена. Уильям Уэйнфлет, впоследствии епископ Винчестерский и лорд-канцлер Англии, был низкого происхождения и

одно время занимал сравнительно скромную должность грамматического мастера в Итонском колледже с жалованьем в 10 фунтов в год.

Но помимо больших церковных премий, доступных выдающимся способностям, существовало также множество возможностей для человека, который воспользовался образовательными возможностями церковных школ и овладел там элементами грамматики. Из церковно-приходских школ он мог перейти в школу коллегиальной церкви, а возможно, и поступить в университет и в конце концов получить сан священника.

Финансовые преимущества церковного образования стали очевидны после Нормандского завоевания и возникли в результате непредусмотренных обстоятельств. До Завоевания приходы этой страны находились под духовной опекой саксонских настоятелей, которые, как правило, были хорошо рождены и занимали высокое положение. Нормандское завоевание в конечном итоге привело к тому, что эти люди были лишены сана и заменены плохо оплачиваемыми викариями или приходскими капелланами. Главными факторами, которые привели к такому положению вещей, стали импроприации, папские провизоры, плюрализм, а также постепенно распространившийся обычай назначать на должности викариев людей, которые были допущены лишь к второстепенным церковным орденам.

Практика присвоения была косвенным результатом возрождения монашеского принципа. Постепенно появился обычай наделять вновь основанный монастырь патронажем существующих церквей. Когда появлялась вакансия, монастырь как покровитель бенефиция передавал его себе как корпорации и получал причитающееся ему жалованье, назначая "викария" для исполнения необходимых духовных обязанностей и предоставляя викарию лишь сравнительно незначительную долю мирских благ бенефиция. Таким образом, положение инкумбента значительно ухудшалось как в плане достоинства, так и в плане вознаграждения.

Обычай папских провизоров берет свое начало в XIII веке, когда папы стали брать на себя полномочия назначать на вакантные должности. Таким образом, иностранцы были назначены на многие из самых прибыльных английских благочиний. Естественно, они никогда не приближались к своим приходам, а довольствовались назначением плохо оплачиваемого приходского капеллана для выполнения необходимых обязанностей. Этому обычаю был положен конец Статутом Праэмунира (1392).

Следует также отметить, что система множественности владений в Средние века была распространена до такой степени, которая сегодня кажется нам почти невероятной. Один человек мог владеть несколькими ценными состояниями, к которым он никогда не приближался, в то время как клерк, которому часто платили жалкое жалованье, должен был выполнять всю работу. Не менее порочным был обычай назначать на должности благочинных людей, которые были приняты лишь в малые духовные ордена. "Если взглянуть на списки настоятелей приходов в любой хорошей истории графства, можно обнаружить, что настоятели приходов часто были всего лишь дьяконами, иподьяконами или пономарями. Очевидно, что во многих из этих случаев - вероятно, в большинстве - мужчины принимали малые ордена только для того, чтобы получить право на владение мирскими бенефициями, и никогда не переходили к священству." [742] Как и в других случаях, о которых мы уже упоминали, эти люди получали доходы от жизни, а затем назначали заместителя с небольшим жалованьем, который отвечал за выполнение обязанностей.

Хотя духовные последствия такой политики были катастрофическими, сама она привела к тому, что образование стало предметом желания для людей из низших социальных слоев, поскольку они видели в образовании возможность выхода из сложившихся обстоятельств.

Из этого не следует, что из этих людей получались неспособные или нежелательные священники. Одна из самых очаровательных картин, нарисованных Чосером, - бедный пастор города, но о его социальном положении говорит тот факт, что "с ним был пахарь, его брат".

Число возможных церковных назначений не исчерпывается викариями и приходскими капелланами. Кроме того, существовали многочисленные кантри, которые были связаны с очень многими церквями в стране, и для каждой из которых требовались один или два священника. Кроме того, гильдии, о которых мы уже упоминали, обычно содержали одного или нескольких капелланов. Таким образом, можно было бы найти работу для большого числа священников. "Во время Реформации в Уиндхеме (Норфолк) было десять гильдий, в Хингеме - семь, в Ярмуте - семнадцать. Более того, в гильдии, как и в костеле, иногда было более одного священника. Леланд рассказывает, что в гильдии Святого Иоанна при церкви Святого Ботольфа в Бостоне было десять священников, "живших в доме на западе приходского церковного двора". В церкви Святой Марии в Личфилде была гильдия, в которой было пять священников"[743].

Помимо всех этих постоянных назначений, существовало большое количество священников, которые зарабатывали, беря "временные контракты" на совершение месс за души усопших. Так, архиепископ Айлип в своих "Конституциях" говорит об этом классе как о тех, кто "из-за жадности и любви к легкомыслию, не довольствуясь разумным жалованьем, требует чрезмерной платы за свои труды и получает ее." [744] Чосер вводит одного из таких персонажей в свой "*Рассказ канонического йомена*":-.

"В Лондоне был священник-аннуэллер,
Который жил в нем много лет.
Который был так приятен и так полезен
К жене, когда он за столом сидел.
Что она не хотела ему ничего платить.
За питание и одежду он никогда так не радовался.
И серебро он тратил прямо-таки с удовольствием".

Работа для квалифицированных мужчин также была доступна в связи с заведениями знатных вельмож. Имеющиеся хозяйственные книги обычно содержат записи о "maister of gramer". Помимо грамматических мастеров, в этих заведениях часто можно было найти работу для нескольких священников. В "Домовой книге графа Нортумберленда" содержится информация о том, что он содержал декана, десять других священников и шесть детей, которые составляли хор его частной капеллы [745].

Не только высокопоставленные дворяне имели в своем штате капелланов. Рыцари, джентльмены и даже зажиточные торговцы и йомены также имели своих домашних капелланов. Сэр Томас Мор пишет: "...было так много священников, что каждый знатный человек должен был иметь священника для присмотра за своей женой, в чем сейчас почти нет недостатка" [746].

Таким образом, мы показали, что существовал значительный спрос на людей, получивших определенное образование, и что в результате спрос на школы был стимулирован. Рассказ, который мы привели в предыдущей части этой работы, показывает, что для удовлетворения этого спроса было создано достаточное количество школ. Здесь мы ограничились рассмотрением спроса на образованных людей в связи с церковными должностями, но можно было бы также показать, что образованные люди были нужны в торговле и юриспруденции.

(2) Переходя ко второй из трех указанных нами рубрик, отметим, что лоллардизм - это общий термин, применяемый к политическим и теологическим доктринам, связанным с именем Джона Уайклиффа. Его основные идеи воплощены в работах *De Civili Domino* и *De Domino Divino*. Главной темой, обсуждаемой в этих работах, является природа отношений между правителем и его подданными, между божественной и гражданской властью. Его концепция этих отношений основана на феодальном представлении об обществе, и он постоянно заимствует иллюстрации отношений между божественной и гражданской властью из связи между феодалом и вассалом. Именно применение этой доктрины к вопросам, касающимся мирской собственности, привело его к обвинению в ереси, поскольку он учил, что "церковные лица или корпорации не имеют неоспоримого права на мирское имущество, которое может быть отнято в случае злоупотребления"[747] Эта теория перечеркивала доктрину верховенства духовной власти. Государство, по мнению Уиклиффа, обладало правом определять функции церкви, и когда церковь либо расширяла сферу своей законной деятельности, либо злоупотребляла доходами, доверенными ей для духовных целей, то государство было обязано принять такие меры, которые могли быть необходимы для реформации церкви.

Пул отмечает[748], что главный принцип, содержащийся в трудах Уайклиффа, - это признание значимости личности, которую Уайклифф считал ответственной непосредственно перед Богом и ни перед кем другим. Уайклифф отделил Церковь от любой необходимой связи с государством и представлял ее просто как духовную идею, состоящую из отдельных людей, находящихся в определенном отношении к Богу. Именно уникальностью идеи индивидуализма Уайклиффа Пул считает притязания Уайклиффа на звание "предшественника протестантской реформации".

Доктрины, связанные с Уиклиффом, похоже, добились большого прогресса среди учителей того времени. Это не вызывает удивления. Возможности для образования были в изобилии, и образование было бесплатным. Либо за счет попрошайничества, либо за счет выставок, либо за счет общественного интереса, студент мог без особых затрат содержать себя до окончания курса. Что же происходило потом? Из-за системы патронажа, преобладающей в Церкви, клерк обнаружил, что все прибыльные должности обычно доставались людям, которые благодаря своим социальным связям могли оказывать влияние, независимо от их достоинств или недостатков. Это становится очевидным, когда мы рассматриваем тех, кто был представлен к благодеяниям покровителями, которых епископ Гроссетесте отказался назначить. Одному из них епископ отказал, потому что тот был "мальчиком, еще не овладевшим Овидием";[749] другому - на том основании, что молодой человек был практически неграмотен;[750] в ответ на просьбу папского легата посвятить сына графа Феррерса в живые, епископ просит извинить его; когда на него надавили, он предложил, чтобы сын графа Феррерса просто получал доходы от живых и назначил викария для исполнения духовных обязанностей[751].

Неудивительно, что взгляды Уайклиффа нашли готовых сторонников среди духовенства низкого социального происхождения. Они считали себя пригодными для церковных должностей, которые вряд ли когда-нибудь смогут занять; поэтому они устремлялись к профессии учителя и в горечи своих чувств использовали любую возможность, чтобы распространять среди своих учеников новые идеи, которые они приобрели.

Именно на основе гипотезы такого рода, которую мы изложили, можно интерпретировать законодательство против учителей-лоллардов, принятое в XV веке. В 1400 году был принят закон, который гласил.

"Никто из этой секты и нечестивых доктрин и мнений не должен создавать конвент, или каким-либо образом содержать или проводить школы"[752].

Любой нарушитель этого закона или тот, кто каким-либо образом помогал или поддерживал нарушителя, "должен быть сожжен перед народом на высоком месте".

В 1406 году принц Уэльский подал королю петицию, в которой обращал внимание на распространение учения против мирских владений духовенства некоторыми учителями в "тайных местах, называемых эсколами"[753], и молил, чтобы ни один мужчина или женщина, принадлежащие к какой-либо секте или учению, противоречащему католической вере, не содержали школ. О том, с какой строгостью исполнялось это предписание, свидетельствует распоряжение, выданное настоятелю церкви Святой Марии в Ковентри, а также мэру и судебным приставам этого города, предписывающее им арестовывать и заключать в тюрьму всех обнаруженных там нарушителей.

О распространении лоллардизма среди учителей свидетельствуют и "Конституции" архиепископа Арундела, изданные в 1408 году. Он запретил "магистрам и всем, кто обучает мальчиков или других людей грамматическому искусству и наставляет людей в первых науках", преподавать теологию иначе, чем в соответствии с обычным учением Церкви, а также запретил им позволять своим ученикам выбирать в качестве предметов для диспутов любые темы, касающиеся католической веры или таинств Церкви[754].

Поскольку существующего законодательства, очевидно, было недостаточно для достижения желаемой цели, в 1414 году был принят еще один закон. По этому закону "все, кто придерживается заблуждений или ереси, как лолларды", и кто поддерживает их в "проповедях, школах, конвентах, конгрегациях и конфедерациях", должны были быть арестованы[755].

Мы не нашли возможным проследить последствия этого закона.

(3) Далее мы переходим к рассмотрению образовательного законодательства в период позднего Средневековья. В нашем кратком обзоре экономического состояния страны в начале этого периода мы упоминали о нехватке рабочей силы, вызванной Черной смертью.[756] В результате в 1388 году был принят закон, согласно которому "тот или та, кто раньше работал у плуга и телеги, пока не достигнет возраста двенадцати лет, отныне должен оставаться на той же работе, не подвергаясь никаким тайнам и ремеслам; и если отныне будет заключен какой-либо договор или узы об ученичестве в противном случае, то он будет признан недействительным"[757] Причина принятия этого закона отражена в самом законе: "существует столь большая нехватка рабочих и других слуг, занятых в хозяйстве, что джентльмены и другие жители королевства сильно обеднели по этой причине".

Либо в связи с процветанием рабочих классов из-за роста заработной платы, вызванного спросом на труд в конце XIV века, либо для того, чтобы избежать положений только что описанного закона, либо для того, чтобы добиться прогресса в социальном статусе, возник обычай отправлять детей в школы. В результате в 1391 году английские общинники обратились к королю с петицией "de ordeiner et comander, que null neif ou Vileyn mette ses Enfantz de cy en avant a Escolles pur eux avancer par Clergie et ce en maintenance et salvation de l'honour de toutz Frankes du Roialme"[758].

Г-н де Монморанси предлагает четыре причины для такого поступка со стороны общин.

(1) Общины "стремились предотвратить дальнейшее увеличение числа духовенства без льгот и тех, на кого епископы могли претендовать как на субъекта церковного права".

(2) Лоллардизм был бы очень привлекателен для новообразованных людей, и "Законодательное собрание должно было осознать революционную возможность первой и более благородной Реформации".

(3) "Юрисдикция Рима возрастала по мере роста народного образования", следовательно, это "было серьезным соображением для патриотического баронства Англии".

(4) Если бы человек стал рукоположенным, его заслуги были бы потеряны для манора.

Эти причины не кажутся очень убедительными. Первая предполагает противопоставление духовенства и мирян, которого не существовало; вторая и третья противоречат друг другу. Если развитие образования способствовало развитию лоллардизма (что вполне вероятно, хотя это еще не доказано), то вряд ли это можно считать в равной степени благоприятным для Рима. Кроме того, желание ограничить юрисдикцию Церкви можно было бы удовлетворить более простым способом - отменой "привилегии духовенства".

Его четвертая причина более правдоподобна, но следует отметить, что для отправки детей в школы и для рукоположения в духовный сан требовалось согласие лорда манора.^[760] По этой причине вряд ли потребовалось бы законодательство для достижения этой цели.

Более вероятная причина этого ходатайства общин заключается в том, что сокращение предложения рабочей силы заставило работодателей опасаться будущих возможностей, и они боялись, что в результате отправки детей в школу число тех, кто будет готов работать "тесакими и водоносами", серьезно уменьшится.

Мы только что упомянули об обычае, согласно которому холопы не имели права отправлять своих детей в школу без согласия своих господ. Этот обычай был отменен статутом 1406 года, который предусматривал, что "каждый мужчина или женщина из любого сословия или состояния, если таковое имеется, не имеет права отдавать своих детей в школу, если они не владеют землей стоимостью 1 фунт стерлингов в год, что, вероятно, составляет около 40 фунтов стерлингов в год."^[761] Тот же статут предусматривал, что рабочие не могут обучать своих детей ремеслам и производствам в городах, если они не владеют землей стоимостью 1 фунт стерлингов в год, что в настоящее время составляет около 40 фунтов стерлингов в год.

Трудно понять причины принятия этого закона. Феодальная система уже рушилась, и ее полный крах был не за горами. Поэтому нельзя считать, что закон был принят только для устранения недовольства, поскольку само недовольство, вероятно, было незначительным. Вполне возможно, что закон был призван облегчить процесс, с помощью которого пытались восполнить нехватку священников, вызванную Черной смертью. Однако упоминание о "дочерях" делает это предположение маловероятным. Существует также вероятность того, что фраза "d'apprendre lettereure" означала образование, которое обеспечивало бы "благочестивую и добродетельную жизнь", что, как мы показали в предыдущей главе, становилось частью образовательного идеала.

Годы 1446-7 важны для истории образования в Англии. В 1446 году архиепископ Кентерберийский и епископ Лондонский обратились к королю с просьбой о разрешении на строительство двух новых грамматических школ в Лондоне; разрешение было получено, и грамоты были должным образом выданы.^[762] В 1447 году четыре лондонских ректора направили в общину аналогичное прошение о разрешении на создание четырех новых грамматических школ.^[763] Поскольку мы уже рассматривали эти прошения в главе, посвященной вопросу о монополии на содержание школ,^[764] нам нет необходимости далее касаться этой темы здесь.

На этом мы завершаем изложение системы управления образованием в Англии в Средние века. До сравнительно недавнего времени считалось, что развитие образования в этой стране можно отнести не более чем к усилиям реформаторов церкви в XVI веке и влиянию эпохи Возрождения. Теперь мы можем осознать, что два века, предшествовавшие Реформации, были, по крайней мере, периодом, когда возможности для получения образования в Англии были широко распространены и практически открыты для всех. Образовательный эффект Реформации - даже если он был незапланированным - заключался в том, что она лишила огромную массу людей возможности посещать школу, которая была доступна им ранее. Вполне вероятно, что значение эпохи Возрождения для развития образования в этой стране было значительно преувеличено; однако этот вопрос еще предстоит исследовать.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

РАБОТЫ, К КОТОРЫМ МЫ ОБРАЩАЛИСЬ.

А.-Источники.

Aelfric: *Homilies* (с переводом B. Thorpe), 2 vols., Lond., 1844-6.

Алкуин: *Opera Omnia Patrologiae Cursus Complexus*, ed. Migne, vols. C., Cl., 1851.

Альдхельм: *Opera*, ed. J. A. Giles, Oxon., 1844.

Альфред Великий: *Предисловие к "Пастырской заботе" Григория*, изд. H. Sweet (Early English Text Society), 50.

Древние законы и институты Англии, изд. Б. Торп, (Rec. Com.) Lond., 1840.

Anglo-Saxon Chronicle, The, ed. B. Thorpe, 2 vols. (R. S.), Lond., 1861.

Annales Monastici, ed. H. R. Luard, 5 vols. (R. S.), Lond., 1864-6-9.

Asserius de Rebus Gestis Alfredi, ed. W. H. Stevenson, Lond., 1904.

Бэкон, Роджер: *Opera Inedita*, ed. J. S. Brewer (R. S.), Lond., 1859.

Basil, St: *Opera*, 3 vols., Paris, 1839.

Becket, Thomas à, Materials for a History of, ed. J. C. Robertson, J. B. Sheppard (R. S.), 7 vols., Lond., 1885.

Беда: *Opera Historica*, ed. C. Plummer, 2 vols., Oxon., 1876.

Beverley Minster, Memorials of, ed. A. F. Leach (Surtees Society), Durham, 1898.

Cardwell, E.: *Synodalia*, 2 vols., Oxon., 1842.

Cardwell, E.: *Documentary Annals of the Church of England*, 2 vols., Oxon., 1844.

Хартии и документы, иллюстрирующие историю соборного города Сарум, 1100-1300 годы, изд. W. D. Macray (R. S.), 1891.

Чосер, Джеффри: *Полное собрание сочинений*, изд. W. W. Skeat, Oxon., 1894-7.

Chronica Jocelini de Brakelonda, ed. J. G. Rakewood (Camden Society Publications, XIII.).

Chronica Monasterii St. Albani, Johannis de Trokelowe, Chronica et Annales, ed. H. T. Riley, 2 vols. (R. S.), Lond., 1866.

Chronica Monasterii Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani, ed. H. T. Riley, 3 vols. (R. S.), 1867-9.

Chronica Monasterii, Ypodigma Neustriæ a Thomas Walsingham, ed. H. T. Riley (R. S.), 1876.

Chronica Rogeri de Wendover, ed. H. G. Hewlett, 3 vols., Lond., 1886-9.

Chronicon Abbatiae Rameseiensis, ed. W. D. Macray, 2 vols. (R. S.), Lond., 1882-83.

Chronicon Monasterii de Abingdon, ed. J. S. Stevenson, 2 vols. (R. S.), Lond., 1858.

Chronicon Petroburgense (Camden Society, XLVII.), 1849.

Corpus Juris Canonici, ed. A. L. Richter, 2 тома, 2-е изд., Лейпциг, 1879-81.

Ковентрийская книга литов, ред. М. Д. Харрис (Общество ранних английских текстов), 1907.

Dachery, L.: *Spicilegium, sive collectio veterum scriptorum qui in Galliae Bibliothecis delituerant*, ed. nova. a De la Barre, 3 vols., Paris, 1723.

Документы, иллюстрирующие раннее образование в Вустере, под ред. A. F. Leach, Lond., 1913.

Дагдейл, сэр У.: *Монастырь англиканский*, изд. J. Caley, H. Ellis, B. Bandinel, 6 vols., Lond., 1817.

Dunstan, St., Memorials of, ed. W. Stubbs (R. S.), Lond., 1874.

Early Yorkshire Schools, ed. A. F. Leach (Yorks. Archaeol. Assoc. Record Series, vols. XXVII. and XXXII.), 1899-1903.

Пятьдесят самых ранних английских завещаний (1387-1439), ред. F. J. Furnivall (Early English Text Society), No. 67.

Flores Historiarum, ed. H. R. Luard, 3 vols. (R. S.), Lond., 1890.

Freemen of York (Surtees Soc.), XCVIII., 2 vols., 1897.

Giraldus Cambrensis, Opera, ed. J. S. Brewer, J. F. Dimondes, A. F. Warner (R. S.), 8 vols., Lond., 1861-91.

Гросс, Чарльз: *Торговец гильдиями*, 2 тома, Оксон., 1890.

Grosseteste, Robert: *Epistolae*, ed. H. R. Luard (R. S.), Lond., 1861.

- Хаддон и Стаббс: *Councils and Documents relating to Great Britain and Ireland*, 2 vols., Oxon., 1877-8.
- Хигден, Ранульф, Полихронон (с английским переводом Джона Тревизы), изд. C. Babington, J. R. Lumby, 9 vols. (R. S.), Lond., 1865-83.
- Hingeston-Randulph, F. C.: *The Episcopal Registers of the Diocese of Exeter*, Lond., 1886.
- Historia et Cartularium Monasterii St. Petri Gloucestriae*, ed. W. H. Harte, 3 vols. (R. S.), Lond., 1863-67.
- Историки и архиепископы Йоркской церкви, изд. J. Raine, 3 vols. (R. S.), Lond., 1879-94.
- Исторические документы и письма из северных регистров, изд. J. Raine (R. S.), Lond., 1873.
- Исторические труды Гервасия Кентерберийского, изд. W. Stubbs, 2 vols. (R. S.), 1879-80.
- Домашние книги Джона, герцога Норфолка, и Томаса, графа Суррея, Роксбургский клуб, 1844.
- Джон Солсберийский: *Omnia Opera*, ed. J. A. Giles, 5 vols., Oxon., 1848.
- Johnson, J.: *A Collection of the Laws and Canons of the Church of England*, 2 vols., Oxon., 1850-1.
- Ланфранк: *Opera*, ed. J. A. Giles, Oxon., 1844.
- Leach, A. F.: *Educational Charters*, Lond., 1911.
- Leach, A. F.: *English Schools at the Reformation*, Lond., 1897.
- Liber Censualis Vocati Domesday Book*, ed. Sir H. Ellis (Rec. Com.), Lond., 1816.
- Liber Vitae Ecclesiae Dunelmensis*, ed. Дж. Стивенсон (Surtees Society), 1841.
- Manners and Meals in the Olden Times*, ed. Ф. Дж. Фернивалл (Общество ранних английских текстов), O. S. XXXII.
- Memorials of St. Edmunds Abbey*, ed. T. Arnold, 3 vols. (R. S.), Lond., 1890-1891.
- Migne: *Patrologiae Cursus Complexus*, vols. XXXI., LXVI., CXXXVII., CXXXVIII., CXXXIX.
- Monumenta Academica*, ed. H. Anstey, 2 vols. (R. S.), Lond., 1868.
- Monumenta Franciscana*, ed. J. S. Brewer, R. Hewlett (R. S.), 4 vols. 1858-1882.
- Некхэм, Александр: *De Natura Rerum*, ed. T. Wright (R. S.), Lond., 1863.
- Northumberland Household Book*, ed. Bishop Percy, 2nd. edition, Lond., 1827.
- Норвич, Визиты епархии, 1492-1532, ред. А. Джессопа (Камденское общество, XLIII.).
- Письма Пастона, изд. J. Gairdner, 6 vols., Lond., 1904.
- Pecock, R.: *Repressor of Over-Much Blaming of the Clergy*, ed. C. Babington, 2 vols. (R. S.), 1860.
- Pertz, G. H.: *Leges*, 5 vols., Hanover, 1853.

Труды и постановления Тайного совета, изд. Сэр Х. Николас, 7 томов (Rec. Com.), 1834-37.

Реестр Святого Осмунда, изд. Преподобный У. Х. Р. Джонс, 2 тома (R. S.), 1883-5.

Registrum Palatinum Dunelmensis, ed. Sir T. D. Hardy, 4 vols. (R. S.), Lond., 1873-78.

Rotuli Hugonis de Welles Episcopi Lincolnensis, ed. W. P. W. Phillimore, F. H. Davies, 3 vols. (Lincoln Record Soc.), 1911.

Sharp, R. R.: *Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting*, Lond., 1889-90.

Симпсон, У. Спэрроу: *Registrum Statutorum et Consuetudinum Ecclesiae Cathedralis St. Pauli*, Lond., 1897.

Smith, J. Toulmin: *English Gilds* (Early English Text Society), Lond., 1870.

Sonner, W.: *Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum*, Oxon., 1659.

Southwell Minster, Visitations and Memorials of, ed. A. F. Leach (Камденское общество), N. S., 1891.

Статуты королевства, изд. Сэр Т. Е. Томпкинс, Дж. Рэйтби, Дж. Кейли и У. Эллиот (Rec. Com.), 9 томов, 1819-28.

Стоу: *A Survey of London*, ed. C. L. Kingsford, 2 vols., Oxon., 1905.

Valor Ecclesiasticus, ed. J. Caley, Rev. J. Hunter (Rec. Com.), 1817-34.

Уолтемское аббатство, основания, изд. W. Stubbs, (R. S.), Lond., 1861.

Wharton, H.: *Anglia Sacra seu Collectio Historiarum de Archiepiscopis et Episcopis Angliae*, 2 vols., Lond., 1861.

Wilkins, D: *Concilia Magnae Britannicae et Hiberniae*, 4 vols., Lond., 1737.

Уильям Мальмсберийский: *De Gestis Pontificum Anglorum*, ed. N. E. S. A. Hamilton (R. S.), Lond., 1870.

Уильям Мальмсберийский: *De Gestis Regum Anglorum*, ed. W. Stubbs (R. S.), Lond., 1887-89.

Вульфстан: *Vita St. Aethelwoldi*; Migne: *Patrologiae Cursus Complexus*, CXXXVII.

Yorkshire Chantry Surveys, ed. J. Rainer, 2 vols. (Surtees Society), Lond., 1898.

Календари хартийных роллов.

Календари Клоуз-Роллов.

Календари патентных роллов.

Б.-Другие работы.

Адамс, Г. Б.: *Цивилизация в Средние века*, Нью-Йорк, 1894.

Allain, L'Abbé: *L'instruction primaire en France avant la Révolution*, Paris, 1881.

Ampère, J. J.: *Histoire Littéraire de la France avant la Douzième Siècle*, 3 vols., 1839-40.

Ashley, W. J.: *Introduction to English Economic History*, 2 vols., Lond., 1886.

Azarias, Brother: *Essays Educational*, Chicago, 1896.

Bateson, M.: *Medieval England*, Lond., 1903.

Böhmer: *Kirche und Staat in England und in der Normandie im XI. und XII. Jahrhundert*, Leipzig, 1899.

Brodrick, G. C.: *History of the University of Oxford*, Lond., 1896.

Burrows, Montague: *Collectanea*, Second Series (*Oxford Hist. Soc. Publications*, vol. XVI.), Third Series, vol. XXXII., Oxon., 1890, 1896.

Кейпс, У. У.: *Английская церковь в четырнадцатом и пятнадцатом веках*, Лонд., 1900.

Кавендиш, Г.: *Жизнь кардинала Вулси*, изд. H. W. Singer, Lond., 1827.

Chevrier, Fischer de: *Histoire de l'instruction populaire en France*, Paris, 1898.

Church, R. W.: *St. Anselm*, Lond., 1884.

Clark, J. Willis: *The Care of Books*, New York, 1901.

Compayré, G.: *Abelard, and the Origin and Early History of the Universities*, New York, 1893.

Conybeare, E.: *Alfred in the Chronicles*, Lond., 1900.

Cooper, C. H.: *Annals of Cambridge*, 4 vols., Camb., 1842-1852.

Cornish, F. W.: *Chivalry*, Lond., 1901.

Coulton, G. C.: *Monastic Schools in the Middle Ages*, Lond., 1913.

Cunningham, W.: *The Growth of English Commerce and Industry*, Camb., 1882.

Cutts, E. L.: *Parish Priests and their People in the Middle Ages*, Lond., 1898.

Cutts, E. L.: *Scenes and Characters in the Middle Ages*, Lond., 1873.

Davidson, Thos: *Aristotle and the Ancient Educational Ideals*, New York, 1892.

Denifle, H.: *Die Entstehung der Universitatem des Mittelalters bis 1400*, Berlin, 1885.

Dill, S.: *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*, 2nd edition, Lond., 1899.

Dittes, Fr: *Gesichte der Erziehung und der Unterrichtes*, Leipzig, 1890.

Drane, A. T.: *Christian Schools and Scholars*, Lond., 1881.

Draper, J. W.: *Intellectual Development of Europe*, 2 vols., New York, 1876.

Даннинг, У. А.: *История политических теорий*, Нью-Йорк, 1905.

Эдгар, Дж.: *История раннего шотландского образования*, Эдинбург, 1893.

Эмертон, Э.: *Введение в изучение Средних веков*, Бостон, 1883.

Эмертон, Э.: *Средневековая Европа*, Бостон, 1894.

Fletcher, C. R. L.: *Collectanea, First Series. (Oxf. Hist. Soc. Pubs.)*, vol. V., Oxon., 1885.

Froude, J. A.: *History of England from the Fall of Wolsey to the death of Elizabeth*, 12 vols., 1856-70.

Furnivall, F. J.: *The Babees Book*, Lond., 1868.

Gaskoin, C. J. B.: *Alcuin*, Lond., 1904.

Gasquet, F. A.: *The Black Death*, 2nd edition, Lond., 1908.

Gasquet, F. A.: *The Old English Bible and Other Essays*, Lond., 1897.

Gautier, Leon: *Chivalry*, Lond., 1891.

Green, Mrs. J. R.: *Town Life in the Fifteenth Century*, 2 vols., Lond., 1805.

Hartson, L. D.: *A Study of Voluntary Associations* (Ped. Sem., Vol. XVIII., No. 1), Worcester, Mass., 1911.

Hazlitt, W. C.: *Schools, School Books and Schoolmasters*, Lond., 1887.

Healy, J.: *Ireland's Ancient Schools and Scholars*, Dublin, 1890.

Hibbert, F. A.: *Influence and Development of English Gilds*, Camb., 1891.

Hodgkin, T.: *Italy and her Invaders*, 4 vols., Camb., 1880-5.

Hodgson, G. E.: *Primitive Christian Education*, Edinburgh, 1912.

Holman, H.: *English National Education*, Lond., 1898.

Хант, У.: *Английская церковь от ее основания до нормандского завоевания*, Лонд., 1899.

Jessop, A.: *The Coming of the Friars*, Lond., 1901.

Kemble, J. M.: *Saxons in England*, 2 vols., Lond., 1849.

Lacroix, P.: *Le Chevalrie et Les Croisades*, Paris, 1890.

Lacroix, P.: *L'école et la Science jusqu'à la Renaissance*, Paris, 1887.

Lacroix, P.: *Le moyen Age et la Renaissance*, 5 vols., Paris, 1848-51.

Laurie, S. S.: *Rise and Constitution of the Early Universities*, New York, 1886.

Leach, A. F.: *A History of Warwick School*, Lond., 1906.

Leach, A. F.: *History of Winchester College*, Lond., 1899.

Little, A. G.: *The Grey Friars at Oxford* (Oxf. Hist. Soc. Pubs., vol. XX.), Oxon., 1891.

Lyte, Sir H. C. M.: *A History of Eton College*, Lond., 1875.

Lyte, Sir H. C. M.: *History of the University of Oxford*, Lond., 1886.

Мейтланд, С. Р.: *Темные века*, Лонд., 1899.

Maître, Léon: *Les écoles épiscopales et monastiques, 769-1180*, Paris, 1866.

Medley, D. L.: *English Constitutional History*, 4th edition, Lond., 1907.

Meredith, H. C.: *Economic History of England*, Lond. (n.d.).

Mignet, F. A. A.: *Mémoire sur la conversion de l'Allemagne par les Moines*, Paris (n.d.).

Monnier, M. F., *Alcuin et Charlemagne*, Paris, 1860.

Монталембер, граф де: *The Monks of the West*, 7 vols., Lond., 1861-79.

Montmorency, J. E. G. de: *Государственное вмешательство в английское образование с древнейших времен до 1833 г.*, Camb., 1902.

Маллингера, Дж. Б.: *История Кембриджского университета*, Кемб., 1873.

Mullinger, J. B.: *The Schools of Charles the Great*, Lond., 1877.

Munroe, P.: *Source Book for the History of Education for the Greek and Roman Period*, New York, 1901.

Ozanam, A. F.: *La Civilisation Chretienne chez les Franks*, Paris, 1872.

Parker, H.: *The Seven Liberal Arts; in Eng. Hist. Rev.*, vol. V., pp. 417-461, July 1890.

Poole, R. L.: *Illustrations of Medieval Thought*, Lond., 1844.

Putnam, G. H.: *Books and their Makers during the Later Middle Ages*, 2 vols., Lond., 1896.

Rashdall, H.: *Universities of Europe in the Middle Ages*, 2 vols., Oxon., 1895.

Отчет Комиссии по изучению школ, Лонд., 1868.

Rogers, J. E. T.: *History of Agriculture and Prices in England*, 4 vols., Lond., 1866-82.

Roper, W.: *Life of Sir Thos. More*, ed. S. W. Singer, Chiswick, 1882.

Sandys, E. G.: *History of Classical Scholarship*, 3 vols., Camb., 1903.

Seebohm, F.: *The English Village Community*, Lond., 1883.

Smith, J. G.: *Rise of Christian Monasticism*, Lond., 1892.

Taylor, H. O.: *The Medieval Mind*, Lond., 1912.

Theiner, A.: *Histoire des Institutions d'Education Ecclesiastique*, 2 vols., Paris, 1841.

Timbs, J.: *School Days of Eminent Men*, Lond. (n. d.).

Townsend, W. T.: *Great Schoolmen of the Middle Ages*, Lond., 1881.

Traill, H. D.: *Social England*, 6 vols., Lond., 1894.

Vinogradoff, P.: *English Society in the Eleventh Century*, Oxon., 1908.

Watson, Foster: *English Grammar Schools*, Camb., 1908.

Уотсон, Фостер: *The Old Grammar Schools*, Camb., 1916.

West, A. F.: *Alcuin and the Rise of the Christian Schools*, New York, 1892.

Wilkins, A. S.: *National Education in Greece in the Fourth Century, B.C.*, Lond., 1873.

Сокращения.

Эд. Ch. Educational Charters.

E. S. R. English Schools at the Reformation.

S. M. E. Школы средневековой Англии.

ОТПЕЧАТАНО В БУРЛИНГТОН ПРЕСС, ФОКСТОН, БЛИЗ КЕМБРИДЖА, АНГЛИЯ.

Сноски:

[1] *English Grammar Schools*, p. 10.

[2] *Constit. Hist.*, p. 563.

[3] Montalembert: *Monks of the West*, I., 178.

[4] Грин: *Краткая история*, гл. I, разд. 3.

[5] Montalembert, *op. cit.* I., 23.

[6] Ср. Дрейпер: *Интеллектуальное развитие Европы*.

[7] Ср. *Римское общество в последний век Западной империи*.

[8] *Regula S. Pachomii*, cap. 139, 140.

[9] *Regulae Fusius Tractatae*, XV. Interrog. (Pat. Lat., v. 31, col. 952).

[10] *Regulae Brevius Tractatae*, Interrog. CCXCII.

[11] *Regulae Brevius Tractatae*, XXXVIII.

[12] *Италия и ее захватчики*, IV., 391.

- [13] Глава XLVIII.
- [14] *Etudes Monastiques*, p. 18.
- [15] *H. E.*, V., 24.
- [16] Haddon and Stubbs: *Councils and Documents relating to Britain and Ireland*, Vol. III, pp. 364-5.
- [17] *H. E.*, III., 27.
- [18] *H. E.*, III., 27.
- [19] Sandys: *History of Classical Scholarship*, I., 52.
- [20] "Eum innumerabilem librorum omnis generis copiam apportasse."
- [21] Alcuin. *Ep.*, 13.
- [22] *H. E.*, V., 15.
- [23] *Monks of the West*, IV., 464.
- [24] *H. E.*, V., 24.
- [25] *H. E.*, IV., 18.
- [26] Sandys: *History of Classical Scholarship*, I., p. 53.
- [27] Cf. Traill: *Social England*, I., p. 177. Беда: *H. E.*, II., 20: III., 11.
- [28] *H. E.*, IV., 13.
- [29] Smith and Wace: *Dictionary of Christian Biography*.
- [30] *H. E.*, IV., 13.
- [31] Bede: *Hist. Abb.*, V., cp. *H. E.*, III., 4.
- [32] *Hist. Abb.*, V.
- [33] *Hist. Abb.*, V.
- [34] *H. E.*, IV., 13.
- [35] Cp. "homo XIII. annorum sese potest servum facere" Theod. *Penit.* XIX., sec. 29.
- [36] *H. E.*, V., 5.
- [37] *H. E.*, IV., 13.
- [38] *H. E.*, III., 27.
- [39] *H. E.*, III., 5.
- [40] *H. E.*, III., 28.
- [41] Aelfric, *Homilies*, vol. I., p. 261.
- [42] *H. E.*, V., 3.
- [43] Hunt: *Hist. of the Eng. Ch.*, p. 239.

- [44] Cp. Medley, *Constitutional History*, p. 557.
- [45] *Op. cit.*, p. 13.
- [46] Dill: *Last Century of the Western Empire*, p. 67.
- [47] *Erasmus*, p. 73.
- [48] Hodgson: *Primitive Christian Education*, p. 103.
- [49] Jerome: *Жития выдающихся людей*, гл. VIII.
- [50] Eusebius: *H. E.*, VI., pp. 3, 26.
- [51] Jerome: *Жития знаменитых людей*, гл. XXVIII.
- [52] *Sermo CCCLV.*, sec. 2, 6, 7.
- [53] *Vita S. Augustini*, c. 11.
- [54] Theiner: *Histoire des Institutions d'Education Ecclesiastique*, v. 1, pp. 103-117.
- [55] Bede, *H. E.*, III., 18.
- [56] Cp. Fischer de Chevrier: *Histoire de l'Instruction Populaire en France*, Ch. IV.; Mullinger: *University of Cambridge*, p. 11; Ampere: *Histoire Littéraire de la France avant le Douzième Siècle*, II., 278; Joly: *Traité Historique des Ecoles Episcopales et Ecclésiastiques*, pp. 144-599.
- [57] Т.е. духовенство епископа Гексхемского.
- [58] *H. E.*, V., 6.
- [59] *H. E.*, IV., 2.
- [60] Mignet: *Memoire sur la conversion de l'Allemagne par les Moines*, p. 25.
- [61] Sandys: *History of Classical Scholarship*, I., 451.
- [62] *H. E.*, V., 18.
- [63] *Aldhelmi Opera*, ed. Giles, p. 96.
- [64] *De Pontiff. Ebor.*, lines 1431-1447, trans. by Munroe.
- [65] *Schs. of Charles the Great*, p. 61.
- [66] О капитуляриях 787 и 789 годов см. Pertz: *Leges*, I., pp. 52, 65; капитулярий 802 г. - Pertz, I., 107; перевод см. в *Schools of Charles the Great*, pp. 97-99.
- [67] Mullinger: *op. cit.*, p. 50.
- [68] *Alcuini Opera Omnia*; Migne, *Pat. Lat.*, Vols. C., CI.
- [69] *Alcuini Epistolae*, Migne, *Pat. Lat.*, 1851, Vol. C., p. 222.
- [70] Heinemann: *Statutes of 852*, XI. *Акты провинции Реймс*, I., p. 211. Азариас: *Essays Educational*, p. 180.
- [71] Mansi: *Concilia*, vol. IX, p. 790.

- [72] Migne: *Pat. Lat.*, vol. CV., p. 196.
- [73] *Alcuini Epistolae*, ed. Migne, *Pat. Lat.*, vol. C., p. 214.
- [74] *Social England*, I., p. 141.
- [75] Asserius, *de Rebus Gestis Alfredi*, ed. W. H. Stevenson, 1904.
- [76] Stubbs: *Memorials of St. Dunstan*, p. 290; *Chronicon Abbatiae Rameseiensis*, p. 25.
- [77] *Aelfrici Grammatica Latino-Saxonica*, p. 2.
- [78] Stubbs, *op. cit.*, pp. 10, 74, 256.
- [79] *Op. cit.*, p. 257.
- [80] *Op. cit.*, p. 4.
- [81] *Op. cit.*, p. 14.
- [82] *Op. cit.*, p. LXXXV.
- [83] Wulfstan: *Vita St. Aethelwoldi*, Migne: *Patrologia Cursus Complexus*, CXXXVII., p. 87.
- [84] Stubbs, *Memorials*, p. 214.
- [85] *Op. cit.*, p. 28, 46.
- [86] Aelfric, *op. cit.*, p. 1.
- [87] Stubbs, *op. cit.*, p. 101; *Chron. Mon. de Abingdon*, I., p. 129.
- [88] *Chron. Abbat. Ram.*, p. 42.
- [89] *Vita Sancti Abbonis*, Migne, *Pat. Cur. Com.*, CXXXIX., p. 390.
- [90] *Chron. Abb. Ram.*, p. XXVII.
- [91] Stubbs, *op. cit.*, XVIII, XIX.
- [92] Stubbs, *op. cit.*, pp. 28, 46.
- [93] *Op. cit.*, p. 261.
- [94] Wulfstan, pp. 91, 95.
- [95] См. ниже, с. 38.
- [96] *Chron. Abb. Ram.*, pp. 112, 113.
- [97] C. 940-1006.
- [98] *Ed. Ch.*, p. 39.
- [99] *Ed. Ch.*, p. 43.
- [100] P. 30.
- [101] *Ancient Laws*, p. 396.
- [102] *Hist. Ch. York*, I., p. 404.

- [103] *Chron. Abb. Ram.*, p. 21.
- [104] *English Society in the Eleventh Century*, p. 373.
- [105] *Op. cit.*, p. 143.
- [106] D. d. I., f. 68, Ellis, I., 332.
- [107] I., f. 1546, Ellis, I., 304.
- [108] I., f. 149, Ellis, I., 267. См. также *Times' Educational Supplement*, 10 октября 1918 г.
- [109] Hermanus: *De Miraculis Sancti Eadmundi*, sec. 16 в Mem. of St. Edmund's Abbey (R. S.) p. 46.
- [110] "Publicas instituens scholas".
- [111] *Memorials of St. Edmund's Abbey*, p. 126.
- [112] 1060. См. *Tractatus de inventione Sante Crucis*, ed. W. Stubbs, 1861.
- [113] *Ibid.*, p. 15. Эти обычаи, вероятно, были обусловлены влиянием реформ, введенных Хродегангом из Меца. Можно предположить, что семья Годвинов поддерживала светское духовенство в противовес регулярному духовенству, которое последовало за Эдуардом Исповедником из Нормандии.
- [114] *Ibid.*, p. 35.
- [115] *Ibid.*, p. 35.
- [116] Adams: *Civilisation in the Middle Ages*, p. 197.
- [117] Traill: *Social England*, I., p. 257.
- [118] Traill, *op. cit.*, I., p. 243.
- [119] Пропагандируется Кемблом в его "Саксах в Англии".
- [120] *Econ. Hist.*, I., p. 20.
- [121] Thorold Rogers: *Agriculture and Prices in England*, vol. II., pp. 613, 615, 616.
- [122] Ashley, I., p. 42.
- [123] *Ibid.*, p. 34.
- [124] Meredith: *Econ. Hist.*, p. 49.
- [125] Ср. Лич: *Английские школы в эпоху Реформации*. Holman: *English National Education*.
- [126] *Winchester College*, p. 92.
- [127] См. книгу III, гл. I.
- [128] См. с. 37.
- [129] *De Gestis Regum Anglorum*, II., 304.
- [130] Böhmer: *Kirche und Staat in England und in der Normandie*, p. 113, n. 1.
- [131] *Ibid.*, p. 107.

- [132] См. Bateson: *Medieval England*, Ch. IV.
- [133] Böhmer: *Op. cit.*, pp. 3-24.
- [134] Cp. Pignet: *Histoire de l'Ordre de Cluny*, III., p. 41. Maitland: *The Dark Ages*, pp. 375, 389, 390.
- [135] Cp. D'Achery, *Spicilegium*, IV., 4-226.
- [136] Cp. *Constitutiones Lanfranci*.
- [137] Cp. *Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani*, I., p. 52.
- [138] Wm. of Malmesbury, *De Gestis Pontificum*, p. 249.
- [139] Martini et Durand: *Thesaurus Anecdotorum*, I., 511; цитируется Graham, *Trans. Hist. Soc.*, XVII.
- [140] *Gesta S. Albani*, I., p. 57.
- [141] *Ibid.*, pp. 76, 184, 192.
- [142] *De Gestis Pontificum*, p. 431.
- [143] *Ibid.*, p. 194.
- [144] *Ibid.*, p. 32.
- [145] *Chron. Mon. de Abingdon*, II., 44, 289. См. также *Hist. Intro. Rolls Series*, ed. Stubbs, p. 43; Rashdall, *Universities*, II., p. 476; J. Willis Clark, *The Care of Books*, p. 74; *De Gestis Regum*, I., pp. xx-xxii.
- [146] Доводы в пользу несуществования школ при монастырях эффективно изложены г-ном Г. Коултоном в его "*Монашеских школах Средневековья*".
- [147] См. Ланфранк, *Опера*, изд. Giles, I., 296. Cp. *L'Abbaye du Bec et ses Ecoles* par M. L'Abbé Porée.
- [148] Migne, *Patrologia Cursus Completus*, CLXXXIX., 1051.
- [149] Coulton, *op. cit.*, p. 3.
- [150] *Gesta S. Albani*, I., 73.
- [151] *Ibid.*, I., 196.
- [152] *Mem. St. Edmund's Abbey*, I., 77, 78, 145.
- [153] *Ibid.*, p. 296.
- [154] *Ibid.*, p. 249.
- [155] Cp. *Mem. St. Edmund's*, III., 182.
- [156] См. с. 85, 86, 105, далее.
- [157] *Foundation of Waltham Abbey*, pp. 15, 35.
- [158] *Monasticon*, VI., pt. I., p. 79.
- [159] *Ibid.*, VI., pt. II., p. 615.

- [160] *Ibid.*, VI., pt. I., pp. 304, 305.
- [161] Аббат С. Олбанса, 1183-1195 гг.
- [162] *Gesta S. Albani*, I., p. 194.
- [163] 1195-1214.
- [164] *Ibid.*, p. 217.
- [165] *Mem. S. Edmund's Abbey*, XLIII.
- [166] *H. E.*, III., 18.
- [167] *Early English Church History*, p. 125.
- [168] Foster Watson: *Old Grammar Schools*, p. 2.
- [169] *Op. cit.*, p. 2.
- [170] *Op. cit.*, pp. 58, 59.
- [171] В *Циклопедии образования* г-н Лич указывает, что только в Ливии есть три отрывка (XXX., 17; XXXV., 23; XLI., 6), в которых "libera" используется в значении "свободный от платы".
- [172] *Report of Schools' Inquiry Commission*, pp. 122, 123.
- [173] Art. "Свободные школы", *Циклопедия образования*.
- [174] Ср. "кокпенни". См. с. [113](#), далее.
- [175] *Linc. Chapter Act*, Bk. A.2.30: *Ed. Ch.* p. 386.
- [176] *V. C. H., Notts*, II., 216, *Ed. Ch.* 235, *Epis. Reg. York, Romanus*, X., 75.
- [177] *Stat. of the Realm*, ed. 1819, IV., pt. II., sec. 8.
- [178] *Chancery Warrants*, Series I., file 1439, *Ed. Ch.*, 412.
- [179] Izacke's MS.: *Memorials of the City of Exeter*, fo. 178 и далее; перепечатано Parry: *Founding of Exeter School*, pp. 104-112.
- [180] *Op. cit.*, p. 66.
- [181] *Ed. Ch.*, p. 273.
- [182] *H. E.*, IV., 18.
- [183] *H. E.*, IV., 12.
- [184] *Yorkshire Schools*, vol. II., p. 116.
- [185] *Yorkshire Schools*, II., 61.
- [186] *Ibid.*, p. 62.
- [187] *Ibid.*, 87.
- [188] *Ibid.*, p. 85. Ср. с назначениями, о которых говорится на стр. 62 и 87.

- [189] *Ibid.*, p. 87.
- [190] *E. S. R.*, II., p. 31.
- [191] *Ibid.*, p. 31.
- [192] *Ibid.*, p. 34.
- [193] C. 700.
- [194] Hunt: *English Church*, p. 202.
- [195] *Yorkshire Schools*, II., 89.
- [196] Дополнительные сведения см. в статье "Письмо" в *"Циклопедии образования"*.
- [197] Rashdall, *Univ.*, I., p. 283. Mansi, *Concilia*, XXII., ch. 228.
- [198] Dec. V. tit. 5: *Ed. Ch.*, pp. 142-145.
- [199] "Quum primum adolescens admodum studiorum causa migrassem in Gallias." *Metal.*, Bk. II., ch. 10.
- [200] Cp. *Reg. Pontissera*, f. 55; *Ed. Ch.*, p. 232.
- [201] 1308-9.
- [202] Cutts: *Parish Priests*, p. 46.
- [203] "Erat enim apud nos sub patruo suo amabili et amicabili educatus, et decenter eruditus." *Hist. Ch. of York*, II., 124.
- [204] Дополнительные упоминания о Канцлерской богословской школе при соборе Святого Павла см. в перепечатке в *Archaeol.*, vol. 62, pt. 1, p. 219 deeds in St. Paul's Mun. Box. 21, № 621 и 865; *Хронику* Григория (Camden Soc. N. S. XVII., 1876, ed. J. Gairdner) p. 230: и Регистр епископа Фиц-Джеймса, f. 127 b., напечатанный в Sparrow Simpson's *Registrum Statutorum*, p. 413.
- [205] *Ep. Reg. Linc., Rot. Hug. de Wells*, III., 101.
- [206] *Hist. Ch. of York*, II., p. 162.
- [207] Перепечатано в *Archaeol.*, vol. 62, pt. I., p. 211.
- [208] Deed reprinted in *Archaeol.*, vol. 62, pt. I., p. 211.
- [209] *Statutes of the Ch. of York*, p. 6; Sparrow Simpson, *Registrum Statutorum*, p. 413.
- [210] *Hist. Ch. of York*, III., 320; *Corpus Juris Canonis*, ed. H. L. Richter, Dec. V. tit. 5; *Ed. Ch.*, p. 143.
- [211] Mansi: *Concilia*, I., 415.
- [212] *Ep. Reg. Lincoln.*, III., 101.
- [213] Dec. V., tit. 5, ch. 2. *Ed. Ch.*, p. 119.
- [214] 1159-1181.

- [215] *Ed. Ch.*, p. 119.
- [216] *Ed. Ch.*, p. 123; см. также Rashdall, II., p. 283; Mansi, XXII., с. 228.
- [217] *Decretal V.*, tit. 5, cap. IV.
- [218] *Ed. Ch.*, p. 145.
- [219] *Ed. Ch.*, p. 123, из *Decretal V.*, tit. 5, cap. I.
- [220] *H. E.*, III., 18; IV., 1; *Hist. Ch. of York*, I., p. 390.
- [221] *Mem. St. Ed. Abbey*, I., 46-7.
- [222] *Tractatus de inventione Crucis*, p. 15.
- [223] *History of Warwick Sch.*
- [224] *Early Yorkshire Schools*, II., 1.
- [225] *P. R. O. Anc. Deeds*, 1073, *Ed. Ch.*, p. 69.
- [226] *V. C. H.*, *Hants*, II., 251.
- [227] *Hist. Ch. of York*, I., 281.
- [228] *Gesta Abbatum Mon. St. Alb.*, I., 72.
- [229] *V. C. H.*, *Suffolk*, II., 303.
- [230] *Ed. Ch.*, p. 93.
- [231] *Ibid.*
- [232] *V. C. H.*, *Berks*, II., 245.
- [233] *V. C. H.*, *Gloucester*, II., 355.
- [234] *V. C. H.*, *Дерби*, II., 209.
- [235] *B. K. X.*, *Бедс*, II., 152.
- [236] *V. C. H.*, *Нортгемптон*, II., 234.
- [237] *Ed. Ch.*, p. 152.
- [238] *Mem. Southwell Minster*, XLI.
- [239] *Ibid.*, p. 205.
- [240] *V. C. H.*, *Notts*, II., 216.
- [241] *V. C. H.*, *Lincs.*, II., 449.
- [242] *Archaeol.*, v. 62, pt. I., p. 211.
- [243] *Statutes of the Ch. of York*, p. 6.
- [244] *V. C. H.*, *Lincs.*, II., 423.
- [245] *Mem. of Beverley Min.*, p. 292.

- [246] *Hist. War. Sch.*, p. 66.
- [247] *Statutes of the Ch. of York*, p. 5.
- [248] A.D. 529.
- [249] A.D. 797.
- [250] A.D., C. 960.
- [251] *Decret. Greg. IX.*, Lib. III., tit. 1: Rashdall, *Univ. II.*, p. 601.
- [252] Wilkins, *Concilia*, I., p. 270, *Ed. Ch.*, p. 139. Сравните это с капитуляриями Теодульфа от 797 года. См. с. 30 выше, и Mullinger, *Schs. of Charles the Great*, p. 130.
- [253] *Univ. II.*, p. 602.
- [254] *Op. cit.*, ed. Thomas, p. 79.
- [255] A.D. 1212-1294.
- [256] *Opera Inedita*, ed. Brewer, p. 398.
- [257] *Mem. St. Edmund's Abbey*, I., p. 248.
- [258] *Polycraticus*, II., 28, ed. Giles, p. 155.
- [259] *Oxford Hist. Soc. Collectanea*, II., 156.
- [260] *Op. cit.*, p. 49.
- [261] *Chron. Jocelyn de Brakelonde*, p. 3.
- [262] V. C. H., *Derbyshire*, II., 213, из Cott. Mss. Titus, C. IX., f. 58.
- [263] *Beverley Chapter Act Bk.* (Surtees Soc.) Vol. I., p. 293.
- [264] Перепечатано в *Archaeol.* vol. 62., pt. I., p. 198.
- [265] *York Chapter Act Bk.* I., f. 25 b.
- [266] Sparrow Simpson: *Registrum Statutorum*, pt. V., ch. 8; Brit. Mus., *Harl. MSS.*, 1080.
- [267] См. Reynold's *Wells*, pp. CLXXX-V.
- [268] *Statutes of the Ch. of York*, p. 5.
- [269] *Registrum Antiquissimum Linc.*, Chap. Mun. A 2, 26, fol. 10. b. V. C. H., *Lincs.* I., 424. Аналогичные назначения зафиксированы в 1427 и 1432 гг. *Reg. Antiq. Lincs.*, fol. 67 b.
- [270] *Yorkshire Schools*, II., p. 110.
- [271] *Hist. Ch. of York*, I., 281.
- [272] *Dugd. Mon.* III., 405.
- [273] *Early Yorkshire Schools*, II., 1.
- [274] *Hist. Warwick Sch.*, p. 5, из Chartul. S. Mary's, Warwick, G. R. Eccl. Misc. Bks. 22.

[275] *Cal. Pat.*, 12 Rich. II., pt. 2, m. 10; *Ed. Ch.*, p. 77.

[276] *P. R. O.*, Cart. antiq. H., No. 18; *Ed. Ch.*, p. 93.

[277] *Charter Roll*, II., Henry III., pt. 1, m. 27; *Ed. Ch.*, p. 93.

[278] *Chancery Warrants*, Series 1, file 1439; *Ed. Ch.*, p. 413. Говоря об этом предоставлении монополии на содержание школ Итонскому колледжу, мистер Лич отмечает: "Замечательное вторжение в церковную юрисдикцию, к которой только и относилось предоставление и тем более принуждение к монополии на содержание одаренных школ" и т. д. *Schs. Med. Eng.*, p. 259. Здесь г-н Лич ошибается. Предоставление монополии на содержание школ было гражданским делом.

[279] *Pat.*, 24, Hen. VI., pt. II., m. 28.

[280] *Rot. Parl.*, V., 137.

[281] *Ibid.*

[282] *Privy Council Register*, vol. VI.; Parry, *Founding of Exeter School*, pp. 101-112.

[283] *Supra*, p. 96.

[284] *V. C. H.*, Gloucester, II., 315, из *Rot. Chart.*, p. 7.

[285] *Registrum Brev.*, 35.

[286] Цитируется де Монморанси: *State Intervention*, p. 16.

[287] *Ed. Ch.*, p. 91 из St. Paul's Mun. Press A., Box 60, No. 48.

[288] *Surtees Society*, vol. 98. См. I., pp. 42, 48, 102, 113 и т. д.

[289] *Op. cit.*, p. 102.

[290] *Epis. Joh. Saresberiensis*, ed. Giles, No. 19.

[291] Текст "Дела о Глостерской школе" можно найти в Ежегоднике одиннадцатого года правления Генриха IV, p. 47. Он перепечатан в качестве приложения к книге де Монморанси "Государственное вмешательство", стр. 241-242. Г-н де Монморанси, по-видимому, ошибается в своей интерпретации этого решения.

[292] *Supra*, p. 96.

[293] Здесь интересно отметить, что на сохранении монополии настаивали гражданские власти не меньше, чем церковные.

[294] *Chapter Act Book, Lincoln*, 1406-7. *V. C. H.*, Lincs., II., 426.

[295] *Hist. Warwick School*, p. 66.

[296] *Linc. Chapter Act Bk.*, A. 2. f. 2; *Ed. Ch.*, p. 237.

[297] *Reg. John Whethamstede*, II., 305.

[298] *Hist. Mon. Glouc.*, III., 290.

[299] См. *Rites of Durham*, (*Surtees Society*) p. 81.

[300] *Abingdon Obedientaries Accounts*, 1375-6; Camden Soc.

[301] *Roger Prior's Reg.*, V., 261 b.

[302] Устав аббатства Бури-Сент-Эдмундс. В. М. Harl. MSS. 1005, fol. 95.b., Trans., V. C. H. *Suffolk*. II., 307. Другие случаи назначения аббатами школьных директоров см. в *Gesta Abbatum Mon. S. Albani*, (R. S.) I., p. 72. V. C. H. *Lincs.*, II., 450.

[303] *B. M. Landsdowne MS.*, 375: *Ed. Ch.*, 299. *Westminster Abbey Obedientaries Accounts*, reprinted *Ed. Ch.*, pp. 306-315.

[304] Ср. *Устав Йоркской церкви*, с. 6.

[305] *Yorkshire Schools*, I., p. 18 из *Acta Capituli*, G., с. ii. 70.

[306] *Beverley Chapter Act Bk.*, I., pp. 157, 382; *Mem. Southwell Minster*, p. 29. Функции декана и капитула были не просто формальными. *Mem. Southwell Minster*, p. 125.

[307] Назначение мастера пения в монастыре производилось настоятелем. Ср. *Roger Prior's Reg.* V., 261 b.

[308] *Statutes of the Ch. of York*, p. 5.

[309] *Lambeth MSS. Reg. Peckham*, f. 38 a., *Ed. Ch.*, p. 233.

[310] *Lambeth MSS. Reg. Winchelsea*, f. 300. b., *Ed. Ch.*, p. 239. Схоластический патронаж в монастырских кафедральных епархиях подлежал епископскому пересмотру. *Worc. Epis. Reg. Silvester*, fol. 202.

[311] *Newcourt, Report* II., 86, 87, 88.

[312] *Linc. Chapter Act Bk.*, pp. 2, 24.

[313] См. p. 61.

[314] См. гл. IV.

[315] Канцлер епархии осуществлял значительный патронаж схоластов.

[316] *Memorials of Southwell Minster*, XII.-XLII., 52.

[317] *Registrum Brevium*, fol. 35. Полномочия по патронажу школы, очевидно, могли быть делегированы. Так, епископ Линкольна выдал лицензию настоятелю Виллефорда "выбрать в приходе грамотного и пригодного человека, который будет обучать мальчиков и других, приходящих к нему, указанной науке". См. *Linc. Epis. Reg. Gynwell*, fol. 135 b. Это необычное действие было вызвано нехваткой школьных учителей после Черной смерти.

[318] 1382.

[319] *Reg. Ep. Worcester, H. Wakfeld*, p. 72. *Ed. Ch.* pp. 331-341.

[320] См. также *Somerset and Dorset Notes and Queries*, III., 241.

[321] *Op. cit.*, A. 2, 24, f. 14.

[322] *Early Yorkshire Schools*, I., 90.

[323] *Ibid.*, p. 97.

- [324] *Ibid.*, p. 23.
- [325] *Ibid.*, p. 27.
- [326] *Ibid.*, p. 29.
- [327] *Ibid.*, p. 67.
- [328] Вновь основан в 1531-2 гг.
- [329] В городских мюниментах Ньюарка; перепечатано Т. Ф. А. Бернаби, городским клерком, 1855.
- [330] Но ср. *Great Roll of the Pipe* (Rec. Com.) pp. 9-10, где говорится об обычном порядке.
- [331] Decretal V, tit. 5, cap. I.
- [332] Wilkins: *Concilia* I., p. 506.
- [333] Decretal V., tit. 5, cap. IV.
- [334] Ср. назначение директора колледжа св. Давида, Лампетер.
- [335] Который умер ок. 1191 г.
- [336] См. *Notes and Queries*, 8th series, vol. VII., pp. 338, 473-474; *Cyclopaedia of Educ.*, vol. II., p. 42.
- [337] Carlisle: *Grammar Schools*, II., p. 759.
- [338] *Ibid.*, p. 649.
- [339] См. *Trans. Bristol and Glas. Archaeol., Soc.* VI.
- [340] *E. S. R.*, II., 82.
- [341] *Ipswich Court Bk. Brit. M. Addit.*, MS. 30158, fol. 34.
- [342] *Ibid.*
- [343] Основан в 1520 году.
- [344] *Trans. Hist. Soc. Lancs. and Chester*, VIII., 51.
- [345] *V. C. H., Durham*, I., 371.
- [346] *Chron. Jocelyn de Brakelonde*, p. 3.
- [347] *S. M. E.*, p. 161.
- [348] Rashdall, *Univ.*, II., pt. II., p. 765.
- [349] Cooper: *Annals of Cambridge*, I., p. 56.
- [350] *Reg. Joh. Whethamstede*, II., 305.
- [351] *Cant. Cath. Mun.*, X., 4, S. B. 4: *Ed. Ch.*, pp. 252-267. Устав школы Ипсвича (1476-7 гг.) гласит: "Директор грамматической школы отныне должен иметь юрисдикцию и управлять всеми учениками в пределах свободы и прецента этого города, за исключением только мелких". *Ipswich Court Bk.*, B. M., MS. Add. 30158, fol. 34.

- [352] P. 39.
- [353] *Vita S. Thomas*, pp. 189, 190, ed. Giles, цитируется Furnivall. *Forewords*, p. 6.
- [354] Cornish, *Chivalry*, p. 24.
- [355] Cornish, *op. cit.*, pp. 15, 16.
- [356] *Liber Niger*, p. 45; цитируется по *Forewords*, p. 11.
- [357] Lacroix; *Military and Religious Life in the Middle Ages*, pp. 137, 138.
- [358] *Op. cit.*, p. 27.
- [359] Roper's *Life of More*, ed. Singer, p. 3.
- [360] Cavendish: *Life of Wolsey*, ed. Singer, vol. I., p. 38.
- [361] *Household Book*, p. 254.
- [362] *Liber Niger*, p. 51.
- [363] *Household Bk.*, Earl of Northumberland, pp. 41, 47, 97, 254.
- [364] *Forewords*, p. 13.
- [365] Froude, *Hist. V.*, pp. 39, 40.
- [366] *Coventry Leet Book*, I., 101.
- [367] Mrs. Green, *Town Life in the Fifteenth Century*, II., 18.
- [368] Chantry Certif., E. S. R., II., 144.
- [369] Mrs. Green, *op. cit.*, II., 16.
- [370] Карпайл: *Grammar Schools*, I., 117.
- [371] *Schools of Medieval England*, p. 246.
- [372] Sharpe, *Wills*, II., 484.
- [373] *Freemen of York*, vol. I., pp. 1, 77, 98-Sur. Soc., No. 96, 1897.
- [374] Meredith: *Econ. Hist.*, p. 81.
- [375] *Historical Papers and Letters from the Northern Registers* (R. S.), p. 401.
- [376] 36, Ed., III., c. 8.
- [377] *Muniments of King's College, Cambridge: Ed. Ch.*, p. 402.
- [378] *Op. cit.*, II., 157.
- [379] *Rot. Parl.*, II., p. 246.
- [380] *Ibid.*, V., p. 274.
- [381] Abram: *Social Life in England*, Ch. 1.

[382] Green: *Life in an Old English Town*, p. 278.

[383] Abram: *Social England*, p. 13.

[384] *Rot. Parl.*, III., 501.

[385] *Ibid.*, III., 601-2, V., 113.

[386] Abram, *op. cit.*, p. 30.

[387] Abram, *op. cit.*, p. 96.

[388] *Manners and Meals*, p. 189.

[389] Тема происхождения и развития английских университетов была настолько подробно рассмотрена другими авторами, в частности, мистером Басом Маллингером и доктором Гастингсом Рашдаллом, что здесь она затрагивается лишь в той мере, в какой это строго необходимо для тезисов, которыми мы занимаемся.

[390] Грамматика, Риторика, Диалектика.

[391] Музыка, арифметика, геометрия и астрономия.

[392] Rashdall, *Univ.*, I., p. 36.

[393] *Ibid.*, p. 39.

[394] *Ibid.*, p. 42.

[395] Rashdall, *Univ.*, II., p. 60.

[396] Rashdall, *Univ.*, I., p. 10.

[397] *Ibid.*, p. 72.

[398] *Oxford Historical Society: Collectanea*, II., p. 153.

[399] *Ibid.*, p. 105.

[400] *Ibid.*, p. 156.

[401] *Ibid.*, p. 159.

[402] *Rob. de Monte, Chron.* ed. Migne, Vol. CLX., p. 466.

[403] *Gervasius Cantuar., Actus Pontificum Cant.*, ed. Stubbs, Vol. II., p. 384.

[404] *Giraldus Cambrensis*: ed. Brewer, Vol. I., pp. 72, 73.

[405] Mullinger, pp. 80, 81, Brodrick, p. 3, Laurie, p. 236.

[406] *Materials for the Life of Becket*, ed. Robertson, VII., p. 146.

[407] Rashdall, *Univ.*, vol. II., p. 342.

[408] *Munimenta Academica* (R. S.), I., 2.

[409] См. Rashdall, *Univ.*, II., 419-421.

[410] *Munimenta Academica*: I., 39, 40.

- [411] Rashdall, *Univ.*, II., 424.
- [412] *Munimenta Academica* (R. S.), I., 228, 229.
- [413] *Chron: Roger of Wendover* (R. S.), II., p. 51.
- [414] См. также *Munimenta Academica*, pp. 1-4.
- [415] *Cal. Close Rolls*, 15 Hen. III., p. 586; *Ed. Ch.*, p. 149.
- [416] Cooper: *Annals of Cambridge*, I., 56.
- [417] Mullinger, 288, 290; Rashdall, II., 549, 550.
- [418] Toulmin Smith: *English Guilds*, p. XIV.
- [419] Датируется одиннадцатым веком.
- [420] *English Guilds*, p. lxxxi.
- [421] *Ibid.*, p. lxxxiii.
- [422] *Two Thousand Years of Gild Life*, p. 106.
- [423] Hartshorn: *Study of Voluntary Associations in Europe*, 1100-1700, p. 12.
- [424] Ashley: *Econ. Hist.*, I., p. 70.
- [425] Gasquet: *Précis des Institutions de l'Ancienne France*, II., 233-243.
- [426] Gross, *Gild Merchant*, p. 32. n. 1.
- [427] *Ibid.*, pp. 37 seq.
- [428] Ashley, *Econ. Hist. I.*, p. 72.
- [429] *Ibid.*, p. 79.
- [430] *Ibid.*, p. 80.
- [431] *Ibid.*, p. 81.
- [432] *Bristol Little Red Book*, fol. 82-3. Под ред. У. Б. Бикли для корпорации Бристоля.
- [433] Toulmin Smith, *op. cit.*, p. 280.
- [434] T. Smith, *op. cit.*, p. 198.
- [435] Maldon Court Rolls, Dr. Andrew Clark in *Essex Rev.* XV., p. 146.
- [436] *Gild Certif.*, 57.
- [437] Другие примеры: Prittlewell, *Cal. of Pat.* 1476-85, p. 34; Thaxted, *ibid.*, p. 227; Finchingley, *Chantry Certif.*, XIX., 13; XX., 19; XXX., 17. О связи грамматической школы в Ипсвиче с гильдией Корпуса Кристи свидетельствует *судебная книга Ипсвича (Ipswich Court Bk.*, Brit. Mus. Ad. MS., 30158 fol. 34; в Винчестере - с гильдией Корпуса Кристи, Brit. Mus. Ad. MS. 24435 fol. 153 b.; в Луте с гильдией Святой Марии, счета церковных причетников приходской церкви, 1533 г. в R. W. Goulding's *Court Rolls of the Manor of Louth*. Гильдия Пресвятой Марии основала школу в Веллингборо в 1392 году (Pat. 16, R. II., pt. ii., m. 29, 30). См. также p. 161 *infra*;

гильдии и кантри настолько тесно связаны, что в некоторых случаях трудно провести четкую линию разграничения.

[438] *E. S. R.*, II., 283, 284.

[439] *E. S. R.*, II., pp. 20-22.

[440] Toulmin Smith, *English Gilds*, p. 221.

[441] *Ibid.*, pp. 203-205; *E. S. R.*, 267-268.

[442] *Hist. of Warwick Sch.*, p. 95.

[443] *Coventry Leet Book*, I., 101.

[444] Redstone, *Trans. Royal Hist. Soc.*, N. S., XVI., p. 166.

[445] *Hist. MS.*, Com. X., App. IV., 425; *Ed. Ch.*, 439.

[446] Carlisle: *Endowed Gr. Schs.*, I., 335.

[447] *E. S. R.*, II., 180-184.

[448] *P. C. C.*, 34 Luffenham, p. 269.

[449] Копия завещания в *Duchy of Lancaster Misc. Bks.*, 25 fol. 19.

[450] *E. S. R.*, II., 144.

[451] *E. S. R.*, II., 144.

[452] Например, Douze Gild, Feste du Pin.

[453] Toulmin Smith: *English Gilds*, p. 115.

[454] *Ibid.*, p. 155.

[455] *Ibid.*, p. 160.

[456] *Ibid.*, p. 226. Другие примеры см. на с. 179, 194, 287, а также в Hartshorn, *op. cit.*, p. 15.

[457] Cp. Page, *Yorkshire Chuntries*, Surtees Society.

[458] См. также *Liber Vitae* of Durham, Surtees Society.

[459] *E. S. R.*, I., 53.

[460] См. *V. C. H.*, *Durham*, I., p. 371.

[461] *E. S. R.*, II., 60.

[462] *Ibid.*, p. 65.

[463] *Stat. of the Realm*, IV., pt. I., p. 24.

[464] *Eng. Schs. at Ref.*, p. 91.

[465] *E. S. R.*, II., 56.

[466] *Chant. Certif.* XXI., No. 24, *Trans. Bristol and Glouc. Archael. Soc.* VI.

[467] *Chantry Certif.*, No. 36. Эта капелла была основана на основании патента. (Pat. 27, Henry VI., pt. I, m. 27). Дополнительные грамоты были выданы в 1451 году. (P. C. C. Luffenham, p. 278). В патенте на привилегию ничего не говорится о школе. См. также *E. S. R.*, II., 146.

[468] *Bk. III., Ch. 1.*

[469] *Paston Letters*, V., 21.

[470] *Work and Wages*, p. 165.

[471] *Paston Letters*, IV., 237-44; Abram: *Social Life in England*, p. 189.

[472] *E. S. R.*, II., p. 89.

[473] *Yorkshire Schools*, II., pp. 60, 61.

[474] *E. S. R.*, II., p. 286.

[475] *E. S. R.*, p. 228.

[476] *S. M. E.*, p. 177.

[477] *E. S. R.*, II., p. 123.

[478] *E. S. R.*, II., p. 297.

[479] *E. S. R.*, II., p. 201.

[480] *E. S. R.*, II., p. 160.

[481] *E. S. R.*, II., p. 302.

[482] *E. S. R.*, II., p. 89.

[483] *E. S. R.*, II., p. 100.

[484] *E. S. R.*, II., p. 297.

[485] *E. S. R.*, II., p. 39.

[486] Cp. Leach, *E. S. R.*, I., p. 91.

[487] *E. S. R.*, I., pp. 91, 92.

[488] *E. S. R.*, II., p. 31.

[489] *E. S. R.*, II., p. 317.

[490] *E. S. R.*, II., p. 34.

[491] *E. S. R.*, II., p. 78.

[492] *E. S. R.*, II., p. 317.

[493] *E. S. R.*, II., p. 47.

[494] *E. S. R.*, II., p. 15.

[495] *E. S. R.*, II., p. 152.

- [496] *E. S. R.*, II., p. 258.
- [497] *E. S. R.*, II., p. 320.
- [498] Wilkins, *Concilia*, III., p. 722; *Ed. Ch.*, pp. 444-6.
- [499] Wilkins, *Concilia*, IV., p. 3.
- [500] *Statutes of the Realm*, IV., pt. 1, p. 24.
- [501] Cf. Coulton: *Monastic Schools of the Middle Ages*. Leach: "Монастыри и образование" в *Циклопедии образования*.
- [502] *Gesta Abbatum Mon. S. Albani*, I., p. 72.
- [503] *V. C. H., Hants.*, II., p. 251.
- [504] *V. C. H., Suffolk*, II., p. 303.
- [505] *P. R. O.*, antiq. H., No. 8.
- [506] Charter Roll, 2 Henry III., pt. 1, m. 27.
- [507] *V. C. H., Berks.*, II., p. 245.
- [508] *Rot. Chart.*, p. 7.
- [509] *V. C. H., Derbyshire*, II., p. 209.
- [510] *V. C. H., Bedfordshire*, II., p. 152.
- [511] *V. C. H., Lincs.*, II., p. 450.
- [512] *Устав аббатства Бури-Сент-Эдмундс*, Harl. MSS. 1005, fol. 95 b. Список школ, связанных с монастырями, не претендует на полноту.
- [513] *V. C. H., Sussex*, p. 413.
- [514] Exch. K. R. Misc. Bks. (P. R. O.), fol. 21, 168, 178, 180. *V. C. H., Wars*, II., p. 319.
- [515] См. *Somerset and Dorset Notes and Queries*, III., p. 241.
- [516] *Chant. Certif.*, 42, No. 172.
- [517] Sparrow Simpson, *Registrum Statutorum*, pt. VIII., ch. 6.
- [518] *Ed. Ch.*, p. xxxii.
- [519] Reg. Whethamstede, (R. S.), II., 315, trans. Gibbs: *Hist. Rec. of St. Albans*.
- [520] B. M. Landsdowne, MS., 375, см. *V. C. H., Herts.*, II., p. 315.
- [521] Издание общества Surtees, p. 91.
- [522] *Op. cit.*, V., pp. 302-3.
- [523] *Hist. Mon. Glouc.*, III., p. 290.
- [524] *Lum. Cantuar* (R. S. 85), II., p. 464.

- [525] *B. M. Add. Chart.*, 19641, V. C. H., Berks., p. 243.
- [526] *Journal of Educ.*, Jan. 1905. *Ed. Ch.*, p. 306.
- [527] *S. M. E.*, p. 220.
- [528] *Ibid.*, p. 221.
- [529] *Ibid.*, p. 221.
- [530] *Early Yorkshire Schools*, I., p. 31.
- [531] Sharpe: *Hist. and Antiq. Coventry*, p. 154 n.
- [532] Valor. Eccl. (R. C.), III., p. 51. Среди оставшихся школ-альмонириев были школы Шерборнского аббатства, Торнтон, Иксворта, Норвича, Эли, Ившема, Фернесса, Бристоля, Тьюксбери, Уинчкомба и Винчестера.
- [533] *S. M. E.*, p. 218.
- [534] Mon. Schs. in Mid. Ages. *Contemp. Rev.*, June 1913. Приложение. Что касается количества детей в школах алмонри, то можно отметить, что в 1381-2 гг. в Сент-Свитуне было всего три мальчика, в 1400-1 - пять, в 1469-70 - восемь, а в 1484-5 - вообще ни одного. *Compotus Rolls ... of St. Swithun's*, 204 n. См. также Abram: *English Life and Manners*, p. 207. Лич считает, что общее число мальчиков, обучавшихся в школах алмонри, составляло 1000 человек. *S. M. E.*, p. 230.
- [535] *Letters and Papers of Henry VIII.*, ed. Gairdner, Vol. XII., p. 405. Coulton, *Monastic Schools, Contemp. Rev.*, June 1913.
- [536] *Dugd. Mon.*, II., p. 363.
- [537] *Ibid.*, II., p. 457.
- [538] *Ibid.*, IV., p. 69.
- [539] Коултон, *Мон. Sch.*, p. 7.
- [540] V. C. H., Beds., I., p. 356.
- [541] *Social Life*, p. 216. См. также *Early Chanc. Proceed.*, 44/227.
- [542] *Downside Rev.*, Vol. X., p. 31, seq.
- [543] *The Old English Bible and other Essays*, p. 227.
- [544] Surtees Society, 107, ed. Canon Fowler, p. 91.
- [545] *Hist. Mon. Glouc.*, I., 53.
- [546] *Ibid.*
- [547] B. M. Cott. Faust., VI. (Реестр Даремского приорства): *Ed. Ch.*, p. 290.
- [548] *Ibid.*
- [549] Roger Prior's Reg., V., 261 b.
- [550] "Non habeant ludimagistrum".

- [551] *Visitations of Dioc. of Norwich* (Camd. Soc.) 1888, ed. Jessop, pp. 137, 221.
- [552] Brit. Mus. MSS., Arundel, f. 69, *Ed. Ch.*, p. 445.
- [553] *Ibid.*
- [554] *Worcester College*, by C. H. Daniel and W. R. Barker, p. 3.
- [555] *Chron. Petroburgense* (Camd. Soc., 1849), p. 31, *Ed. Ch.*, p. 197.
- [556] Worc. Epis. Reg. Giffard, fol. 206, *Ed. Ch.*, p. 199.
- [557] Worc. Ep. Reg. Giffard, f. 429, *Ed. Ch.*, 198.
- [558] *Некоторые списки Даремского колледжа* (Oxon. Hist. Soc., 1896); *Collectanea*, III., 7.
- [559] Rashdall, *Univ.*, II., p. 498.
- [560] *Ibid.*, p. 499.
- [561] *Ibid.*, pp. 478-480.
- [562] *Hist. Mon. Glouc.* (R. S.), I., 34.
- [563] *Op. cit.*, p. 26.
- [564] *V. C. H., Glouc.*, II., p. 341.
- [565] *Worcester Coll.*, p. 27.
- [566] B. M. Cott. Faust., VI. (Durham Priory Reg.), *Ed. Ch.*, p. 293.
- [567] Brit. Mus. MS. Harl., 1498. *Ed. Ch.*, p. 440.
- [568] *Ibid.*
- [569] Rashdall: *Univ.* II., p. 480.
- [570] *Ibid.*
- [571] Jessop: *Coming of the Friars*, p. 21.
- [572] *Ibid.*, p. 22.
- [573] См. Denifle: *Constitutiones des Predeger-Ordene* vom Jahre, 1228-in Archiv. fur Litt. und Kirchenges des Mittelalters, 1885, p. 194.
- [574] Rashdall: *Univ.*, vol. I., p. 348.
- [575] *Cyclopaedia of Educ.*, Art. Францисканцы.
- [576] *Trans. Roy. Hist. Soc.*, VIII., N. S. May, 1894.
- [577] Little: *Op. cit.*, p. 49.
- [578] *Acta Selecta Capitulorum Generalium Ord. Praed.*, ed. Martene and Durand, IV., pp. 1899-1900.
- [579] Douais: *Essai sur l'Organisation des Etudes dans l'Ordre des Frères Precheurs en Provence et Toulouse*, p. 53. Литтл отмечает, что "философия обычно эквивалентна искусствам и иногда

применяется к натурфилософии. Поэтому можно считать, что "naturalium et artium" интерпретирует "philosophie" (*op. cit.*, p. 50).

[580] *Constitutiones antike ordinis Predicatorum*, ed. Denifle, I., p. 202.

[581] *Ibid.*, I., p. 201.

[582] Little: *op. cit.*, p. 50.

[583] Denifle: *op. cit.*, p. 222.

[584] Douais: *op. cit.*, p. 3.

[585] Little: *op. cit.*, p. 53.

[586] Douais: *Op. cit.*, p. 58.

[587] Little: *op. cit.*, p. 53.

[588] *Op. cit.*, p. 54.

[589] Martene: *op. cit.*, IV., p. 1900.

[590] *Op. cit.*, p. 56.

[591] Denifle: *op. cit.*, pp. 190-1.

[592] *Stat. of the Realm*, IV., pt. 1, p. 24.

[593] Bk. I., Ch. 1.

[594] Foundation deed, Winchester College in Hist. *Winchester Coll.*, p. 66.

[595] *Ibid.*

[596] *Ibid.*

[597] Lyte: *Hist. Univ. Oxford*, p. 97.

[598] Rashdall, *Univ.*, II., p. 656.

[599] *Munimenta Academica*, II., p. 684.

[600] *Norwich Corporation Records. Session Book of 12th Hen. VIII.* Norfolk Archaeol., IV., p. 342.

[601] *Univ.*, II., p. 657.

[602] Цитируется в Moberly's *Life of William of Wykeham*, p. 108.

[603] *Yorkshire Schools*, II., p. 4.

[604] Cott. MSS. Titus, c. IX., f. 58; *Ed. Ch.*, p. 110.

[605] *Grandisson's Register*, II., p. 666.

[606] *Durham Cathedral Muniments, Liber Elemosinarii*, fol. 12 r.; *Ed. Ch.*, p. 124.

[607] *Sarum Church and Diocese* (R. S.), p. 334.

[608] *Stat. Coll. Oxon.*, I.; *Ed. Ch.*, p. 171.

[609] Строго говоря, Винчестер и Итон были примерами коллежских церквей, о которых мы рассказываем в следующей главе. В свою очередь, коллегиальные церкви четырнадцатого и пятнадцатого веков были певчими в больших масштабах.

[610] *Rot. Parl.*, V., 45.

[611] *Ibid.*

[612] Chancery Warrants, Series I., file 1439: *Ed. Ch.*, p. 413.

[613] *Ibid.*

[614] *Univ.* II., p. 500.

[615] *Winchester College*, pp. 88, 89.

[616] *Винчестерская школа*, с. 92.

[617] *Ibid.*

[618] Whiston: *Cathedral Trusts*, p. 12.

[619] *S. M. E.*, p. 119.

[620] *Univ.*, II., p. 656.

[621] *Forewords*, XXXI.-XXXVI.

[622] *S. M. E.*, p. 206.

[623] *Ibid.*, p. 207.

[624] Lebeuf: *Histoire de la Ville et tout le Diocese de Paris*, II., pp. 129, 130.

[625] Walsingham: *Ypodigma Neustriae* (R. S.), p. 141.

[626] *Sarum Ch. and Dioc.* (R. S.), p. 334.

[627] Or 1263, *Univ.*, II., p. 481.

[628] *Stat. Coll. Oxford*, I.; *Ed. Ch.*, p. 171.

[629] *Univ.*, II., p. 482.

[630] *Univ.*, II., p. 485.

[631] Wilkins, *Concilia*, I., pp. 3, 55 seq.

[632] *Statutes*, cap. 40; *Ed. Ch.*, p. 185.

[633] *Pat. Roll*, 9 Edw., I., m. 28; *Ed. Ch.*, p. 224.

[634] *Charter Roll*, 13 Edw., I., m. 28; *Ed. Ch.*, p. 226.

[635] *Ibid.*

[636] Ed. Кейли, Эллис и Бандинел.

[637] Wharton: *Anglia Sacra*, I., p. 740.

[638] *Mon.*, VI., p. 1473.

[639] Brit. Mus. *Cott. MSS. Faustina*, A., VI. f. 104, перепечатано в *Early Yorkshire Schools*, Vol. II., pp. 84-86; *Registrum Parvum*, f. 11, перепечатано в *Yorkshire Schools*, pp. 86-88.

[640] *Mon.*, VI., p. 1344.

[641] *E. S. R.*, II., p. 40.

[642] *E. S. R.*, II., p. 31.

[643] *Mon.*, VI., p. 1346.

[644] *E. S. R.*, II., p. 54.

[645] *Mon.*, VI., p. 1459.

[646] *S. M. E.*, p. 210.

[647] *Reg. Ep. Worcester*, H. Wakefield, p. 72, *Ed. Ch.*, pp. 330-334.

[648] *Ibid.*

[649] *Ibid.*

[650] *Ibid.*

[651] *Pat.* 16, *Ric.* II., p. 1, m. 24.

[652] *Reg. principale D. Archiep. Cantuar*, fol. 124 a, перепечатано *Mon.*, VI., p. 1391.

[653] *Mon.*, VI., p. 1393.

[654] Герцогство Ланкское. *Cert. of Colleges*, No. 4, *Chant. Certif.* XX., 43.

[655] Перепечатано *Mon.*, VI., pp. 1394-1395.

[656] *S. M. E.*, p. 209.

[657] *Mon.*, VI., p. 1375.

[658] *Pat.* 5, *Hen.* VI., p. m. 19.

[659] *S. M. E.*, p. 211.

[660] *Mon.*, VI., p. 1401.

[661] *Pat.* 12, *Hen.* IV., *pars unica*, m. 20.

[662] *Pat.*, 3, *Hen.* V., pt. I, m. 6, перепечатано *Mon.*, VI., pp. 1404-1411.

[663] *Ibid.*, p. 1407.

[664] *Mon.*, VI., p. 1415.

[665] MS. in bibl. Cotton, fol. 8, перепечатано в *Mon.*, VI., pp. 1417-1423.

[666] См. также *Chant. Certif.*, 45, № 47.

[667] *Mon.*, VI., p. 1411.

- [668] Cp. *E. S. R.*, II., pp. 153, 154, 155, 280; *P. R. O.*, Aug. Off. Misc. Bks. 147.
- [669] *Pat.* 10, Hen. V., m. 3, перепечатано *Mon.*, VI., pp. 1425-6.
- [670] Cp. *S. M. E.*, p. 254.
- [671] *Mon.*, VI., p. 716.
- [672] Carlisle, *Endowed Gr. Schools*, II., p. 301.
- [673] *Mon.*, VI., p. 1430.
- [674] *S. M. E.*, p. 255.
- [675] *S. M. E.*, p. 256.
- [676] Вероятно, около 1470 года.
- [677] *Rot. Parl.*, V., p. 256; перепечатано *Yorkshire Schools*, II., pp. 89-91.
- [678] *E. S. R.*, II., p. 298.
- [679] *Mon.*, VI., pp. 1441-1443; *Yorkshire Schools*, II., pp. 101-141.
- [680] Перепечатано *Yorkshire Schools*, II., 109-130, из MS. в Sydney Sussex Coll., Camb.
- [681] *Ib.*, pp. 113, 114.
- [682] *Ib.*, p. 115.
- [683] *Ib.*, p. 116.
- [684] *Ib.*, p. 110.
- [685] *Ibid.*, p. 116.
- [686] p. 210.
- [687] *Mon.*, VI., p. 766.
- [688] *S. M. E.*, p. 261.
- [689] *Pat.*, II., Ed. IV., p. 2., m. 15, *Mon.*, VI., p. 725.
- [690] Cf. *S. M. E.*, p. 272.
- [691] Каноническое право 1179 и 1215 гг. не положило начало этому обычаю.
- [692] См. кн. I, гл. II.
- [693] Грамматика, риторика и диалектика.
- [694] Геометрия, арифметика, музыка и астрономия.
- [695] По общему вопросу см. Abelson, *The Seven Liberal Arts*, Parker, "The Seven Liberal Arts," *Eng. Hist. Rev.*, V., pp. 417-461, July 1890; Rashdall, *Univ.*, I., pp. 33-37; West, *Alcuin* pp. 4-27.
- [696] *E. S. R.*, II., p. 56.
- [697] *E. S. R.*, II., p. 117.

- [698] Bk. II., ch. II.
- [699] *Polycraticus*, II., 28.
- [700] Bk. II., ch. X.
- [701] "Quum primum adolescens admodum, studiorum causa migrassem in Gallias."
- [702] *Metal.*, I., 24.
- [703] *Illustrations of Medieval Thought*, p. 121.
- [704] Johannis Saresberiensis, *Opera*, ed. Giles, Vol. V., pp. 79, 80.
- [705] *Metal.*, II., 10; перевод Пула.
- [706] *Gesta. Abb. Mon. S. Albani.*, I., 72.
- [707] *Ed. Ch.*, p. 116.
- [708] *Life of Thomas à Beckett* (R. S.), III., p. 3.
- [709] *Ibid.*, p. 14.
- [710] Описание см. в Drane: *Christian Schools and Scholars*, pp. 230-2; Foster Watson, *Grammar Schools*, pp. 32-37.
- [711] *Mem. of Southwell Minster*, p. 205.
- [712] Taylor: *Medieval Mind*, vol. II., p. 516.
- [713] Bacon: *Opera Inedita*, ed. Brewer, Rolls Series, p. lix.
- [714] *Ibid.*, p. 59.
- [715] *Ibid.*, p. 398.
- [716] *Opus Major*, par. 1.
- [717] См. Brewer's ed., p. 322, *seq.*
- [718] Cp. Taylor, *op. cit.*, vol. II., p. 527.
- [719] *Opus Tertium*, гл. XXIX, перевод Тейлора.
- [720] *Opera Inedita*, ed. Brewer, p. lix.
- [721] *Op. cit.*, p. lxii.
- [722] *Op. cit.*, p. lxxv.
- [723] *Op. cit.*, p. lxxv.
- [724] *Opera Inedita*, ed. Brewer, pp. 58, 59.
- [725] Anstey: *Munimenta Academica*, I., p. 34.
- [726] Chaucer: *Canterbury Tales*, ed. Skeat, p. 299.

- [727] *Ibid.*, p. 421.
- [728] *Statutes of the Colleges of Oxford*, vol. I.; *Ed. Ch.*, pp. 349-373.
- [729] Brit. Mus. Add., MS. 30158, f. 34.
- [730] Т.е. "обезьяньи глаза".
- [731] Ср. статью в *Cyclopaedia of Education*.
- [732] Carlisle: *Grammar Schools*, I., p. 314.
- [733] P. C. C., 8 Maynwaryng.
- [734] См. Carlisle, *op. cit.*, II., pp. 594-598.
- [735] Копия этой временной таблицы перепечатана в Leach: *Educational Charters*, pp. 448-451; см. также *Archaeologia*, XXXIV., p. 37, *seq.* Фостер Уотсон приводит полный отчет о проекте устава Кардинальского колледжа в Ипсвиче (1528 г.) в книге "Старые грамматические школы", с. 16-18.
- [736] Об учебниках Стенбриджа см. в книге: Foster Watson: *English Grammar Schools*, pp. 385-386.
- [737] *Ibid.*, pp. 238-45.
- [738] Среди записей о школах-кантри шесть упоминаются как обучающие письму; см. E. S. R., II., pp. 66, 98, 251, 305, 307, 312.
- [739] *Yorkshire Schools*, II., p. 109.
- [740] E. S. R., II., p. 21.
- [741] E. S. R., II., p. 85.
- [742] Cutts: *Scenes and Characters in the Middle Ages*, p. 200.
- [743] Cutts: *op. cit.*, p. 205.
- [744] Johnson: *Canons*, II., p. 421.
- [745] *Household Book of Henry Algernon, fifth Earl of Northumberland*, Antiq. Repertory, IV., p. 242.
- [746] *Диалог о ересях*, III., с. 12.
- [747] Dunning: *Political Ideas*, p. 263.
- [748] *Illustrations of Medieval Thought*, p. 305.
- [749] *Letters of Grosseteste* (R. S.), p. 63.
- [750] *Ibid.*, p. 68.
- [751] *Ibid.*, p. 151.
- [752] 2 Hen. IV., c. 15. *Stat. of the Realm*, II., 127.
- [753] *Rot. Parl.*, III., 584.
- [754] Johnson: *Laws and Canons*, II., p. 465. [754] Wilkins: *Concilia*, III., p. 317.

[755] 2 Hen. V., c. 7.

[756] См. р. 129.

[757] *Rot. Parl.*, 12, R. II., c. 5.

[758] *Rot. Parl.*, 15, Ric. II., 39; цитируется de Montmorency, *State Intervention*, p. 27.

[759] *Op. cit.*, pp. 30-32.

[760] См. с. 200.

[761] *Statutes of the Realm*, 7, Henry IV., c. 17.

[762] *Pat.*, 24, Henry VI., pt. ii., m. 28.

[763] *Rot. Parl.*, V., 137.

[764] Bk. II., ch. VI.

Примечание транскриптора:

Пунктуация исправлена и стандартизирована без купюр.

Несоответствия в орфографии и дефисном написании сохранены в оригинальном тексте.

В списке на странице 39 номера представлены так, как в оригинальном тексте.
